

4М
И-49

Т. П. ИЛЬЯШЕНКО

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ

НА МАТЕРИАЛЕ
СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК МОЛДАВСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Т. П. ИЛЬЯШЕНКО

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ
НА МАТЕРИАЛЕ
СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИХ
ОТНОШЕНИЙ

Краткий очерк

1970

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва

В монографии исследуются языковые контакты в общелингвистическом плане (вопросы двуязычия, языкового взаимодействия, интерференции) и в плане рассмотрения развития национальных языков народов Советского Союза, в частности молдавского, на материале элементов синтаксической системы.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор филологических наук

Ю. Д. ДЕШЕРИЕВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В результате исследования фактического материала молдавского языка, в частности его публицистического, научного, административного стилей, а также стиля различных жанров художественной литературы, выявляются отдельные процессы в подсистемах синтаксиса (именной, глагольной), которые имеют существенное значение для развития структурных возможностей предложения в целом.

При сопоставлении процессов синтаксиса молдавского языка с соответствующими процессами русского (контактного) и французского (родственного) языков выясняется наличие общих моделей синтаксических структур молдавского не только с родственными, но и с русским языком, а также тенденция расширения последних.

Исследованный фактический материал дает возможность предположить, что понятие родственности можно отнести не только к языкам, развившимся из единой основы; элементы родственности появляются и закрепляются также в языках, развивающихся в непосредственном и непрерывном контакте на протяжении всей своей истории и предыстории.

Известно, что наличие единых моделей определяется как типологическое отношение, которое не требует в качестве обязательной предпосылки контакта между двумя языками.

Н а л и ч и е же единых моделей и функционально-формальное их р а с ш и р е н и е можно объяснить при учете комплекса причин развития системы языка в целом

или его подсистем, среди которых языковой контакт представляется одной из существенных причин.

Поэтому языковые контакты выдвигаются в качестве теоретической основы при рассмотрении процессов развития современного молдавского языка.

В связи с тем, что фактический материал рассматривается на базе теории языковых контактов, возникает необходимость выяснения некоторых узловых вопросов этой теории, из которых выделяются: 1) вопрос о двуязычии; 2) вопрос о языковом взаимодействии; 3) вопрос об интерференции.

Теория языковых контактов включает в себя также одну из главных проблем, поставленных перед советскими лингвистами в Программе Коммунистической партии Советского Союза,— проблему исследования закономерностей развития национальных языков в период строительства коммунизма. Эта проблема вытекает из объективной реальности развития языков в социалистических условиях. Процесс развития всех национальных языков протекает «на основе равноправия и взаимообогащения»,— говорится в Программе.

Принцип равноправия был положен в основу развития национальных языков сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции. В. И. Ленин, говоря о национальной программе марксистов, указывал на необходимость отстаивать в первую очередь «равноправие наций и языков»¹.

В настоящее время, в период развернутого строительства коммунизма в нашей стране, развитие национальных языков на основе равноправия и взаимообогащения приобретает новый аспект. На базе этого двуединого принципа особенно перспективным является основанный на равноправии процесс взаимообогащения. Известно, что взаимообогащение проявляется во всей жизни советских наций, в том числе в их культуре и языке. В теоретических исследованиях по вопросу развития национальных языков особое внимание обращается на их взаимообогащение, причем отмечается, что ведущая роль в этом процессе принадлежит русскому языку, ставшему средством межнационального и интернационального общения и оказывающему определенное влияние на многие языки мира.

¹ В. И. Л е н и н. Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 115.

Это положение аргументируется в исследованиях Ю. Д. Дешериева², в работах М. Д. Каммари, рассматривающего вопрос развития национальных языков в плане марксистской социологии, и др.³ Институтом языкознания АН СССР подготовлен большой коллективный труд по изучению закономерностей развития и взаимодействия языков в советском обществе; в Институте русского языка АН СССР завершено исследование теоретически важной проблемы, представленной коллективной монографией «Русский язык и советское общество». В последние годы проводились всесоюзные конференции по различным вопросам развития языков народов СССР и роли русского языка⁴.

Таким образом, выяснение различных вопросов, относящихся к изучению процесса развития языков социалистических наций на современном этапе, выдвигается в качестве первоочередной задачи.

Особенность взаимодействия языков социалистических наций состоит в том, что оно основано на развитии, т. е. процесс взаимодействия происходит через развитие. А процесс развития протекает на основе постоянного и всестороннего контакта.

В этой связи уместно напомнить, что некоторые исследователи европейских языков, такие, как Бруно Мильорини, Антуан Мейе и др., подчеркивали очевидный процесс сближения языков в ходе сближения культур народов Европы. Известно высказывание А. Мейе о том, что языки Европы, что они выражают, имеют тенденцию быть кальками одни других⁵ (разрядка моя — Т. И.).

² Ю. Д. Д е ш е р и е в. О развитии языков народов СССР. «Вопросы строительства коммунизма в СССР». М., 1959; О н ж е. Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР. «Изв. АН СССР». М., 1959; О н ж е. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966.

³ М. К а м м а р и. Строительство коммунизма и развитие национальных языков. «Политическое самообразование», 1960, № 4; О н ж е. Строительство коммунизма и дальнейшее сближение наций в СССР. «Вопросы философии», 1961, № 9.

⁴ В 1963 г. — в Алма-Ате, в 1964 г. — в Казани, в 1965 г. — в Орджоникидзе; в 1966 г. — в Москве состоялась обширная дискуссия на тему «Язык и общество».

⁵ А. М e i l l e t. Les langues dans l'Europe nouvelle. Paris, 1928, стр. 2 sq.: «Les langues de l'Europe tendent à être, par ce qu'elles

Фактический материал молдавского языка дает основание углубить положение А. Мейе в том направлении, что калькирование представляет собой также внутрискруктурный процесс; возникновение общих явлений в языках происходит на основе не только того, что они выражают, но и того, как они выражают, т. е. какими общими типами или моделями структур.

В плане выяснения процесса развития молдавского языка, находящегося в непосредственном контакте с русским языком, необходимо краткое изложение основных хронологических срезов славяно-молдавских языковых отношений, так как синхрония понимается как аспект диахронии. При этом в качестве исходного принимается понятие «лингвистического времени», определенного Э. Бенвенистом.

Известно, что понятие времени рассматривается Э. Бенвенистом в трех аспектах: 1) время физическое (или психическое, которое каждый человек измеряет по своей внутренней жизни); 2) время хроническое (разделение времени на дни, недели, месяцы, годы и т. д.); 3) время лингвистическое непосредственно связано с речью и человеческим опытом, зафиксированным в языке; лингвистическое время отправляется от своего основного ядра, наличествующего в настоящем, откуда расходятся его два направления (бинарное направление) — в прошедшее и в будущее ⁶.

exprimant, le calque les unes des autres». См. также: Bruno Migliorini. *Convergenze linguistiche in Europa*. «*Sintèsi*», IV, 1956, стр. 47; Manuel de Paiva Boleo. *O europeismo linguistico*. «*Le lingue del mondo*». Firenze, 1966, № 7. В статье Мануэля де Паива Болео подчеркивается значение лингвистического центра в Бонне, где романисты, германисты и слависты изучают *parole-chiave* «ключевые слова» (*europäische Schlüsselwörter*) европейской культуры и определяют различие значений, например семантическое различие между фр. *culture* и нем. *Kultur*, фр. *gentilhomme* и англ. *gentleman*, нем. *Inteligenz* и рус. интеллигенция и др., стр. 336—337.

⁶ Поскольку опыт прошлого, зафиксированный в языке, представляет собой объективно существовавшую реальность, для лингвистического выражения прошедшего у большинства языков мира наличествует один и более (ср. три формы прошедшего в молдавском и других романских языках) способов выражения прошедшего. Будущее же представляется лишь в виде определенных тенденций, перспектив, и его лингвистическое выражение часто представляется в виде сочетания со вспомогательным глаголом, отоб-

Общетеоретические вопросы языковых контактов в исследовании иллюстрируются фактическим материалом славно-молдавских отношений, в первую очередь в системе синтаксиса. Выделяются именные и глагольно-именные синтагмы, в связи с чем рассматривается общелингвистическое понятие синтагмы, предлагается понятие синтагмы действия, исследуются типы моделей различных структур и отношений.

Таким образом, в работе содержатся три теоретические платформы, как бы вытекающие одна из другой: от языковых контактов вообще к национальным и молдавскому языкам в частности, к системе синтаксиса как одного из основных (после лексической системы) звеньев развития языков в целом на современном этапе.

Одним из ключевых вопросов любого исследования, как известно, является вопрос метода. Говоря об одном из аспектов проявления языковых контактов — о языковом субстрате, Б. А. Серебренников подчеркивает, что из-за отсутствия строгого метода «общим соображениям о возможности влияния языкового субстрата противопоставляются не менее общие соображения о невозможности этого влияния»⁷. В настоящей работе в качестве основного метода принимается двухплановое типологическое сопоставление: генетическое — с родственными романскими языками, ареальное — с русским языком. При необходимости привлекаются любые другие языки.

Известно, что широко использовавшийся в языкознании сравнительно-исторический метод ограничивался применением для восстановления картины исторического прошлого сравнения со словами и формами родственных языков, хотя в его задачу входило и изучение различных инноваций, возникших в период изолированного существования языка от родственного ареала, и результатов влияния других языков.

Следовательно, объективно, на базе сравнительно-исторического метода, в языкознании преобладало особое внимание именно к генетическим проблемам. И поэтому,

ражающим во многих языках понятие «хотеть» (ср. фр. *il va aller*, молд. *el va merze* и т. д.). См.: E. Veneniste. *Le langage et l'expérience humaine*, стр. 3—13.

⁷ Б. А. Серебренников. О взаимодействии языков.— ВЯ, 1955, № 1, стр. 9.

как подчеркивал Р. Якобсон еще в 1931 г., были отодвинуты вопросы об общих явлениях в структуре языков, не обусловленных общим происхождением⁸.

Пражским лингвистическим кружком был предложен метод сопоставительно-типологического исследования, успешно использованный при фонологической характеристике языков балканского языкового союза.

Что понимается под названием «сопоставительно-типологический метод»? Говоря о сопоставлении, мы имеем в виду сравнение явлений в неродственных языках, по-видимому, потому, что сравнительно-исторический метод стоял в основе исследования родственных языков, хотя, по мнению Н. С. Трубецкого, между понятиями родства и заимствования существует только хронологическое различие. Сопоставительный метод определяется А. И. Смирницким как сравнение, независимо от происхождения, не отдельных частных, а типовых, существенных явлений⁹.

Таким образом, для изучения вопросов языковых контактов предлагается метод сопоставительной типологии, которому можно дать следующее определение: сопоставление на основе выявления типов структур и внутриструктурных отношений исследуемых единиц.

В заключение представляется необходимым подчеркнуть, что многие поставленные вопросы общетеоретического плана являются спорными, поэтому в первую очередь дается определение и уточнение тех понятий, которые используются в ходе изложения и анализа фактического материала.

Необходимо также заметить, что каждая из затронутых (с большей или меньшей глубиной освещения) проблем требует своего дальнейшего исследования.

⁸ R. Jakobson. Über die phonologischen Sprachbünde.— TCLP, 1931, 4, стр. 234.

⁹ А. И. Смирницкий. Об особенностях обозначения направления в отдельных языках. «Иностранные языки в школе», 1953, № 2.

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Исследование развития языков на современном этапе, в частности их лексической и синтаксической систем, возможно проводить на различных общетеоретических основах. Такой основой в данной работе, как уже было отмечено, является теория языковых контактов.

Различные вопросы языковых контактов вытекают из рассмотрения славяно-молдавских языковых отношений на всем протяжении предыстории и истории формирования и развития молдавского как одного из языков романской группы и одного из национальных языков социалистических наций Советского Союза.

Поскольку развитие языка в своей основной функции средства общения находится в непосредственной взаимосвязи с развитием культуры, которая в свою очередь проявляется на экономической и социально-политической базе, то языковые контакты могут быть методологически правильно исследованы, если их рассматривать не как отдельные изолированные процессы, а во взаимосвязи с комплексом процессов, объединяемых понятием **к о н т а к т**.

[1. Проблема языковых контактов стала предметом исследования, казалось бы, сравнительно недавно, если исходить из того, что сам термин «языковые контакты», предложенный А. Мартине, получил распространение в лингвистике после появления работы У. Вайнрайха «Languages in contact» (первое издание в 1953, второе в 1963 г., Нью-Йорк).]

В советском языкознании термин «контакт» употребляется Л. В. Щербой в 1926 г. в статье «О понятии „скрещення“ языков», где он говорит о «langues en contact».

Если говорить об истории изучения языковых контактов в советском языкознании, то она излагается в статье «О языковых контактах» В. Ю. Розенцвейга и в работе Ю. О. Жлуктенко «Мовні контакти»¹, поэтому нецелесообразно ее изложение, тем более что эта история весьма кратка. Традиция В. А. Богородицкого, И. А. Бодуэна де Куртенэ, продолженная Л. В. Щербой, затем Е. Д. Поливановым, состоит в рассмотрении проблемы «смешения» языков, а также отдельных вопросов языковых контактов в связи с исследованием других проблем.

Такое положение ставит перед исследователем языковых контактов проблему определения основных понятий-терминов, и в первую очередь понятия «языковой контакт». Поэтому необходимо уточнить понимание термина «языковой контакт», принятое в настоящей работе.

В вышеназванной статье В. Ю. Розенцвейга принимается определение языковых контактов, данное У. Вайнрайхом. «Это определение, — говорит В. Ю. Розенцвейг, — которое принимается и в данной статье, может охватить все относящиеся сюда явления и имеет то преимущество, что указывает на необходимые условия, в которых происходит языковой контакт, а именно — на использование одними и теми же людьми то одного, то другого языка. Таких людей принято называть двуязычными, а самую практику использования двух языков — двуязычием»².

В дальнейшем изложении статьи термины «контакт» и «двуязычие» употребляются как равнозначные. Более того, изучение процесса двуязычия считается основной задачей лингвиста, описывающего языковые контакты. Данное соотношение понятий «контакт» и «двуязычие» представляется спорным, так как языковые контакты проявляются не только на базе билингвизма. Попытка определения соотношения этих двух понятий будет представлена после рассмотрения процесса билингвизма.

Определение понятия языковой контакт, данное У. Вайнрайхом³ и принимаемое многими исследователями, Л. За-

В. Ю. Розенцвейг. О языковых контактах. — ВЯ, 1963, № 1; Ю. О. Жлуктенко. Мовні контакти. Видавництво Київського ун-ту, 1966.

² В. Ю. Розенцвейг. Указ. соч., стр. 59.

³ U. Weinreich. Указ. соч. См. также: E. Haugen. Language contact. «Proceedings of the 8-th International Congress of Linguists». Oslo, 1958.

вадовский воспроизводит следующим образом: «Два или несколько языков находятся в контакте, если их употребляет поочередно один и тот же человек»⁴, — и усматривает два неточных момента: первый — что употребление может быть активным или пассивным, и второй — что поочередное употребление характерно не для контакта вообще, а для билингвизма.

Исходя из этих замечаний, Л. Завадовский предлагает свое определение: «Имеется контакт между диалектами (или языками), если говорящий употребляет (активно или пассивно) или только знает два диалекта (языка)»⁵. Но это определение лишь уточняет определение Вайнрайха и Хаугена и относится не к языковым контактам, а к билингвизму.

В понятии «языковой контакт» содержатся такие основные факторы, как: индивидуальный и социальный, случайный и постоянный, которые сам Л. Завадовский детально раскрывает в своем последующем изложении, подчеркивая, что единство случайного и постоянного в индивидуальном и в социальном планах является основным отправным критерием в изучении языковых контактов (указ. соч., стр. 307).

На основании аргументированных замечаний Л. Завадовского представляется возможным предложить следующее определение термина «языковой контакт»: языковой контакт является процессом социального плана, характеризующим языковые отношения, основанным на единстве постоянно-индивидуальных и постоянно-социальных языковых фактов.

2. Если термин «языковые контакты» сравнительно нов, то проблема так же, стара как и лингвистика.

Со времени появления лингвистики как науки, и в частности романистики, в ходе исследовательских работ не мог не возникнуть вопрос, каким образом язык Virgi-

⁴ L. Z a w a d o w s k i. Les dialects d'origine différente en contact. «Orbis», 1961, t. X, № 2. Louvain, стр. 296: «deux ou plusieurs langues se trouvent en contact, si elles sont employées alternativement par une même personne».

⁵ О н ж е. Указ. соч., стр. 293: «il y a contact de dialects (ou langues) lorsqu'un sujet employe (de manière active ou passive) ou seulement connaît deux dialects (langues)».

лия и Горация, например, стал языком Данте, Золя, Сервантеса, Александри? Поэтому не раз подчеркивалось, что одними внутренними тенденциями народной латыни объяснить причинность структурных изменений народно-латинского языка невозможно. А причинность, как известно, является одной из основных категорий любой науки, в том числе и науки о языке.

Следовательно, межъязыковые отношения изучались; изучались они с разных общелингвистических позиций, различными методами и на основе различных критериев; в качестве основных среди них можно выделить: историко-географический, социологический и психологический. Представляется, что данные критерии в совокупности могут служить основой при рассмотрении языковых контактов. Поэтому следует, хотя бы весьма кратко, остановиться на каждом из них.

а) Началом постановки вопроса о межъязыковых отношениях считается исследование диалектной дифференциации и проблемы нормы итальянского языка, намеченной еще в XIV в. в работе Данте «*De vulgari eloquentia*»⁶. Продолжая и развивая основные принципы Данте, Г. Асколи в предисловии (*proemio*) к первому тому созданного им в 1873 г. журнала «*Archivio glottologico italiano*», а затем в работе «*Italia Dialettale*» (1882) рассматривает различные условия формирования единого языка во Франции, Германии и Италии.

С этой же целью — изучения диалектной дифференциации — и на основе историко-географического принципа рассматривается развитие итальянского языка в работах М. Бартоли⁷. Говоря о разделении Италии Диоклетианом на два викариата — римский и миланский, — М. Бартоли подчеркивает, что это разделение было не только экономическим и административным, но и, что особенно важно в данном случае, духовным... престиж трансальпийской Галлии поднял галльский дух в север-

Dante Alighieri. *De vulgari eloquentia commentatoe tradotto di Aristide Morigo*. Firenze, 1948.— Известно, что в результате феодальной раздробленности Италии времен Данте в ней насчитывалось 14 диалектов (см. также: Bruno Migliorini. *Storia della lingua italiana*. Firenze, Sansoni, 1960).

⁷ M. Bartoli. *Introduzione alla neolinguistica*. Genova, 1925; G. Bertoni, M. Bartoli. *Breviario di neolinguistica*. Modena. 1928, стр. 94—102.

ной Италии, а в центральной и южной преобладает греческий дух⁸.

Этот общий тезис о том, что «лингвистическое движение может исследоваться только как выражение исторического движения, а также культурных течений», выражен Б. Террачини при изложении им лингвистических принципов Г. Асколи⁹. Этот же критерий лег в основу работ Г. Рольфа при исследовании южноитальянских диалектов, в частности языка жителей юга Калабрии, в котором древнегреческие элементы более многочисленны и разнообразны, чем в языке жителей Апулии¹⁰.

Историко-географический критерий является одним из главных при изучении языковых контактов внутри так называемых языковых общностей, в частности индоевропейской и др.¹¹, а также при рассмотрении контактов между языком аборигенов и латинским языком римских завоевателей на Балканах и в Придунавье, между языками, входящими в так называемый балканский языковой союз¹².

Исследование языковых отношений романских языков на основе историко-географического принципа объективно объяснимо общим направлением романистики XIX — начала XX в. Следует подчеркнуть, что зачинателем исследований в этом направлении является итальянская школа (Данте, Асколи, Бартоли, Террачини и др.).

⁸ См.: «Archivio glottologico italiano», XXIX, 1937, стр. 12—13.

⁹ В. Т е р р а ч и н и. Paleontologia Ascoliana e linguistica storica. «Siloge linguistica dedicata alla memorie di G. Ascoli», стр. 651.

¹⁰ G e r h a r d R o h l f s. An den Quellen der romanischen Sprachen. Halle, 1952, стр. 112.

¹¹ V. P i s a n i. Geolinguistica ed Indoeuropeo. Roma, 1940.

¹² K. S a n d f e l d. Linguistique balcanique. Problèmes et résultats. Paris, 1930 и др.; см. также: Р. О. Я к о б с о н. К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931.— Кроме понятия «языковой союз», наличествует понятие «языковое единство», «языковая общность» и др. В. Георгиев, например, считает, что языковая общность, такая, как балто-славянская, итало-кельтская и др., подразумевает наличие идентичных структурных явлений, унаследованных из индоевропейского, в то время как в основе языкового союза, в частности балканского, находится «вторичное сближение» (термин В. Георгиева) и взаимодействие языков, в результате чего языки становятся близкими «по модели, по архитектонике, а не по идентичности морфем» (В. Г е о р г и е в. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 22).

Историко-географический принцип применяется при исследовании отношений как родственных, так и неродственных языков. При этом исходят из объективной реальности совместного жительства носителей генетически различных языков.

Еще в начале этого века (1901 г.) И. А. Бодуэн де Куртенэ подчеркивал, что в определенное время в Центральной Европе славяне проживали вместе с германским населением, как это имеет место в некоторых случаях и в настоящее время. В другой части Европы финны проживали вместе с германскими и литовскими племенами¹³.

Такая же историко-географическая реальность и у носителей молдавского. На всем протяжении своей истории, и в настоящее время, они проживают вместе с носителями славянских языков. Поэтому одним из критериев изучения славяно-молдавских отношений может быть, не являясь при этом единственным, историко-географический критерий.

б) Исследованию межъязыковых отношений на базе социологического принципа уделяется в наше время большое внимание. Как известно, создателем социологического направления в лингвистике вообще и в изучении межъязыковых отношений в частности считается А. Мейе, обобщивший отдельные положения Лафарга, Вандриеса и др. В работе «Язык и революция» Поля Лафарга решающим фактором развития языка считается социальный фактор. «Язык не может быть изолирован от социальных условий, так же как растение не может быть оторвано от его специфических климатических условий»¹⁴. Такое категорическое заявление без выяснения понятия «социальные условия» и особенно сравнение развития языка с жизнью растений представляется спорным; но общее положение о роли экономических условий, подчеркнутое Лафаргом в отношении к развитию языка в конкретной исторической обстановке, не следует недооценивать. П. Лафарг рассматривает развитие французского языка в определенный исторический период — период французской революции и, естественно, что при таком

¹³ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию, т. I. М., 1963, стр. 362—372.

¹⁴ Поль Лафарг. Язык и революция (французский язык до и после революции). М.—Л., 1930, стр. 8—9.

подходе основное внимание уделяется лексике, как наиболее быстро и непосредственно отражающей социальные изменения. В этом отношении П. Лафарг придерживается известного изречения одного из первых французских представителей «теории среды» М-ме де Сталь: «все проходит через слова и все отыскивается в них».

Другой представитель французской социологической школы, Ж. Вандриес, в своей известной работе «Le langage» выделяет четыре основных фактора, стимулирующих процесс языковых контактов:

экономический фактор представляется решающим в определении степени контакта;

политический фактор играет важную роль в конкретных условиях; так, например, в Эльзасе, как подчеркивает Ж. Вандриес, никогда так много не говорили по-французски, как в период оккупации этой провинции Германией;

религиозный фактор, на основе которого армянский язык, например, сохранил свою особенную жизнеспособность;

фактор престижа сыграл главную роль в том, например, что греки говорили по-турецки только в официальных учреждениях, пользуясь, как выражаются итальянцы, одним «языком сердца» (*lingua del cuore*) и другим «языком хлеба» (*lingua del pane*)¹⁵.

Исследование развития языка на базе социологического критерия привело к выдвижению в 30-х годах широкой проблемы о «языке в обществе»¹⁶.

Социальное и историческое развитие общества, по мнению А. Мейе, приводит к сходству мышления, которое в свою очередь порождает сходство в языке. Развивая эту мысль, А. Мейе подчеркивает, что «греческая наука и философия, римский гуманизм, христианство, средневековая схоластика, современная экспериментальная наука сформировали у нас общее мышление и, хотим мы или нет, нам нужны слова, имеющие если не те же звуки, то хотя бы тот же смысл»¹⁷. Определенные соответствия, имеющиеся в различных языках, обусловлены не обще-

¹⁵ Ж. В а н д р и е с. Язык. М., 1957, стр. 257—270.

¹⁶ A. S o m m e r f e l t. La langue et la société. Oslo, 1938.

¹⁷ A. M e i l l e t. Linguistique historique et linguistique générale, II. Paris, 1952, стр. 37.

человеческими качествами (как утверждают представители психологического направления); они могут быть объяснены только конкретной исторической традицией¹⁸.

Во всех языках имеются как соответствия, так и различия; более того, различия наблюдаются внутри одного и того же языка. Даже во Франции, замечает А. Мейе, где унифицировано преподавание языка в школе, где сильны пуристские тенденции и строго соблюдаются разговорные нормы, даже там общенациональный язык претерпевает серьезную адаптацию к местным лингвистическим навыкам. Модель языка Парижа ни в одной области не воспроизводится точно, везде действует так называемый местный субстрат¹⁹.

Развитие лексики как результат социальных изменений общества был предметом различных исследований, особенно французского языка. Так, например, рассматривалось развитие лексики в период феодализма, в эпоху царствования Луи-Филиппа²⁰.

Значение социологического критерия при исследовании языковых явлений подчеркивается в последние годы в работах Марселя Коэна²¹, изучающего развитие французского, а также других языков. М. Коэн принимает в качестве основной предпосылки своих работ известное высказывание А. Мейе, сделанное им еще в 1911 г., о том, что социальные условия, в которых находятся говорящие (*sujets parlants*), определяют стабилизацию лингвистических инноваций и дальнейшее их развитие.

Вместе с тем необходимо отметить, что и Ж. Вандриес и А. Мейе, рассматривая развитие языков на базе их экономического, социально-политического и культурного развития, изучали обычно функционально различные языки, из которых один был языком цивилизации,

¹⁸ А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954, стр. 18.

¹⁹ Там же, стр. 67—72.

²⁰ G. M o t o r é. Le vocabulaire et la société sous Louis Philippe. «Société de publications romanes et françaises», XXXIII. Genève—Lille, 1951; K. Y. H o l l y m a n. Le développement du vocabulaire féodal en France pendant le haut moyen-age. Genève — Paris, 1957.

²¹ M a r c e l C o h e n. Histoire d'une langue. Le français. Paris, 1947; О н ж е. Le langage. Évolution et structure. Paris, 1950; О н ж е. Pour une sociologie du langage. Paris, 1956. О н ж е. Nouveaux regards sur la langue française. Paris, 1963.

а другой обиходным. Поэтому и результат языковых контактов и межъязыкового взаимодействия Ж. Вандриес, например, видел лишь в «изнашивании», а затем «смерти» одного (понятно, что не языка цивилизации, а обиходного) из контактирующих языков. В качестве примера он приводит некоторые языки Кавказа и Балканского полуострова²². Вместе с тем языки кавказских горцев²³, язык горцев Испании, баскский сохраняются с древнейших времен и, несмотря на то, что не являются языками «цивилизации», продолжают существовать. Как подчеркивают Б. Террачини, К. Батисти и др., носители баскского языка, претерпевшие контакты с римлянами, галлами, испанцами, французами и находившиеся всегда на более низком культурном уровне, сохранили язык благодаря своей социальной спаянности, и, таким образом, «лингвистический анахронизм» — баскский язык «покоряет века»²⁴.

Несомненно, что развитие и расширение социальных функций языка является одной из основных внешних движущих сил развития языка. Развитие же социальных функций языка в свою очередь происходит на базе развития общества в целом, т. е. на основе его экономического, социально-политического и культурного развития.

На основании общего социологического критерия может быть рассмотрено влияние отдельных социальных факторов на развитие системы языка в целом или его подсистем. Так, например, Мартине исследует так называемые «локальные варианты» произношения французского языка²⁵; основываясь на этой работе А. Мартине, Рут Райхштайн подчеркивает, что социальный фактор, в частности влияние социальной среды, профессиональной принадлежности и др., является решающим в появлении и закреплении вариантов произношения французского языка²⁶.

²² Ж. В а н д р и е с. Язык, стр. 268.

²³ См.: Ю. Д е ш е р и е в. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958.

²⁴ В. Т е р р а с и н и. Conflitti di lingue e di cultura. Venezia, 1957. См. также Carlo Battisti. Incontri fra lingue nazionali e minoranze alloglotte. «Lingua nostra», vol. XX, fasc. 3. Sansoni. Firenze, 1959, стр. 68—69.

²⁵ A n d r é M a r t i n e t. La prononciation du français contemporain. Paris, 1945.

²⁶ R u t h R e i c h s t e i n. Etudes des variations sociales et géographique des faits linguistiques. «Word», vol. 16, № 1. N. Y., 1960.

Рассматривая вопрос, почему фонологическая система французского языка в некоторых своих элементах претерпевает изменения, А. Мартине подчеркивает наличие комплекса причин, среди которых выделяет: необходимость новых средств выражения (изменения в фонологической системе происходят через морфологическую и лексическую систему); *п о с т о я н н о е* (разрядка моя.—Т. И.) влияние других лингвистических систем, от которого ни один язык не может быть защищен; наличие в каждой лингвистической структуре части причин, способствующих ее собственному обновлению ²⁷.

Можно подчеркнуть, что эти три основные причины, выделенные А. Мартине, проявляются не каждая в отдельности, а в комплексе и во взаимодействии, причем первые две — внеструктурного плана.

Исследованию роли социологических явлений в настоящее время, как известно, придается большое значение; одним из проявлений этого является выделение такой самостоятельной дисциплины, как социолингвистика, наряду с этнолингвистикой и психолингвистикой ²⁸.

Социологический критерий принимается как один из основных и при исследовании славяно-молдавских отношений вообще и развития молдавского языка на современном этапе в частности.

в) Некоторые исследователи считают, что главным фактором развития языков является психологический фактор. Известно, какое значение придавал психологическому фактору И. А. Бодуэн де Куртенэ. И вместе с тем, как замечает О. Лешка, «психологизм» Бодуэна в настоящее время мы видим в несколько ином свете по сравнению с прошлым, когда он обычно считался только слабой стороной его учения» ²⁹.

На базе психологического критерия изучаются как отдельные лица, индивидуумы, так и общности; на этой основе выражаются мнения, в частности Вундта и его последователей, что изменения в «душах» отдельных лиц при-

²⁷ A. M a r t i n e t. La prononciation..., стр. 89, 102.

²⁸ Библиографию по этим трем аспектам лингвистики см.: M. S o h e n. Pour une sociologie du langage, стр. 15—32.

²⁹ О. Л е ш к а. Актуальность лингвистического наследства И. А. Бодуэна де Куртенэ. «Československá rusistika», 1965, № 4, стр. 193—196.

водят к изменению в психике всего народа³⁰. И поскольку язык является выражением «души», душевная идентичность приводит к идентичности языка.

Как отмечает Марсель Коэн в своей работе «Pour une sociologie du langage», основа психологической лингвистики находится в «Грамматике» Пор-Рояля, создатели которой считали, что для понимания основ грамматики необходимо знать, что происходит в нашей психике.

Говоря о психологическом критерии, необходимо заметить, что в отдельных случаях наблюдается некоторое совмещение понятий «психика» и «мышление». Так, например, А. Мейе, говоря о категориях рода, числа, вида и времени глагола, замечает, что они отражают манеру мышления, обобщенную в определенных периодах³¹. А. М. Коэн на основании этих утверждений считает А. Мейе чуть ли не последователем Вундта, психологизм которого был подвергнут резкой критике А. Мейе³². Элементы психологизма наблюдаются в работе о языковых контактах У. Вайнрайха, утверждающего, что процесс контакта происходит в психике говорящих³³.

Возражая против этого положения, Л. Завадовский отмечает, что совершенно ошибочно считать язык совокупностью психических фактов. В психике говорящих находится не язык, а знание языка, если исходить из понимания языка как средства общения³⁴.

Представляется, что, во-первых, не следует противопоставлять индивидуальное социальному, и, во-вторых, при учете психологического критерия не выдвигать его в качестве основного критерия в исследовании вопросов развития языка.

Отдельные явления в языке могут быть индивидуально-психологическими, но они становятся собственно языковыми тогда, когда объективно относятся к языку в целом.

³⁰ Wilhelm Wundt. *Völkerpsychologie*. Leipzig, 1900.

³¹ A. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1952, II, стр. 88—89.

³² M. Cohen. *Pour une sociologie...*, стр. 21—22.

³³ U. Weinreich. *Languages in contact...*, стр. 1—6.

³⁴ L. Zawadowski. *Les dialectes d'origine différente en contact*, стр. 294, 295; см. также: О. С. Ахманова. *О психолингвистике*. М., 1957; *Psycholinguistics. A book of readings*. N. Y., 1961, [рец.] ВЯ, 1964, № 4.

Кроме того, психика как отдельных индивидов, так и языковых общностей определяется, по сути, социально-экономическими факторами.

Все три вышеназванных критерия (при правильном их толковании) заслуживают особого внимания лингвиста, рассматривающего теорию контактов, они дают возможность проследить ход развития конкретных языков в прошлом, настоящем и будущем.

Применяя данные критерии при исследовании истории развития молдавского языка, можно выделить два узловых периода его истории (период до XIV в. относится к предыстории):

- 1) в связи с созданием молдавского государства в XIV в.;
- 2) в связи с радикальными социально-экономическими преобразованиями, вызванными Великим Октябрем, молдавский язык вступил в период своей новой истории, или, если можно так выразиться, в период своего второго рождения, как язык социалистической молдавской нации.

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И БИЛИНГВИЗМ

В общетеоретическом плане и в плане исследования славяно-молдавских отношений проблема языковых контактов находится в определенном взаимоотношении с проблемой билингвизма. Для выяснения этого вопроса необходимо прежде всего попытаться определить, что такое билингвизм.

Этот вопрос ставился многими исследователями.

Определение, данное У. Вайнрайхом: «процесс параллельного употребления двух языков называется билингвизмом, а человек, пользующийся ими, является билингвом»³⁵, требует уточнения, которое находим у В. А. Звегинцева.

Рассматривая некоторые вопросы языковых контактов, В. А. Звегинцев подчеркивает, что процесс использования двух языков остается лишь психологическим процессом, пока он представляется как факт индивидуальный. Поскольку язык обслуживает определенную языко-

³⁵ U. Weinreich. Languages in contact. 1-éd. N. Y., 1953, 2 éd. 1963.

вую общность, явление билингвизма наличествует только тогда, когда оно распространяется на всю общность или на ее большую, или главную на данном историческом этапе, часть ³⁶.

Можно говорить о билингвизме в Бельгии, где большинство населения пользуется двумя языками: французским и фламандским; билингвами являются бретонцы, поселившиеся на территории Франции и сохранившие свой бретонский язык; двуязычным (или многоязычным) является население Швейцарии (можно заметить, что фактический материал в работе У. Вайнрайха собран во время его пребывания в Швейцарии).

Известно, что в отдельные периоды прошлого (XI—XV вв.) в Англии наблюдался франко-саксонский билингвизм, в результате которого англо-саксонский язык освоил большое количество элементов французского языка ³⁷.

Следовательно, билингвизм представляет собой явление социального плана, характеризующее языковую ситуацию, в отличие от языковых контактов, характеризующих языковые отношения. Случайное и индивидуальное употребление (или знание) языков определяется как полиглотизм.

Языковая ситуация билингвизма, представляя собой явление социального плана, обусловлена экономическими, социально-политическими и культурными факторами. Одновременно билингвизм проявляется при наличии или отсутствии этнического контакта. На этой последней основе Ю. Д. Дешериевым выделяются два аспекта билингвизма: контактный и неконтактный ³⁸.

Неконтактный билингвизм основан лишь на контакте между культурами, исключая этнический контакт; он охватывает обычно отдельные слои общества.

Так, например, в процессе формирования современного русского литературного языка важную роль сыграл

³⁶ В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 204—218.

³⁷ А. А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 383.

³⁸ См.: Ю. Д. Дешериев. Теоретические проблемы двуязычия. «Тезисы докладов регионального совещания по молдово-русско-украинским языковым, литературным и фольклорным взаимосвязям». Кишинев, 1963.

русско-французский билингвизм отдельных слоев общества, приведший к образованию в русском языке специфических элементов, именуемых галлицизмами.

Так же и в образовании других славянских литературных языков важную роль сыграл неконтактный билингвизм, который часто проявлялся одновременно с его контактным аспектом. Чешский, словацкий, словенский языки выкристаллизовались в национальные языки в процессе славяногерманского билингвизма отдельных слоев этих народов в период их национального возрождения³⁹.

В процессе неконтактного билингвизма основное значение приобретает функция языка цивилизации одного из контактирующих языков. Говоря о латинско-польском билингвизме в Польше XVI в., К. Баквис подчеркивает роль латинского языка как языка цивилизации по отношению к польскому того времени, который еще не был в состоянии обслуживать все сферы деятельности⁴⁰.

Неконтактный билингвизм охватывает отдельные слои общества и значение его обусловлено ролью данных слоев в развитии культуры и языка всего народа. Кроме того, процесс билингвизма может относиться к представителям технической, специальной культуры или литературной культуры данного общества. Более значительные следы в общелитературном языке оставляет билингвизм населения специализированной культуры⁴¹.

Так, например, в период книжного славяно-молдавского билингвизма, который начался в X—XI вв., когда, по общему мнению, проникла славянская письменность, получили право гражданства в общелитературном языке слова, относящиеся к социально-политическим и религиозным понятиям, т. е. специальная лексика.

В период формирования молдавского государства, так же как и ранее и в последующее время, одновременно с книжным славяномолдавским билингвизмом имел место

³⁹ А. В. И с а ч е н к о. Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов? — ВЯ, 1958, № 3.

⁴⁰ С. В а с к в и с. Quelques remarques sur le bilinguisme latino-polonais dans la Pologne du seizième siècle. Bruxelles, 1958.

⁴¹ А. М е и л л е т и А. С а у в а г е о т. Le bilinguisme des hommes cultivés. «Revue des Cours et Conférences» Paris 15 dec., 1934; см. также: H e n r i J a c q u i e r. «Fautes» de français en roumain. «Revue roumaine de linguistique», t. VI, № 1, 1961; E. P e t r o v i c i. Les éléments slaves d'origine savante en roumain et les suffixes -anie, -enie. «Balcania», 1, 1938.

процесс контактного этнического билингвизма на базе совместного жительства романского—молдавского с восточнославянскими народами, особенно украинским (а с конца XVII в.—с русским); романизированное население Валахии находилось в этническом и лингвистическом контакте с южными славянами, в частности с болгарями и сербами ⁴². Славяно-молдавский билингвизм представляет собой пример негенетического двуязычия, т. е. у носителей языков различных групп (романского и славянского).

Процесс неконтактного билингвизма может охватывать и носителей языков одной группы, т. е. можно говорить о генетическом двуязычии; известно, что церковнославянский, например, и древнерусский, древнеболгарский и другие древнеславянские языки использовались одновременно одними и теми же народами, но обслуживали различные сферы действия. Вместе с тем вопрос о соотношении церковнославянского с древнеславянскими (русским, сербским, болгарским, чешским и др.) и о том, является ли это соотношение фактом двуязычия у соответствующих народов, остается дискуссионным ⁴³.

Подчеркивая обусловленность распространения церковнославянского языка политикой Византии и миссионерской деятельностью Кирилла и Мефодия, а также лингвистический факт образования этого языка на основе южнославянских говоров, А. А. Реформатский считает, что древние болгары быстрее ассимилировали церковнославянский язык; для восточных славян на всем протяжении средневековья он играл роль второго языка ⁴⁴.

Аналогичной формой генетического билингвизма является употребление западнороманским населением латинского языка наряду с романскими языками: французским, итальянским и т. д.

Известно, что при наличии билингвизма в период формирования феодальных отношений доминирующим являлся язык церкви; после победы феодального режима и

⁴² I. Iordan. *Limba română contemporană*. București, 1956, стр.168—169.

⁴³ См.: «От Советского комитета славистов». — «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1962, т. XXI, вып. 2, стр. 148.

⁴⁴ А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1955, стр. 376—377.

сосуществования языка церкви и общенародного разговорного языка побеждает язык общенародный ⁴⁵.

Для номинации неконтактного билингвизма представляется возможным употребление термина А. В. Исаченко «языковой дуализм» ⁴⁶.

Процесс контактного билингвизма проявляется на основе этнического симбиоза ⁴⁷ всей или части языковой общности с другой языковой общностью, отношения между языками которых также могут быть генетическими или негенетическими.

Процесс негенетического контактного билингвизма наблюдается у населения Бельгии, особенно пограничных районов. Работая над материалом для карты лингвистической франко-фламандской границы Бельгии, М. Валькхов провел обследование 120-ти населенных пунктов и на основании статистики аргументировал наличие широкого франко-фламандского билингвизма; одновременно отмечается, что говорящие оказывают предпочтение одному или другому языку ⁴⁸.

Проявление контактного билингвизма, генетического и негенетического, наблюдается у народов нашей страны. Так, например, носители некоторых бесписьменных языков принадлежат к небольшим этническим группам (арчины в Дагестане — около 1000 говорящих, ишкашимы в Таджикистане — около 200 человек, будухи в Азербайджане — 1500 человек, вепы в Ленинградской и Калининской областях и в Эстонии — несколько десятков говорящей) и сохраняют свой язык только в функции бытового. Почти все они приняли в качестве второго родного языка национальный язык республики, в пределах которой они находятся: будухи — азербайджанский, ишкашимы — таджикский и т. д. ⁴⁹

⁴⁵ А. Б о л д ы р е в. Некоторые вопросы становления и развития письменных языков в условиях феодального общества.— ВЯ, 1956, № 4; см. также: Г. И. Г е р о в с к и й. О специфике литературного двуязычия у восточных славян.— ВЯ, 1959, № 3.

⁴⁶ А. В. И с а ч е н к о. Указ. соч., стр. 45.

⁴⁷ Еще в древности, говоря о населении Испании, называемой Келтиберней, М а р ц и а л писал: «Nos celtis genitos et ex iberis».

⁴⁸ M. V a l k h o f f. Prolégomènes à une carte de la frontière linguistique franco-neérlandaise. «Mélanges de linguistique offert à Albert Dauzat». Paris, 1951.

⁴⁹ Ю. Д. Д е ш е р н е в. О развитии языков народов СССР. «Вопросы строительства коммунизма в СССР». М., 1959, стр. 329; О н ж е. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958.

Можно заметить, что у большинства народов Советского Союза наблюдается наличие одновременно обоих аспектов билингвизма и их взаимодействия. Билингвизм у носителей равных в функциональном отношении языков, таких, как молдавский и русский, например, может быть рассмотрен у носителей литературного языка или говоров, при употреблении профессиональных жаргонов или в литературных жанрах и т. д.

В советском языкознании различные формы проявления билингвизма были отмечены еще в 20-х годах Б. А. Лариним в его работах, посвященных языку города⁵⁰. А в докладе на тему «О филологии близкого будущего» (Ленинград, 15 января 1962 г.) Б. А. Ларин подчеркивал, что все силы советского языкознания должны быть направлены на глубокое и всестороннее изучение билингвизма⁵¹.

В последнее время большое внимание уделяется процессам билингвизма у населения Америки. Для изучения этих процессов создан специальный комитет при Уэлском университете, издающий с 1936 г. специальный бюллетень: «A Bulletin of Bilingual Studies». В библиографии Ейнара Хаугена, опубликованной еще в 1956 г., представлено более 700 работ по вопросам билингвизма в Америке, рассматриваемого с разных точек зрения: социологической, лингвистической, психологической, дидактической и др.⁵²

Возвращаясь к вопросу о соотношении понятий языковой контакт и билингвизм, можно подчеркнуть, что языковой контакт — это понятие более емкое, поскольку языковые контакты могут проявляться и на базе общего процесса билингвизма, и на базе контактов между литературами, между культурами, посредством переводов и в результате индивидуально-спонтанных контактов в различных стилях, в художественной литературе.

⁵⁰ Б. А. Л а р и н. К лингвистической характеристике города. «Изв. пед. ин-та им. Герцена». т. I. Л., 1928, стр. 175—185; О н ж е. Мовній побут міста. «Червоний плях», № 5—6, Харків, 1928; О н ж е. О лингвистическом изучении города. «Русская речь», III. Л., 1928.

⁵¹ Б. А. Л а р и н. О филологии близкого будущего. «НДВШ, Филол. науки», 1963, № 1.

⁵² E i n a r H a u g e n. Bilingualism in the Americas. Bibliography and research guide. Univ. of Alabama Press, 1956.

Поэтому исследование славяно-молдавских отношений проводится как на базе процесса билингвизма, так и на более широкой основе языковых контактов.

В лингвистической литературе встречаются также понятия — смешанное и несмешанное двуязычие. Данные понятия трактуются как степени двуязычия. Вот как представлено, например, возможное развитие процесса двуязычия в статье В. Ю. Розенцвейга «О языковых контактах»: «...Контакты в начальной своей стадии вызывают отклонение от нормы каждого из двух языков (подчеркнуто мною. — Т. И.), называемое интерференцией. Со временем интерференция либо слабеет, постепенно уступая место переключению от одного языка к другому по правилам соответствия, существующим между этими языками, тогда мы говорим о несмешанном двуязычии (подчеркнуто автором), либо прогрессирует, захватывая все более широкие слои языка и приводя к образованию языка с одним планом содержания и двумя планами выражения, т. е. к смешанному двуязычию (подчеркнуто автором). При потере одного из двух планов выражения наступает креолизация языка»⁵³.

Во-первых, представляется спорным определение аспектов двуязычия терминами смешанный и несмешанный, определяющими обычно характер языка.

Во-вторых, отклонение от нормы представляется как начальная стадия интерференции, а не двуязычия (у В. Ю. Розенцвейга — контактов); это отклонение не может относиться к каждому из двух языков (разрядка моя. — Т. И.), а лишь к отдельным стилям речи, в первую очередь, или к случайным индивидуальным фактам. Примеры из У. Вайнрайха и Е. Поливанова, приводимые в статье, опровергают этот тезис: русское слово *тип* и английское *tip*, произносимое одинаково, относится к речи и не меняет фонологической сущности каждой единицы в соответствующих языках; также если японец различает в русском слове *так* четыре фонемы (*таки*), поскольку в японском слове не может оканчиваться на согласный, то данный факт не нарушает нормы русского языка.

⁵³ В. Ю. Розенцвейг. Указ. соч., стр. 59.

В вышеназванной статье выделяется еще один аспект двуязычия — у п р о щ е н н о е д в у я з ы ч и е.

Представляется, что общие положения относительно двуязычия могут быть выяснены только в результате всестороннего исследования его проявления на разных уровнях языка и речи; положения, вытекающие из фактов речи, носящие индивидуальный или случайный характер, невозможно относить к языку вообще.

ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Известно, что в результате языковых контактов имеет место взаимодействие между языками. Вместе с тем понятие в з а и м о д е й с т в и е охватывает процессы не только внешнего, но и внутреннего плана.

Для выяснения понятия в н у т р е н н е г о взаимодействия значение слова «внутренний» раскрывает сущность процесса как в н у т р и с т р у к т у р н о г о взаимодействия, как отношение между элементами системы (фонетической, морфологической, синтаксической, лексической), а также отношение между различными системами языка, представляющего собой в целом «систему систем».⁵⁴

Сущность же понятия в н е ш н е г о взаимодействия требует некоторого уточнения.

Наличие слова «внешний» говорит о том, что происходит действие и з в н е, т. е. внешнее по отношению к системе языка. И обычно продолжая бинарную дифференциацию лингвистики Ф. де Соссюром на внутреннюю и внешнюю и его указания на то, что в н е ш н и м является все то, что касается языка, но не входит в систему⁵⁵, не проводится различия между в н е ш н е лингвистическим и в н е ш н е н е лингвистическим⁵⁶.

⁵⁴ J. V a c h e k. Notes of the development of language as a system of systems. «Sbornik práci filosofične faculty Brnensky university», № 7, Brno.

⁵⁵ См.: Cahiers Ferdinand de Saussure, 1957, 15. G é n è v e.

⁵⁶ A l. G r a u r. Raportul dintre factorii interni și cei externi în istoria limbii «Limba română», 1965, № 1.

Вместе с тем необходимо дифференцировать процессы, обусловленные внешне лингвистическими и внешне нелингвистическими или внешне лингвистическими факторами (социально-экономические, культурные, развитие мышления и др.).

При исследовании развития языка в целом процесс взаимодействия представляется в трех аспектах: 1 внутриязыковой, 2 внешнеязыковой или межъязыковой и 3 внеязыковой (или экстралингвистический), — действующих в непосредственной диалектической взаимообусловленности.

Говоря об экстра- и интралингвистических факторах в развитии языка, О. С. Ахманова предлагает обобщающие и вместе с тем детализирующие понятие лингвистики термины. Языкознание, как наука о языке, именуется «макролингвистикой», в которую входят «интралингвистика», изучающая внутренние процессы, «предлингвистика», занимающаяся физическими свойствами лингвистического выражения, и «металингвистика», включающая в себя психо- и этнолингвистику; последние две, обусловленные экстралингвистическими факторами, объединяются термином «экстралингвистика»⁵⁷.

Поскольку же при развитии языка действует ряд процессов внутри-, внешне- и внеязыкового взаимодействия в понятие «макролингвистики» О. С. Ахмановой предлагается включить «интерлингвистику», изучающую внешне- или межъязыковые взаимоотношения. Таким образом, наука о языке, лингвистика или «макролингвистика» представляет собой три аспекта: 1. и н т р а л и н г в и с т и к а (изучающая процессы внутриязыкового взаимодействия), 2. и н т е р л и н г в и с т и к а (охватывающая процессы внешне- или межъязыкового взаимодействия) и 3. э к с т р а л и н г в и с т и к а (рассматривающая процессы внелингвистического взаимодействия).

Если представить себе схематично общий процесс взаимодействия, то он выглядел бы примерно следующим образом:

⁵⁷ О. С. А х м а н о в а. Экстралингвистические и внутрилингвистические факторы в функционировании и развитии языка.— ВЯ, 1963, № 4; «Теоретические проблемы современного советского языкознания». М., 1964, стр. 69—75; см. также: J. V a s h e k. On the interplay of external and internal factors in the development of language. «Lingua», 1962, XI, стр. 433—448.

Внутрилингвистическое взаимодействие	Внешне- или межъязыковое взаимодействие	Вне- или экстралингвистическое взаимодействие
<p>а) в структурном плане: взаимодействие внутри и между системами одного языка (фонетическая, морфологическая, синтаксическая, лексико-семантическая)</p> <p>б) в функциональном плане: взаимодействие между различными аспектами одного языка (язык национальный, художественной литературы, диалект, говор, жаргон); взаимодействие между стилями</p>	<p>а) в структурном плане: взаимодействие между системами или элементами систем различных языков (лексико-семантическая, фонетическая, морфологическая)</p> <p>б) в функциональном плане: взаимодействие в разговорном и письменном языке: в литературном языке, диалектах, говорах, профессиональной лексике; взаимодействие в различных стилях (публицистический, художественной литературы, юридической, административной) различных языков</p>	<p>а) между языком и социально-экономическим положением</p> <p>б) между языком и культурой</p> <p>в) между языком и мышлением</p>

Каждый из данных трех аспектов взаимодействия может изучаться в отдельности или в совокупности, в своих деталях или в общем ансамбле, причем любая часть может быть понята только в кадре общего.

С точки зрения проблемы языковых контактов представляют интерес процессы внутри- и внешнеязыкового взаимодействия.

1. Внутриязыковое взаимодействие в структурном плане охватывает как процессы, действующие между системами, так и между элементами системы языка. Следовательно, можно наблюдать взаимодействие между словами в лексико-семантической системе, между грамматическими формами — в морфологической системе и т. д.]

Взаимодействие между словами в свою очередь можно исследовать в разных планах. Так, например, на основе отношения (R) определяется изменение содержания, субстанции слова (a) в определенном сочетании (aRb) ⁵⁸.

⁵⁸ Р. А. Б у д а г о в. К критике релятивистических теорий слова. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961, стр. 5—29.

В процессе развития молдавского языка, например, субстанция слова *мындру* (а) от ст.-сл. *мждръ* 'мудрый' в процессе взаимодействия между словами (по формуле aRb) претерпела двойную семантическую эволюцию: от *мждръ* 'мудрый' к *мындру* 'красивый' и 'гордый'. Значение 'красивый' определяется в отношении *мындру* к определенному конкретному слову: *мындрэ фатэ* 'красивая девушка', *рокие мындрэ* 'красивое платье'⁵⁹; причем в том же сочетании с существительным *фатэ* 'девушка', *мындрэ* в постпозиции *фатэ мындрэ* приобретает второе значение 'гордая'; значение 'гордый' утвердилось у слова *мындру* благодаря наличию дериватов: *мындрие* 'гордость', *а се мындри* 'гордиться', субстанция которых определяется самостоятельно, вне формулы aRb .

Взаимодействие в лексико-семантической системе можно рассматривать не только на основании отношения данного слова к другому (aRb), но и на основании корреляции значения данного слова с его синонимами ($a: b — c — d$). Говоря об эволюции значения латинского слова *callis* (молд. *кале*) в романских языках, Р. А. Будагов подчеркивает, что в ходе развития языка субстанция слова сохраняется или изменяется в доброй части, в зависимости от системных отношений, которые устанавливаются между словами в разные периоды развития языка⁶⁰. Следовательно взаимодействие внутри элементов лексико-семантической системы носит характер исторической категории; этот процесс проявляется особенно активно в словах полисемантических, синонимических, которые, вступая в различные отношения или корреляции⁶¹, сохраняют или изменяют свою изначальную субстанцию.

2. В ходе развития языка происходит также внутриязыковое взаимодействие в функциональном плане: между различными аспектами языка и между различными

⁵⁹ В болгарском языке слово *мждръ* сохранило свое значение 'мудрый' и одновременно, в определенных сочетаниях, приобретает дополнительный смысл: *мждри деци* 'умные, хорошие дети', — см.: G. Mihăilă. *Împrumuturi vechi sud-slave în limba română*. București, 1960, стр. 180.

⁶⁰ Р. А. Будагов. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М., 1963, стр. 171.

⁶¹ В определенном отношении между собой находятся слова с различным семантическим значением; корреляция образуется между словами-синонимами; в обоих случаях оппозиция основана на наличии общих (или общего) элементов значения.

стилями. Процесс взаимодействия между языком литературным и языком художественной литературы является предметом широких дискуссий в лингвистике ⁶². Интенсивность и значимость его находятся в зависимости от общего процесса культурного развития народа-носителя. Для молдавского языка, например, художественная литература периода 1840—1870 гг. сыграла значительную роль в стабилизации современного языка.

Видные литературные деятели этого времени, такие, как К. Негруцци, Ал. Руссо, М. Когэлничану, В. Александрю и др., не только своими художественными произведениями, но и публицистическими и другими выступлениями проводили последовательную борьбу за правильное сочетание традиции и инновации, за народную основу языка в целом ⁶³.

Не менее важное значение имеет также взаимодействие между литературным языком и диалектом, говором, жаргоном. Говоря об итальянском языке, И. Иордан подчеркивает, что «литературный итальянский язык является результатом взаимодействия между многими (если не между всеми) диалектами и говорами; значение диалекта Тосканы... начало спадать начиная с XVI в. ...и позднее, благодаря появлению художественных произведений на других итальянских диалектах, а с 1870 г., после создания итальянского национального государства, Рим стал политическим и культурным центром Италии, благодаря чему все более проявлялось влияние диалекта Рима» ⁶⁴.

Вообще взаимоотношение между территориальными диалектами, жаргонами (или «социальными диалектами» ⁶⁵), профессиональными арго и литературным языком, или «литературным стандартом», по терминологии М. М. Маковского, носит специфический характер в каждом языке. Степень проявления взаимодействия различна в

⁶² См. библиографию в кн.: В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., 1959.

⁶³ Т. Ильяшенко. Лимбаши стилул поезиейлуй Василе Александри. Кишинев, 1961.

⁶⁴ И. Иордан. О литературном языке. «Журнал языкознания», Бухарест, 1956, т. I, стр. 76.

⁶⁵ См.: Л. П. Якубинский. Язык крестьянства. «Литературная учеба», 1930, № 4; Он же. Язык пролетариата.— Там же, 1931; № 7; А. Иванов, Л. П. Якубинский. Очерки по языку. Л., 1932; В. М. Жирмунский. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.

каждом отдельном языке. Исследуя взаимодействие между слэнгом (с его различными территориальными вариантами) и английским языком, М. М. Маковский подчеркивает: «постоянный межрегиональный контакт и взаимопроникновение языковых элементов слэнга под влиянием местных диалектов английского языка в США, Канаде и Австралии, а также в связи со смешением с иноструктурными языками (например, индийским в Индии, с различными европейскими языками в США) приводят к различной дистрибуции закономерностей слэнга (количественной и качественной) по ареалам»⁶⁶.

Общий характер взаимодействия между литературным языком и диалектами, говорами или жаргонами определяется также действием нормы литературного языка. В связи с расширением социальных функций литературного языка, и благодаря этому с распространением его нормы, все больше стираются различия между языком литературным и его территориальными, социальными и профессиональными разновидностями.

Рассматривая чешский литературный язык и его функции, Богуслав Хавранек подчеркивает, что в чешском имеются отдельные существительные, употребляемые только в литературном языке, что только литературному языку нужны некоторые прилагательные со значением латинских с окончанием *-bilis* и др.⁶⁷

Вместе с тем с точки зрения социально-коммуникативной функции языка различие между национальными литературными языками и их говорами незначительно⁶⁸.

3. В общем процессе развития языка активным является также взаимодействие между стилями.

На основании понимания языка как «средства общения» различаются обычно следующие функциональные стили: разговорный и книжный; научный, публицистический, административно-документальный, художественный и др.

⁶⁶ М. М. Маковский. Взаимодействие ареальных вариантов «слэнга» и их соотношение с языковым «стандартом». — ВЯ, 1963, № 5.

⁶⁷ В. Навранек. Influence de la fonction de la langue littéraire sur la structure phonologique et grammaticale du tchèque littéraire. «Travaux du cercle linguistique de Prague». 1929, стр. 109.

⁶⁸ См. В. П. Григорьев, М. И. Исаев. О некоторых проблемах исследования закономерностей развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций. «Изв. АН СССР. ОЛЯ». 1962, т. XXI, вып. 6, стр. 564.

Взаимодействие между стилями выражается в том, что явления, характерные для одного, проникают в другой. Интересные примеры в русском языке наблюдаются в повести И. Грекова «За проходной» («Новый мир», 1962, № 7, стр. 113), в которой в отчете о научной работе в физическом кабинете встречаем такую фразу: «Решение этой задачи дрожало у нас на кончике пера...»⁶⁹.

Количественное, и особенно качественное, взаимопроникновение элементов стиля различно в различные эпохи развития языка. Изучение их возможно, как подчеркивает В. В. Виноградов, на основе общей стилистики языка в определенный период, отличая при этом общую и функциональную стилистику⁷⁰.

Взаимодействие между стилями особенно интенсивно в период их становления. Так, например, в летописях молдавского языка, в частности у И. Некулче, в историографический стиль вплетены элементы народно-разговорного. Данное явление наблюдается и в историографии других языков; также и в языке художественных произведений молдавского языка XIX в. наблюдается широкое взаимодействие с народно-разговорными стилевыми элементами, многие из которых стали нормой современного молдавского языка.

На современном этапе развития литературных языков в нашей стране, на основе общего процесса культурного строительства, наблюдается широкое взаимодействие между разговорным, литературным и диалектным или профессиональным стилями, главным образом в ходе массовой коммуникации, не локальной или профессиональной.

Можно отметить, что внутриязыковое взаимодействие представляется как исторический процесс. Его развитие и проявление обусловлены общим состоянием языка, характером и интенсивностью развития, расширением социальных, коммуникативных и стилистических функций языка. Внутриязыковое взаимодействие как в структурном, так и в функциональном планах находится в постоянной взаимообусловленности с остальными двумя аспектами взаимодействия — внешне- и внеязыковыми.

⁶⁹ Обширные комментарии см.: В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, стр. 6—7 (по данной работе цит. приведенный пример).

⁷⁰ В. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 8.

Поскольку многие изменения, иногда радикальные, в системе языка не могут быть объяснены только появлением новых структурных отношений или оппозиций⁷¹, объективно возникает вопрос, почему родственные языки при всей своей близости так неповторимо различны и индивидуальны? Каким образом структурные изменения внутри латинского языка, например, привели к образованию романских языков?

Напрашивается вывод, что причинность развития языка может быть исследована при учете всех аспектов взаимодействия. «Сейчас,— подчеркивает О. С. Ахманова в своей рецензии на статьи «Problèmes du langage» журнала «Diogenès» № 51 за 1965 г.,— можно считать твердо установленным, что современное языкознание не может больше развиваться без эксплицитного учета «экстралингвистического его компонента»⁷². Но что включается в понятие экстралингвистический компонент?

Внешним является воздействие всей жизни общества, ее социально-экономического, политического уклада, культурного развития; на этой основе возникла проблема: язык и общество. Такие известные лингвисты, как Ж. Девото, М. Коэн⁷³, А. Соважо⁷⁴, М. Леви и др., не говоря уже об А. Мейе, П. Лафарге и Ж. Вандриесе⁷⁵, в своих исследованиях подчеркивают внутреннюю связь между языком и реальностью⁷⁶. В советском языкознании в последние годы особенное внимание уделяется изучению развития языков народов СССР в советскую эпоху.

Внешним является также развитие мышления вообще

⁷¹ См.: Б. А. Серебряников. О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений.—ВЯ, 1964, № 3, стр. 20—21.

⁷² О. С. Ахманова. [Рец.]—ВЯ, 1966, № 2.

⁷³ G i a s o m o D e v o t o. Civiltà di parole. Firenze, 1965; M a r c e l C o h e n. Grammaire et style (1450—1950). Paris, 1954; О н ж е. Pour une Sociologie de langage.

⁷⁴ A. S a u v a g e o t. La langue et la société. «Vie et langage». Paris, Juin, 1956; О н ж е. Structures sociales et structure linguistique. «Diogenès». Paris. Juin, 1956; О н ж е. Français écrit, français parlé. Paris, 1962.

⁷⁵ M. L e w i s. Langage in Society. London, 1947. A. M e i l l e t. Linguistique historique..., П. Л а ф а р г е. Указ. соч.; Ж. В а н д р и е с. Указ. соч.

⁷⁶ Actes du X-e Congrès International de linguistique et philologie romane. Strasbourg, 1962, Pub. p. G. S t r a k a, t. III. Paris, 1965, t. 1, 3-ème partie: «Rapports entre les faits d'histoire et de civilisation et les faits linguistiques.

и абстрактного мышления в частности, в связи с чем ставится проблема: язык и мышление. Известно высказывание на этот счет Бодуэна де Куртенэ, который еще в конце прошлого века отметил, что «в стремлении нашего мышления к абстракции состоит еще одно из побуждений к языковым изменениям»⁷⁷.

Внешним является влияние другого языка или, шире, языковой среды, в которой развивается исследуемый язык, и на этой основе появляется проблема языковых контактов, языкового союза, языкового субстрата, адстрата, суперстрата, проблема межъязыкового взаимодействия⁷⁸.

Таким образом, на основе понятия «внешний» можно выделить три большие по своей значимости проблемы, каждая из которых требует детального научного исследования.

Проблема межъязыкового взаимодействия включает в себя достаточно спорный вопрос о внутренних и внешних факторах развития языка и о их роли в процессе межъязыкового взаимодействия⁷⁹. Казалось бы, что для лингвистов, рассматривающих язык как средство общения и передачи мысли, наличие роли внешних факторов само по себе подразумевается и спорных вопросов в данной проблеме быть не может. И вместе с тем, если проанализировать статьи Ал. Граура⁸⁰, И. Ризеску⁸¹, М. Сала⁸², А. Зоммерфельта⁸³, А. Евдошенко⁸⁴ и др., посвященные

⁷⁷ И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об общих причинах языковых изменений. «Избр. труды по общему языкознанию», т. I. М., 1963, стр. 227.

⁷⁸ См.: Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966, стр. 397.

⁷⁹ См.: Т. Ильяшенко. Унеле проблеме але интеракциуний лингвистиче. «Лимба ши литература молдовеняскэ», Кишинев, 1965, № 3.

⁸⁰ Al. Graur. Raportul dintre factorii interni și cei externi în istoria limbii.— LR, 1965, № 1.

⁸¹ I. Rizescu. Rolul factorilor interni și al factorilor externi în dezvoltarea limbii. «Probleme de lingvistică generală», III. București, 1961, стр. 125—136.

⁸² M. Săla. Factores internos y externos en la fonetica judeo-españolă. «Boletín de Filología». Santiago de Chile, 1963, XV, стр. 349—353.

⁸³ A. Sommerfelt. External versus internal factors in the development of language. «Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap», 1963, XIX, стр. 296—315.

⁸⁴ А. Евдошенко. Condițiile interne și condițiile externe ale diftongării. «Studii și cercetări lingvistice», 1962, № 4.

этому вопросу, то станет ясно, что настоящая проблема трактуется и аргументируется по-разному.

Постановка и трактовка данной, как и любой лингвистической, проблемы основывается на общем понимании языка исследователем. Из многообразного понимания языка выделим следующие:

1) язык — это единство системы языка, речи и речевой деятельности; в данной формулировке мы используем известную схему Ф. де Соссюра: язык — речь — речевая деятельность.

2) язык — это абстрактная система отношений ⁸⁵.

На основании первого понимания языка внешним является все то, что не относится к языку как единству системы, речи и речевой деятельности.

На основании второго понимания языка внешним является все то, что не относится к языку как абстрактной системе отношений, т. е. речь и речевая деятельность. Так, например, внешними по отношению к внутренней структуре фонем считаются акцент, позиция, интонация, способствующие внутрискруктурным изменениям ⁸⁶.

Мы же будем исходить из понимания языка как единства системы, речи и речевой деятельности, и на этой основе рассмотрим отдельные вопросы, связанные с проблемой внутренних и внешних факторов развития языка в процессе межъязыковых отношений.

В общих чертах различные позиции в этом вопросе можно охарактеризовать как: 1) экстремистские: а) главными являются только внутренние факторы, а все, что касается внешней стороны, не заслуживает внимания лингвиста, б) главными являются внешние факторы, т. е. в данном плане влияние другого языка и языковой среды в целом;

2) примиренческие (если можно так выразиться), выражающиеся в утверждении, что важны как внутренние, так и внешние факторы, причем иногда более первые, иногда — вторые.

3) нигилистические—внешние факторы недостойны упоминания «уважающим себя исследователем».

Вместе с тем большинство авторов при исследовании

⁸⁵ См.: A. S c h a f f. Langage et réalité. «Diogène». Paris, 1965, № 51.

⁸⁶ См.: A. E v d o ŝ e n k o. Указ. соч., стр. 499.

развития отдельных систем или элементов системы, желают они того или нет, вынуждены решать вопрос о внешних факторах развития. И это неизбежно, главным образом при объяснении и анализе причинности языковых изменений.

Из вышеназванных позиций заслуживают внимания, с нашей точки зрения, различные значения внешних факторов языка (экстремистские и нигилистические позиции выпадают из поля исследования). Рассмотрим в этой связи статью румынского исследователя Ал. Граура о внутренних и внешних факторах развития языка, где он декларирует бесспорное преимущество внутренних факторов развития языка над внешними ⁸⁷. Однако далее он отмечает, что развитие языка можно рассматривать в различных планах, и следовательно в каждом плане по-разному проявляются внешние и внутренние факторы.

1. Язык как систематически организованный материал, элементы которого постоянно взаимодействуют, развивается в первую очередь благодаря внутренним элементам. В фонологии и морфологии заимствования сравнительно редки ⁸⁸.

Эти общие декларации наличествуют у многих исследователей, рассматривающих язык как систему отношений. Именно в этом плане необходимо снова вернуться к дискуссии, развернувшейся по докладу Ханса Фогта на VI международном конгрессе лингвистов в Осло ⁸⁹. Как подчеркнул в своем выступлении по этому докладу Г. Бонфанте, итальянские неолингвисты и затем пражская школа аргументированно доказали, что проникновение элементов системы другого языка может полностью изменить морфологическую систему заимствующего языка; примером являются английский, болгарский, армянский языки ⁹⁰. В выступлении М. Кшепинского приводятся 24 элемента морфологического уровня дакорумынского языка, заимствованных или калькированных со славянского ⁹¹. Известны также примеры структурных изменений

⁸⁷ Al. Graur. Указ. соч., стр. 17.

⁸⁸ Там же, стр. 17—18.

⁸⁹ Hans Vogt. Dans quelles conditions peut-il s'exercer sur le système morphologique l'action d'une autre langue. «Actes du sixième Congrès International des linguistes». Paris, 1949.

⁹⁰ G. Bonfante. Указ. соч., стр. 304.

⁹¹ M. Křepinský. Указ. соч., стр. 317—324.

в плане фонологии, в частности у романских языков (испанского, французского, португальского), усвоенных коренным населением колониальных или ранее колонизированных стран ⁹².

Взаимодействие современных романских языков с языком другого населения легче поддается изучению, чем, скажем, взаимодействие латинского языка с языками многочисленных народностей, завоеванных римлянами. В исследовании роли субстрата, адстрата или суперстрата самих романских языков многое остается в области гипотезы или чистого предположения, и поэтому дискуссии продолжают уже более века. В плане исследования современных романских языков представляют интерес наблюдения Бертила Малмберга над испанским языком в Америке, Мариуса Сала над языком испанских евреев в Румынии, получившим название сефардского и др. ⁹³ Новая лингвистическая среда, в которой развивается испанский язык, приводит не только к особым структурным изменениям, но даже к появлению новой испанской нормы в сефардском языке. И вместе с тем, как подчеркивает Мариус Сала, юдеоиспанец из Солоника или Бухареста понятен любому испанцу, даже если он по происхождению из Америки или Филиппин, благодаря силе испанской традиции ⁹⁴.

Таким образом, в данном случае структурные изменения в фонологии и морфологии не приводят к разрушению системы в целом. Система остается, но она видоизменяется, как и любая историческая категория. Это совершенно закономерное явление, если не подходить к понятию системы как к замкнутой вещи в себе, а считать, что язык развивается потому, что на нем говорят или пишут, для этого он и существует. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что структурные изменения на любом уровне неотделимы от понятия развитие. Можно говорить только о большей или меньшей степени, о количественном или качественном характере этих изменений.

⁹² Rompilius Pradel. La langue française en Haiti. 1961.

⁹³ Bertil Malmberg. Tradición hispanica e influencia indígena en la fonetica hispano-americana. «Presento e futuro de la lingua española». Madrid, 1964; Он же. Factores internos y externos. Marius Sala. Organizarea unei norme noi spaniole în judeo-spaniola. «Studii și cercetări lingvistice», 1966, № 4.

⁹⁴ Marius Sala. Указ. соч., стр. 406.

2. При исследовании развития языка в его основной функции средства общения в статье Ал. Граура подчеркивается правильное положение о взаимодействии категорий «внешний» и «внутренний». Но дополнение к этому положению («в определенных условиях одно переходит в другое») и аргументация на базе неологизмов и архаизмов языка не может служить подтверждением изложенного тезиса. Заявление о том, что внешний элемент (например, *porǎ*, *vodǎ* из славянского, *agǎ*, *raşǎ* из турецкого) становится внутренним (адаптируясь к существительному *tatǎ*)⁹⁵, а также последующий фактический материал наводит на мысль о подстановке различных понятий: фактор развития и элемент языка.

3. Понятие «фактор» применяется Ал. Грауром только в плане рассмотрения унификации диалектов, выделения одного из диалектов или замены одного языка другим; в этом плане подчеркивается преимущество внешних факторов с оговоркой, что они приводят к изменениям только количественным⁹⁶.

Во-первых, теоретически необоснованно объединять три различные проблемы, такие, как унификация диалектов, выделение одного из диалектов и замена одного языка другим.

Во-вторых, можно ли говорить лишь о количественных изменениях, рассматривая, к примеру, проблему выделения одного из диалектов?

Известно, что утверждение в качестве национального языка тосканского диалекта Италии основано на социально-экономическом престиже Флоренции XIV в. (городе купцов, мануфактуристов, банкиров, городе наиболее выраженного зарождения буржуазии), на культурном престиже Тосканы вообще благодаря созданным Данте Алигьери «Божественной комедии» и другим произведениям, а также благодаря его последователям — тосканцам Петрарке и Боккачио. Все это создало объективные условия для выделения тосканского диалекта; развитие же его в общетальянский язык происходило с участием и других диалектов Италии, на что обратил внимание Данте в своей работе «*De vulgari eloquentia*». В процессе своего развития в общетальянский язык тосканский

⁹⁵ Ал. Ггауг. Указ. соч., стр. 19.

⁹⁶ Там же, стр. 18.

диалект претерпел ряд не только количественных, но и качественных изменений. Иначе бы диалект не приобрел бы нового качества — не стал бы языком.

Известно, что некоторые писатели, в частности видный писатель XIX в. Фриц Рейтер, использовали нижненемецкий (niederdeutsch) диалект; то же явление сохраняется и в Италии; в связи с этим наличествует понятие «литературный диалект»⁹⁷.

Рассмотренные положения и аргументации Ал. Граура убеждают в необходимости детального исследования проблемы с привлечением фактического материала различных уровней. Если рассматривать процесс развития языка в целом или отдельных его систем, подсистем или даже элементов языка, то теоретически правильно исследовать не роль или преимущество одних или других факторов, а их взаимодействие.

Известно, что в марксистской философии одним из ключевых принципов является принцип взаимодействия внутреннего и внешнего планов в историческом процессе. Принимая во внимание специфику исследуемого предмета, в данном случае языка, системы которого в определенной степени различны по своей внутренней устойчивости, по способности к внутренней реорганизации, можно подчеркнуть различные аспекты взаимодействия внутренних и внешних факторов, например на фонологическом и морфологическом, на лексическом и синтаксическом уровнях. Кроме того, взаимодействие внутренних и внешних факторов, как и любой процесс, представляет собой историческую категорию; данный процесс взаимодействия необходимо рассматривать не вообще, а в определенных хронологических срезях, в которых процесс взаимодействия также может принимать различные аспекты.

Следовательно, при исследовании межъязыкового взаимодействия на базе внутренних и внешних факторов развития языка необходимо: 1) рассмотрение их в плане взаимодействия; 2) выделение различных аспектов взаимодействия; 3) исследование на основе хронологических срезов.

Данное положение ставится в основу исследования славяно-молдавских отношений.

⁹⁷ И. И о р д а н. О литературном языке. «Журнал языкознания», Бухарест, 1956, стр. 72.

В лингвистической литературе результатом межъязыкового взаимодействия считается смешение языков. В последнее время для определения процессов, происходящих в контактирующих языках, употребляется термин интерференция.

1. Говоря о смешении языков, Ал. Граур подчеркивает, что эта проблема так же древняя, как и лингвистика ⁹⁸. Действительно, поставленная еще Данте, развитая Г. Асколи, М. Бартоли и др., она приобрела особое значение после работ Г. Шухардта. В 1883—1885 гг. появились понятия «Sprachmischung», «gemischte Sprache», «mélange des langues» ⁹⁹. По мнению Л. В. Щербы, эти понятия появились как реакция на некоторые концепции прошлого века, согласно которым язык рассматривался как живой организм, и можно было говорить только об органическом развитии языка; неорганические новшества санкционировались как болезнь языка; таким образом, первоочередное значение приобретала чистота языка, так же как чистота расы ¹⁰⁰.

Тот объективный факт, что не существует языка, который в ходе своего зарождения и развития не претерпел бы влияния со стороны другого (или других) языка, был отмечен еще И. Бодуэном де Куртене ¹⁰¹. Одновременно на базе изучения фактического материала различных языков аргументировалось положение о том, что, каким бы «смешанным» ни был язык, всегда существует один язык в его основе, и любой язык можно отнести к определенной группе ¹⁰².

На основе этого положения Л. В. Щерба (в 1925 г.) предложил заменить термин «смешение языков» термином «взаимное влияние», так как понятие «смешение» может

⁹⁸ Al. Graur. Studii de lingvistică generală. București, 1960, стр. 436.

⁹⁹ H. Schuchardt. Kreolische Studien. IV-über das Malaispanische der Philippinen. Sitzungsberichte der Wien. Akad. 105, 1, 1883; Он же. Slavo-deutsches und slavo-italienisches. Graz, 1885.

¹⁰⁰ Л. В. Щерба. Sur la notion de mélange des langues. «Яфетический сборник», V, 1925, стр. 1—19.

¹⁰¹ И. Бодуэн де Куртене. О смешанном характере всех языков.— ЖМНП, 1901.

¹⁰² Windisch. Zur théorie der Missprachen und Lehnwörter. Phil. Hist. cl. B. 49, 1897, стр. 113.

дать неверное представление о том, что оба языка в равной мере участвуют в создании другого языка ¹⁰³. Вывод о том, что следует говорить о «взаимном влиянии», а не о «смешении», напрашивается особенно тогда, — подчеркивает Л. В. Щерба, — когда изучаем незнакомый язык и замечаем, что в нем имеется большое количество основных элементов, относящихся к определенному языку. Но если в каком-либо языке имеется равное количество элементов из двух языков, то довольно трудно определить, который из двух представляется как продолжение в данном языке» ¹⁰⁴.

Говоря о баскском языке, Г. Шухардт подчеркивает, что даже если бы мы знали о наличии в нем равного количества равных по значению хамитских и кавказских элементов, то и тогда не могли бы сказать, что первые прибавились ко вторым или наоборот, что и те и другие развились из одного и того же языка ¹⁰⁵. Тезисы, изложенные Шухардтом, были развиты в советском языковедении Марром и его последователями; на основании теории скрещивания языков делалась попытка доказать, что английский является германо-романским, молдавский — славяно-романским и т. д. Теория смешанной основы языков была предметом широких дискуссий с аргументами за и против. Еще в 1914 г. в статье А. Мейе, опубликованной в журнале «Scientia» и переизданной в его капитальном труде «Linguistique historique et linguistique générale» под названием «Le problème de la parenté des langues», подчеркивалось, что любой язык развивается из одного языка, а не является лишь продолжателем отдельных элементов ¹⁰⁶. Многие вопросы, касающиеся системы языка, можно было бы правильно осветить, — как подчеркивал Бодуэн де Куртене, — если бы имелись сравнительные грамматики языков неродственных, но имеющих много общих элементов ¹⁰⁷.

¹⁰³ Л. В. Щ е р б а. О понятии смешения языков. «Избр. работы по языковедению и фонетике», т. I. Л., 1958, стр. 42.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ H. S c h u c h a r d t. Zur methodischen Erforschung der Sprachverwandtschaft. «Revue Internationale des études Basques», 1962, VI; О н ж е. Sprachverwandtschaft. «Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wissen». Berlin, 1917, Bd. XXXVII, стр. 526.

¹⁰⁶ А. М е и л л е т. Linguistique historique.

¹⁰⁷ И. Б о д у э н д е К у р т е н э. Указ соч.

Об определенном роде «смешения» говорил Л. В. Щерба, изучавший язык лужицких сербов, для которых официальным языком был немецкий, что способствовало проникновению в их родной большого количества элементов немецкого языка, однако это не мешает серболужицкому языку оставаться славянским¹⁰⁸. Такого же рода смешение наблюдается в языке липован села Думаска, Ясской области, пользующихся румынским в функции официального и сохранивших свой родной русский язык только в функции обиходного¹⁰⁹.

При изучении различных языков был поставлен также вопрос о «гибридных» или «креольских» языках, у которых грамматическая структура принадлежит одному, а словарный фонд другому языку. В качестве примера такого гибридного языка обычно приводится цыганский, заимствовавший грамматический строй армянского и содержащий 70% словарного состава другого происхождения. По мнению И. Котяну, «гибридным» является также истро-румынский, впитавший в себя большое количество славянских грамматических элементов, отсутствующих в других романских языках¹¹⁰.

В наше время, в связи с интенсификацией изучения языков Африки, Южной Америки¹¹¹ на лингвистической карте мира появились новые, так называемые креольские языки: папьяменто на островах Курасао (Антильский архипелаг) — вариант португальского языка на Гвинейских островах; языки пиджин-инглиш в Китае, бич-ла-мар, лингва-франка или сабир в Северной Африке. Некоторые исследователи этих вариантов языков, такие, как Р. Ленц, О. Есперсен и др., подчеркивают, что их нельзя назвать смешанными или креольскими, так как, например, пиджин-инглиш остается английским языком, но для него характерен главным

¹⁰⁸ Л. В. Щ е р б а. Восточно-лужицкое наречие, т. I. Пг. 1915.

¹⁰⁹ V. A r v i n t e. Un caz de bilingvism slavo-romin. «Studii și cercetări lingvistice», 1958, № 1.

¹¹⁰ I. C o t e a n u. À propos des langues mixtes (sur l'istro-roumain) «Mélanges linguistiques». București, 1957; Он же. Cum dispăre o limbă, București, 1957.

¹¹¹ M. H a n e ș. Aperçu sociologique sur le bilinguisme en Afrique noire. «Notes africaines». Dakar, 1962, № 96; V. M o n t e i l. Le problème linguistique en Afrique noire. «Esprit», 1962, № 311; A. L a n l y. Le français d'Afrique du Nord. Etude linguistique. Paris, Presses universitaires de France. 1962, стр. 367.

образом тот факт, что язык неполностью усвоен ни лексически, ни грамматически, грамматика в пиджин существует минимально¹¹².

Отдельные советские исследователи поддерживают мнение о существовании креольских языков, хотя, в общем, в советской лингвистике понятие «смешанный язык» считается дискуссионным. Так, например, С. Б. Бернштейн высказывает мнение о том, что креольские языки — это по сути жаргоны, которые могут воспринимать элементы любого языка¹¹³.

И вместе с тем папьяменто, например, нельзя считать жаргоном; это язык школы, церкви, на этом языке имеются публикации, хотя официальным языком на Курасао является голландский¹¹⁴. Нам представляется, что можно говорить о вариантах определенных языков (английского, португальского и др.), появившихся и развивающихся в конкретных, специфических для каждого в отдельности, условиях. Аргументированным представляется и тезис А. Мейе о том, что термин «скрещивание языков», или «смешанные языки», является лишь метафорой¹¹⁵. Против понятия «смешанный язык» выступают также некоторые советские исследователи¹¹⁶. Американский филолог Е. Хауген подчеркивает, что в настоящее время эти термины приобрели пейоративный оттенок и не употребляются лингвистами, отдающими предпочтение понятию «заимствование» в широком смысле, а не «языковой микстуре»¹¹⁷.

В американской лингвистике широко бытуют понятия португалско-американской речи¹¹⁸, американо-немец-

¹¹² R. L e n z. El papiamento. La lengua creola de Curazao, 1928, Santiago de Chile, стр. 41; O. J e s p e r s e n. Language its Nature, Development and Origin. London, 1949, стр. 224—225; P. P r a d e l. La langue française en Haiti. Mâcon, 1961.

¹¹³ С. Б. Б е р н ш т е й н. К проблеме языковых смешений. «Против вульгаризации марксизма в языкознании», ч. 2. М., 1952, стр. 301.

¹¹⁴ R. L e n z. Указ. соч., стр. 50.

¹¹⁵ A. M e i l l e t. Linguistique historique..., стр. 101.

¹¹⁶ А. Б. Д о л г о п о л ь с к и й. Против ошибочной концепции «гибридных» языков (о креольских наречиях). «Уч. зап. 1-го МГПИИЯ», т. VII, 1955, стр. 29—60.

¹¹⁷ E. H a u g e n. The analysis of linguistic borrowing «Language», v. 26, № 2, 1950.

¹¹⁸ L. P a r. Portuguese-American Speech. N. Y., 1949.

кой, американо-норвежской, под которыми понимается не смешение между этими языками, а языки португальский, немецкий, норвежский и процессы интерференции, обусловленные наличием различных двуязычных общностей в Америке ¹¹⁹. В каждом отдельном случае ясно вырисовывается основной язык — португальский, немецкий и т. д., и никакого «коктейля», — по выражению Е. Хаугена, — не происходит.

2. Понятие «интерференция» впервые появилось в публикациях пражского лингвистического кружка; в интерпретации У. Вайнрайха под интерференцией понимается структурное изменение моделей языка вследствие введения элементов другого языка ¹²⁰. Это определение принимается и в настоящей работе. Начальная стадия интерференции в лексике или в грамматической структуре — это обычно какое-либо отклонение от нормы, которое появляется в отдельном стиле, у какого-либо писателя, в разговорном языке. Такое отклонение может и остаться «отклонением», но оно может получить распространение, закрепиться в литературном языке, расширить сферу употребления, и в таком случае это будет явление интерференции — проникновение в ткань языка новых элементов.

Следовательно, существуют языковые инновации, особенно относящиеся к определенным понятиям, которые не сразу входят в систему языка. Определенное время язык как бы держит их под наблюдением, а иногда и не воспринимает. Так, например, от существительных-неологизмов французского языка с окончанием *-ion*, таких, как *ambition*, *démission*, *émotion*, *impression*, были образованы в этом языке соответствующие глаголы-дериваты: *ambitionner*, *confectionner*, *émotionner*, которые нелегко адаптируются звуковой системой французского языка. Часто вместо соответствующих глаголов появляются их эквиваленты, синтетического или перифразного характера: *émouvoir*, *faire impression* и др. ¹²¹ Фоническая система молдавского языка легко воспринимает такие глаголы-дериваты, как *амбициона*, *конфекциона*, *эмоциона*, и по их образцу, по аналогии, образо-

¹¹⁹ E. Haugen. Указ. соч.

¹²⁰ U. Weinreich. Указ. соч., стр. 1.

¹²¹ H. Jasiég. Указ. соч., стр. 56.

вались глаголы: *акизициона, речепциона*, несуществующие во французском языке (ср. фр. *acquisition* и *acquérir*, *gésertion* и *gesevoir*). Такого типа глаголы легко адаптируются в молдавском языке, вплетаясь в его глагольную деривативную систему благодаря тому, что в результате лексических заимствований из славянских языков звуковая система молдавского не отвергает «длинных» словоформ; подобное явление неприемлемо для французского, в котором, именно на основе звукового объема глаголов вышеназванного типа, ставится вопрос о возможности их употребления, главным образом с эстетической точки зрения.

Вообще процесс адаптации на любом уровне не всегда можно ставить в зависимость от генетического фактора. Так, например, для молдавского языка более близкой является славянская фоническая система. Исследователи румынского языка Г. Адамеску, Г. Ивэнеску и др. подчеркивают, насколько сложно иногда адаптируются лексические элементы, заимствованные из французского языка¹²². Это объясняется тем, что взаимопроникновение двух фонетических систем, романской и славянской, имело место в период формирования, образования специфических черт балканороманской фонетической системы. На этой основе в дальнейшем при языковых контактах адаптация происходит уже на базе определенных схождения, наличествующих в заимствующем языке¹²³.

Заимствование отдельных звуков или звуковые изменения, появившиеся под влиянием фонетической системы другого языка, не всегда приводят к структурным изменениям; но в отдельных случаях даже, казалось бы,

¹²² Gh. A d a m e s c u. Adaptarea la mediu a neologismelor «Analele Academiei române». Mem. Secț. lit. ser. III, t. VII, București, 1938, p. 24; G. I v ă n e s c u și L. L e o n t e. Fonetica și morfologia neologismelor române de origină latină și romanică. «Studii și cercetări științifice», seria filologică, 1956, fasc. 2, Iași, стр. 2.

¹²³ E. P e t r o v i c i. Influența slavă asupra fonemelor limbii române. București, 1956; О н ж е. Kann das Phonemsystem einer Sprache durch fremden Einfluss umgestaltet werden? Zum slavischen Einfluss auf das romanische Lautsystem. S-Gravenhage, 1957; С. В. С е м ч и н с к и й. Фонетические соответствия между гласными румынского, русского и украинского языков. «Наукові зап. Київського держ. ун-ту ім. Т. Г. Шевченка», т. XVI, вип. VII, 1957, стр. 179—190.

незначительные изменения могут иметь большое значение для всей фонетической системы в целом; это зависит от характера релевантности — нерелевантности звуковых изменений при определении фонемных оппозиций¹²⁴. Структурные изменения в свою очередь не всегда меняют «звуковую картину» (по выражению У. Вайнрайха) заимствованного языка. Определяющим в подобных случаях является факт первичности или вторичности контактного языка. Так, например, для «звуковой картины» молдавского языка заимствование из славянского находило поддержку в тенденциях самого латинского языка. Значение влияния славянской фонетической системы состоит главным образом в том, что оно привело в действие эти тенденции, чего не произошло в западнороманских языках.

Данное положение подтверждает известный тезис о том, что язык может принять структурные элементы другой системы только в том случае, если они способствуют его собственным тенденциям развития.

а) Процесс интерференции можно изучать на различных уровнях. Но в любом случае исследователя интересуют не отдельные, изолированные явления сами по себе; любое явление необходимо рассматривать в ядре соответствующих отношений, совокупность которых образует систему. Так, например, в грамматической системе подсистему залогов образуют отношения актив — пассив — рефлексив, каждое из этих отношений обладает соответствующими формами выражения. При изучении отношения пассива в молдавском языке необходимо рассматривать не только грамматический его инвариант типа *este citit* «читается», но и возможные варианты, содержащиеся в синтагмах: *картя este cititэ, картя се читеште, картя о читеск*, а также соответствующие варианты русского языка: «книга читается», «книгу читают». Соответствия и расхождения можно проследивать также с функциональной стороны и с точки зрения степени употребляемости инварианта и вариантов. Представляется, что таким образом можно установить, какие новые формы выражения отношения пассива появились в молдавском языке под влиянием соответствующих элементов

¹²⁴ E. P o l i y a n o v. La pécception de sons d'une langue étrangère. «Travaux du cercle linguistique de Prague», 1931, № 4.

русского языка, какую грамматическую форму приобрели они, какую функцию выполняют, какова их частотность и сфера распространения.

Чисто формальное сопоставление может иногда привести к ошибочным выводам. Рассматривая предложный аккузатив в румынском языке, Г. Нандриш замечает, что идентичность формы недостаточна для определения общности выраженных отношений. Предложный аккузатив в испанском языке, например, выражается сочетанием глагол + *a*, в румынском — глагол + *pe*, и, несмотря на схематичную идентичность формы по выражаемым отношениям и функции, данная конструкция в румынском представляет, — по мнению Г. Нандриша, — кальку со славянского¹²⁵. Представляется, что при рассмотрении процесса интерференции на уровне грамматической системы необходимо проводить анализ на базе четырех постоянных элементов: формы, отношения, функции и частотности.

Говоря об интерференции на уровне грамматической системы, следует подчеркнуть, что в том случае, когда интерференция представляет собой результат межъязыкового взаимодействия у носителей языков высокой культуры или языков с древней традицией, письменной и устной, — то она проявляется главным образом на уровне синтаксической системы.

Интерференция в синтаксисе проявляется в различных элементах системы по-разному. Появление новых структурных моделей не обязательно приводит к исчезновению старых, традиционных. В таких случаях новые модели представляет собой лишь дополнительные средства выражения. Так, например, именные предложения с графическим выражением связи (тире), развившиеся в молдавском языке по соответствующим моделям русского языка, не привели к уничтожению именного предложения с лексически и грамматически выраженной связкой, характерного для молдавского языка, они также не сосуществуют как синонимы, а представляют собой дополнительные возможности выражения мысли.

Вопрос об интерференции в морфологической системе до настоящего времени остается дискуссионным. Как уже

¹²⁵ G. N a n d r i ș. Sur l'accusatif prépositionnel en roumain (un calque slave). «Mélanges M. Roques», III. Paris, 1952, стр. 159.

отмечалось, на международном конгрессе лингвистов в Осло эта проблема была поставлена в докладе профессора Ханса Фогта и рассмотрена затем в 20-ти сообщениях таких известных исследователей, как Белич, Бонфанте, Ельмслев, Кшепинский, Пизани, Террачини и др.¹²⁶

Обычно считается, что морфологическая система более устойчива и стабильна по своей внутренней спаянности. Но известно, что даже такая стабильная морфологическая система, какой являлась система латинского языка, оказалась в определенных условиях менее стабильной. Влияние нелатинских моделей поддерживалось самой латынью, в которой имелись зачатки появления новых форм выражения, эти зачатки наличествовали, как известно, еще у Плавта и др. Изменение в морфологической системе может возникнуть в результате определенных изменений в системе или в элементах системы синтаксиса.

На этом же конгрессе А. Соважо довольно категорично заявил, что только как результат интерференции в синтаксисе можно объяснить интерференцию в морфологии.

Вместе с тем часты случаи заимствования деривативных аффиксов посредством заимствования лексических элементов с соответствующими аффиксами. И если считать деривацию морфологическим процессом, то в этой области заимствования более часты. Вообще можно отметить, что в любой системе имеются элементы структуры, допускающие возможность изменения. Так, например, известно, что фонетическое и фоническое ослабление конечных звуков в индоевропейских языках не может быть единственной причиной распада их падежной системы. Но оно может быть одной из причин (внутриструктурного характера), если одновременно воздействует другая, менее сложная система. Примером может служить процесс интерференции между балкано-романской и славянской падежными системами, в результате которой восточнороманские языки сохранили падежные флексии (в отличие от западно-романских), а в болгарском, например, значительно сократилось количество флексий падежей (в отличие от восточно- и западнославянских). В большинстве слу-

¹²⁶ См.: Actes du sixième Congrès International des linguistes (19—24 июля 1948 г.). Paris, 1949.

Чаев рассматриваются процессы интерференции в лексической системе, где этот процесс особенно очевиден, являясь прямым отражением изменений социально-политического, экономического и культурного планов. Но и в лексической системе также возможно изучение новых отношений, образуемых вследствие заимствования или калькирования лексических элементов, изучение функции, частотности, стилевых оттенков, не ограниченное инвентаризацией или даже классификацией заимствований. Как подчеркивал И. А. Бодуэн де Куртенэ, то, что в различных языках имеются слова из других языков, можно заметить и без лингвистики.

В этом плане вызывает интерес статья Р. Квека и А. Макуода, представленная в виде диалога между этими двумя авторами (первый американец, второй англичанин). Они отмечают наличие в английском языке Америки 1735 слов в а р в а р с к и х (подчеркнуто мною. — *Т. И.*). Это объясняется тем, что Лондон был политической и культурной столицей и вырабатывал языковые стандарты, главным образом, до революции 1776 г.¹²⁷

б) Процесс интерференции можно рассматривать также в диахроническом плане или в синхроническом, т. е. исследование можно вести на различных хронологических срезах. Вместе с тем синхронное рассмотрение интерференции или интерференции *in actu* предполагает наличие исследований выделенных процессов в диахроническом плане или, при отсутствии таковых, помогает выяснить и отдельные моменты диахронии. Так, например, Л. В. Щерба, изучая восточнолужицкое наречие на фактическом материале, отмечал в предисловии к своей работе, что описание определенного языка в определенный период помогает понять его ближайшее прошлое и возможное будущее¹²⁸. Следовательно, для углубления исследования рассматриваются определенные элементы интерференции и фиксируются эти элементы в определенные хронологические рамки.

При исследовании процесса интерференции можно выявить различные аспекты действия данного процесса в зависимости от структурной близости контактирующих

¹²⁷ R. Quirk e, A. N. M a r c k w a r d t. A common language—British and American English. Political and linguistic independence. «Le lingue del mondo», 1966, № 7, Firenze, стр. 339—345.

¹²⁸ Л. В. Щ е р б а. Указ. соч., стр. 65.

языков, от степени сопротивления, или наоборот, стимулирования элементов другой структуры; факторы стимулирования или сопротивления в свою очередь могут носить структурный или неструктурный характер. Так, языки коренного населения Африки восприняли большое количество элементов различных уровней из французского, английского, испанского языков. В настоящее время в языках Африки наблюдается интенсификация фактора сопротивления (неструктурного характера) и в отдельных случаях очистка от иноязычных элементов, не вошедших в ткань языка. Развитие языков африканских народов исследуется и обсуждается многими специалистами мира. В 1962 г. в Акре (Гана) состоялся первый международный конгресс африканистов, наметивший дальнейшие пути и проблемы исследования ¹²⁹.

Аспекты интерференции находятся также в зависимости от состояния изоляции или, наоборот, близости к носителям другого языка или к носителям того же языка. В упомянутой статье В. Арвинте подчеркивает, что, несмотря на большое влияние румынского языка, русский язык липован села Думаска весьма живуч и жизнеспособен. Несмотря на территориальную изоляцию от основного массива русского языка, жизненность родного языка сохраняется. Так же развивался и английский язык в условиях изоляции от основного массива. Процессы интерференции наблюдаются в английском языке, начиная с XVII в., когда отдельные носители языка вступают в новые контакты, находятся в новых жизненных условиях по сравнению с жизнью на Британских островах ¹³⁰. В связи с этим некоторые элементы древнеанглийского остались характерными только для английского языка Америки, Канады, Новой Зеландии, Южной Африки.

Языковые процессы в колониальных и ранее колонизованных странах изучаются и представляют большой теоретический интерес ¹³¹.

¹²⁹ См.: Study of the role of second language in Asia, Africa and Latin America. Washington, 1962, VI, 123 стр.

¹³⁰ Н. Н. Смирнов. О развитии существительных английского языка после переселения в новые страны (на примере названий водных животных и растений). «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1962, т. XXII, вып. I, № 1.

¹³¹ А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954; Н. Ф. Мюллер. Quelques remarques sur le français

Различные аспекты интерференции наблюдаются также при исследовании данного процесса в литературном языке и говорах одного и того же языка, различны аспекты интерференции в языке и речи вообще ¹³². В исследованиях американских лингвистов, занимающихся вопросами португальского или норвежского языков в Америке, рассматривается разговорный аспект соответствующих языков.

Исследование интерференции в речи проводится в различных планах. Так, например, рассматривая этот процесс в речи детей и взрослых, отмечают, что дети воспринимают большее количество элементов звукового плана, чем структурного; рассматривают также процессы интерференции в речи мужчин и женщин. В этих исследованиях обращается внимание на отношение говорящих на автохтонном языке ко второму языку.

В заключение главы хотелось бы подчеркнуть причинно-следственные языковые отношения между рассмотренными явлениями: языковые контакты порождают языковое взаимодействие, которое в свою очередь приводит к интерференции.

Данные общетеоретические понятия представляют собой основу изучения роли языковых контактов в развитии языков вообще и молдавского в частности. Основываясь на известном марксистском положении о том, что язык является не только продуктом развития общества, но одновременно и значительным фактором развития общества ¹³³, изучение языковых контактов предстает как проблема не только общетеоретического, но и практического плана. На ее основе возможна попытка установления тенденций развития языка в будущем.

canadien. «Mélanges de linguistique offert à Albert Dauzat». Paris, 1951.

¹³² См.: W. T h e o d o r E l w e r t. Das Zweisprachige Individuum, ein Selbstzeugnis. Wiesbaden, 1960.

¹³³ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Собрание сочинений. М., т. XIV.

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

Языковой контакт у народов нашей страны основывается, как уже было отмечено, на едином историческом «субстрате» — советской действительности. И вместе с тем можно выявить различную интенсивность и степень его проявления в зависимости от различных факторов, из которых выделяем следующие: 1) продолжительность и характер непрерывности (в историческом плане); 2) степень развитости контактирующих языков (палеографические, неографические, аграфические языки); 3) степень близости структур (генетическая, типологическая); 4) социальные функции контактирующих языков.

Рассмотрим в общих чертах на материале славяно-молдавских отношений каждый из вышеназванных четырех факторов.

1. На всем протяжении своей истории молдавский язык находился в непрерывном контакте со славянскими языками: с южнославянскими в период образования балкано-романской общности (V—X вв.), с восточнославянскими, украинским и русским — примерно с XII в.¹; языковой контакт основывался на этническом симбиозе и на влиянии в области культуры²; интенсивность его была раз-

¹ Как отмечает Э. Петрович, язык администрации и дипломатических отношений в Валахии был среднеболгарский, а в Молдавии — древнеукраинский (Э. Петрович. Географическое распределение славянских топонимов на территории Румынии. «Romanoslavica», IX, 1963, стр. 12).

² Библиографический материал с критическими замечаниями, главным образом относительно взаимоотношений молдавского языка

личной в различные периоды его развития³. Для молдавского языка процесс взаимодействия с русским языком на современном этапе базируется, следовательно, на определенной традиции. Этого нельзя сказать о некоторых других национальных языках. Так, например, для эстонского языка непрерывность характерна лишь в советский период. Особый путь развития прошел каждый из тюркских национальных языков (азербайджанский, узбекский, туркменский, казахский, киргизский). Только в конце XIX—начале XX в. Казахстан, например, полностью объединился с Россией, и начались интенсивные экономические, социально-политические и культурные отношения. Характер контакта в историческом плане придает каждому национальному языку различные аспекты в процессе взаимодействия на современном этапе.

Элемент традиции для молдавского и славянских языков охватывает как культурные традиции, так и языковые традиции в области языка администрации, дипломатических отношений, религиозного культа.

2. Рассматривая языки народов нашей страны с точки зрения степени их развитости и учитывая их деление на языки с древней традицией, или старописьменные (палеографические), языки, приобретшие свою письменность в советский период, или младописьменные (неографические), и бесписьменные языки (аграфические)⁴, необходимо заметить следующее. В развитии языков, объединяемых общим термином «палеографические», к которым относятся в первую очередь языки соответствующих наций (русский, украинский, молдавский и др.) обнаруживаются существенные различия. Имеются языки с древней традицией, с богатой литературой и широкими функциями—в первую очередь, это русский язык; существуют

с украинским и русским, см.: А. М. Дырул. Библиография привид инфлуенца лимбилор ест-славе асупра лимбилор романиче рэсэритене».—«Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения». Кишинев, 1961, стр. 79—96.

³ А. Т. Борщ. К вопросу о молдаво-славянском двуязычии. Тезисы к Региональной конференции по вопросам молдово-русско-украинских отношений в языке, литературе и фольклоре». Кишинев, 1963, стр. 21—22. Н. Д. Раевский. Унеле ефекте але билингвизмулуй романо-славик.— Там же, стр. 68.

⁴ Ю. Д. Дешериев. О развитии языков народов СССР. «Вопросы строительства коммунизма в СССР». М., 1959.

также языки с древней традицией, у которых, однако, литературная традиция слаба, а функции их в прошлом были ограничены. У таджикского языка, например, письменная традиция восходит примерно к середине IX в. На так называемом классическом языке написана богатая литература, главным образом поэтического жанра, написаны трактаты по истории, литературе, философии. Но сфера распространения этого классического таджикского языка была ограничена, так как он существенно отличался от разговорного языка не только в лексическом плане, но и в грамматических формах. Современный литературный язык создан, по сути, в советский период, когда он благодаря основоположнику таджикской художественной прозы Садриддину Айни и другим выдающимся писателям обогатился не только лексическими элементами, но и отдельными грамматическими формами разговорного языка. «Классический» способ выражения, многие элементы которого приобрели архаический характер, сохраняется в поэзии ⁵.

Современный молдавский литературный язык, несмотря на то что его письменная традиция датируется лишь XVI в., оформился в своем современном литературном аспекте раньше таджикского.

Различные пути и периоды становления литературных языков из одного разряда — палеографических — определяют различные аспекты в процессе взаимодействия на современном этапе.

3. При исследовании степени близости структур учитывается обычно разделение языков на родственные и неродственные. Естественно, существует различная степень структурной близости между такими языками, как русский, украинский и белорусский, и между русским и армянским языками. Однако можно заметить, что и среди родственных языков характер структурных сходжений неодинаков. Как подчеркивает Л. П. Якубинский, более тесные генетические отношения наблюдаются у языковых общностей, которые в период родового

⁵ См.: Тезисы докладов Всесоюзной конференции, посвященной закономерностям развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Алма-Ата, 1964 г. и О. К а ф к о в а [рец.]. Русский язык и советское общество. «Ceskoslovenska rusistika», 1965, стр. 109—111.

общества и в процессе формирования классового общества находились в состоянии непосредственного совместного жительство⁶. Одновременно следует заметить, что степень близости структур определяется не только общностью происхождения, но и наличием определенных типологических сближений, возможность появления которых наблюдается особенно при этническом контакте. Еще в XI—XV вв. язык англосаксов воспринял большое количество элементов французского языка, что способствовало приобретению им особых черт по сравнению с другими германскими языками⁷.

М. С. Андронов в докладе на конференции по типологии восточных языков (Москва, 7—9 октября 1963 г.) рассматривал вопрос о развитии генетически различных языков в Индии. В настоящее время на базе языковых контактов наблюдается рост типологических схождений в неоиндийских и дравидских языках и, соответственно, уменьшение генетически общих элементов, связывающих индоарийские языки с другими индоевропейскими языками и современные дравидские языки с древнедравидскими⁸.

Наличие определенных типологических романославянских соответствий отмечается также в исследованиях, посвященных румынскому языку⁹. Таким образом, можно отметить, что процесс взаимодействия основывается как на генетической, так и на типологической близости соответствующих языков. Как известно, одним из первых исследователей, подчеркнувших значение типологических схождений для изучения романских языков, является Ш. Балли, который обосновал свои наблюдения на фактическом материале французского и немецкого языков¹⁰.

⁶ Л. П. Я к у б н с к и й. Образование народностей и их языков. «Вестник ЛГУ», 1947, № 1, стр. 149—150.

⁷ А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 383.

⁸ См.: З. В. Ш е в е р н а. — «НДВШ. Филол. науки», 1964, № 1, стр. 219—223.

⁹ Е. Р е т р о в і с і. Указ. соч.; С. В. С е м ч и н с к и й. Фонетические соответствия между гласными румынского, русского и украинского языков. «Наук. зап. Київського держ. ун. ім. Шевченка», с. XVI, вип. VII, 1957, стр. 179—190.

¹⁰ Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

4. Важную роль в степени взаимодействия, следует отнести социальным функциям контактирующих языков. В работах многих исследователей рассматривается (в некоторых в числе других проблем, в других же специально) вопрос о языковом взаимодействии между языками с различными социальными функциями. Так, например, А. Мейе в разделе «Sur le bilinguisme» своего капитального труда «Linguistique historique et linguistique générale» отправляется от наличия контакта между «языком цивилизации» и «обиходным языком»¹¹. Также и наблюдения А. Росетти основываются на языках, развивающихся в неравных условиях; один из них является привилегированным своим политическим положением, престижем культуры, количеством говорящих¹². В подобном, неравном положении находятся в первую очередь языки местного населения по отношению к языку завоевателей, который внедряется как силой оружия, так и престижем языка цивилизации. Таковым был, например, латинский язык римских завоевателей. Можно отметить также функциональное неравенство у языков, носители которых находятся в изолированном территориально-этническом положении от основной массы носителей соответствующего языка. Язык лужицких славян (сорабов), описанный Л. В. Щербой¹³, образует своеобразный языковой остров, окруженный официальным немецким языком. И вместе с тем, как подчеркивает А. Мейе, — соробы «остались преданными традиционному языку; славянские формы служат частично для выражения конструкций немецкого языка»¹⁴. О таком же аспекте взаимодействия между языками с различными функциями говорится и в упомянутой статье В. Арвинте, исследующего язык липован села Думаска (Ясской области), которые, находясь в изоляции от основного массива русского языка, сохранили свой родной язык в функции обиходного¹⁵.

Социальные функции национальных языков республик нашей страны равны между собой; это равенство

¹¹ A. Meillet. Указ. соч., стр. 99—103.

¹² Al. Rosetti. Introducere în lingvistica generală. București, 1959, стр. 214.

¹³ Л. В. Щерб а. Восточно-лужицкое наречие, т. I. Пг., 1915.

¹⁴ A. Meillet. Указ. соч., стр. 107.

¹⁵ V. Arvinte. Указ. соч. стр. 45—71.

Достигается путем постоянного расширения функции языков с древней традицией, но с ограниченными социальными функциями в прошлом. Говоря о языках с равными социальными функциями, мы имеем в виду языки, обладающие способностью обслуживать все сферы человеческой деятельности, выражать все необходимые мысли, т. е. языки поливалентные.

Помимо вышеназванных основных четырех факторов, определяющих различные аспекты контакта и соответственно языкового взаимодействия между национальными языками, в этом сложном процессе необходимо учитывать также: 1) сферу контакта (происходит ли он в литературном языке или в говорах или и в том и другом аспекте национального языка); 2) в какой социальной прослойке взаимодействие более интенсивно (у населения города или деревни); 3) географическо-территориальную позицию контактирующих языков; 4) количественный фактор и др.

Поскольку в предлагаемой работе основной фактический материал относится к двум национальным языкам — молдавскому (романскому) и русскому (славянскому), представляется необходимым подчеркнуть важность рассмотрения взаимодействия между неродственными языками, обладающими равными социальными функциями. Проблема взаимодействия между неродственными языками имеет, как известно, общелингвистическое значение, о чем свидетельствует широкая дискуссия по этому вопросу, проведенная на международных конгрессах по романскому, по славянскому языкознанию и др.¹⁶ Различные аспекты этой проблемы рассматриваются также в специальных работах У. Вайнрайха, К. Шёнфельдера, Л. Деруа, Т. Эльверта и др.¹⁷

Процесс развития национальных языков в целом представляется как постоянное накопление новых средств

¹⁶ См.: А. Н. Робинсон. IV Международный съезд славистов. «Известия АН СССР. ОЛЯ», 1958, т. VIII, вып. 6, стр. 572—573; Проблематика и тематика на V международном славистическом Конгрессе. «Български език», кн. I. София, 1961, стр. 71; см. также: Л. Гальди. Слова романского происхождения в русском языке. М., 1958.

¹⁷ U. Weinreich. Указ. соч.; K. Schönfelder. Probleme der Völker- und Sprachmischung. Halle, 1956; L. Derooy. L'emprunt linguistique. Paris, 1956; W. Theodor Elwert. Zweisprachige Individuum. Ein Selbstzeugnis. Wiesbaden, 1960.

выражения на различных уровнях, в большей или меньшей степени.

Рассмотрим в общих чертах наиболее характерные явления. Общим результатом языкового влияния обычно считается заимствование, в первую очередь в лексике и в меньшей мере в грамматике и фонетике. В некоторых случаях ставится как бы знак равенства между языковым влиянием и заимствованием, т. е. языковое влияние сводится по существу к заимствованию.

Данное положение требует некоторого уточнения. Между понятиями «влияние» и «заимствование» существуют прямые причинно-следственные отношения: заимствование является результатом языкового влияния. Понятие же «заимствование» в свою очередь находится в определенных причинно-следственных отношениях с конкретными процессами в самом заимствующем языке. Наиболее ощутимым результатом заимствования является процесс введения новых лексических единиц путем прямого заимствования или калькирования. Менее очевидными, на первый взгляд исследователя, но весьма существенными для развития языка являются процессы оживления или замедления ранее имевшихся в языке возможностей или тенденций и образования новых грамматических категорий также на базе имеющихся тенденций. Эти три процесса как результат языкового заимствования находят подкрепление в понятиях, подчеркнутых В. И. Абаевым, — «материальное» и «модельное» влияния¹⁸ (калькирование представляется лишь одним из проявлений модельного влияния), причем и материальное и модельное влияния могут привести как к появлению новых, так и к оживлению или усилению ранее имевшихся в языке возможностей или тенденций.

1. В лексической системе наиболее ощутимыми представляются следующие два процесса: 1) расширение сфер употребления лексических единиц, особенно терминологических, и 2) перемещение отдельных лексических единиц от периферии лексической системы к ее центру. Известно, что развитие языка на уровне лексической системы протекает тремя путями: 1) появлением новых слов и словосочетаний; 2) изменением, расширением или суже-

¹⁸ В. И. Абаев. О языковом субстрате. «Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», 1956, № 9, стр. 68.

нием смысла и 3) исчезновением отдельных слов.]Особенно интенсивными в наши дни являются первые два процесса. Поскольку новые понятия порождают новые слова, совершенно объективен тот факт, что сама жизнь, экономический, политический и культурный рост народов являются постоянным источником появления новых слов и словосочетаний. В настоящее время конкретные понятия, рожденные в новой, советской действительности, приходят из русского языка. Естественно, что на основе общности понятий появляется общность терминологии. Известно, что в молдавский язык, так же как и в другие национальные языки, вошли такие понятия и соответствующие слова, как *колхоз*, *трактор* с их дериватами *колхозник*, *тракторист* и т. д. Слова для этих понятий претерпели в каждом языке специфическую грамматическую адаптацию. В молдавский язык такие слова, как *колхоз*, *трактор*, вошли без изменения, подчинившись лишь законам склонения существительных молдавского языка. В литовском же слово *колхоз* получило суффикс *-as*: *kolchozas*, так же как и *transportas*, а *трактор* — суффикс *-ius*: *tractorius*, так же как и *tramvajus*; в киргизском и кабардино-черкесском эти слова сохранили форму русского языка (*колхоз*, *трактор*). Дериваты этих слов, обозначающие деятеля, образованы в каждом языке с помощью собственных средств: в молдавском языке *колхозник*, *тракторист*, в литовском *kolchozninkas*, в киргизском *колхозчу*, но имеется и слово *колхозник*, в кабардино-черкесском *колхозхэт* (употребляется иногда и слово *колхозник*). В молдавском языке имеется продуктивный суффикс славянского происхождения *-ник*, поэтому новые слова с этим суффиксом совершенно естественно входят в систему суффиксальных существительных. Слова, обозначающие конкретные понятия, связанные с новой экономической жизнью, образуя дериваты и пользуясь широким употреблением, вошли в лексическую систему языка. Так же вошли в систему языка многие термины из социально-политической сферы, заимствованные или калькированные из русского языка (*большевик*, *совет*, *комсомол*, *ажитатор* и др.), получившие широкое распространение и тем самым вышедшие за рамки терминологии.

Можно отметить, что появление новой социально-политической терминологии на базе слов из русского языка характерно для всех национальных языков Советского

Союза. Более того, во многих языках мира термины экономического или социально-политического значения, рожденные новой советской действительностью, заимствуются или калькируются из русского языка (ср. в немецком — Kulturhaus — «дом культуры», во французском: *émulation socialiste* — «социалистическое соревнование» и мн. др.). Все языки мира калькируют такие слова и словосочетания, как *самокритика*, *Герой Социалистического Труда* и др. В статье «Что такое Советская власть?» В. И. Ленин писал: «Везде в мире слово «Совет» стало не только понятным, стало популярным, стало любимым для рабочих, для всех трудящихся»¹⁹.

В сфере этого общего процесса появления новых слов для обозначения конкретных понятий создаются также определенные сочетания, отражающие явления конкретной действительности. Новые сочетания образуются по семантическим моделям русского языка. Так, например, понятие *социалистическое соревнование* передается в молдавском языке сочетанием *ынтречере социалистэ*, в литовском — *socialistinés lenktýne*, в киргизском — *социалисттик мелдеш* и т. д. Следовательно, процесс создания новых слов и словосочетаний характеризует все языки; конкретное же его материальное выражение специфично для каждого отдельного языка.

Вторым активным процессом является возникновение новых значений слова в словосочетании для передачи соответствующих значений русского языка. Так, например, конкретное слово *а креште* ‘растить’, ‘выращивать’ (например, *а креште роадэ* ‘выращивать урожай’) получило новое значение: *воспитывать* в сочетании *а креште кадры* по семантической модели соответствующего русского: *выращивать кадры* (ср. фр.: *former les cadres*). Слово *нивел* ‘уровень’ под влиянием соответствующей русской семантической модели образует сочетание: *нивел штиинцифик* ‘научный уровень’ и т. д.

По своему семантическому содержанию слово *герой* ‘герой’ не могло соотноситься с таким понятием, как *труд — мунка*; этот лингвистический факт отражает определенное социальное явление. В настоящее время слово *герой* может соотноситься с понятиями всех отраслей человеческой

¹⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 238.

деятельности, не только военной (*eroу ал мунчий сочиалисте* 'Герой Социалистического Труда', *eroу ал космоцулуй* 'герой космоса' и др.). Под влиянием моделей русского языка расширилась и сочетаемость слов *аскуцит* 'острый', *аскуциш* 'острие'; например: *критикэ аскуцитэ* 'острая критика', *аскуцишул агресией* 'острие агрессии' и др. Понятие, выраженное словом *кее* 'ключ' от лат. *clavis*, является в первую очередь предметным, весьма конкретно обозначающим определенный предмет. Известно также его фигуральное, отвлеченное значение в определенном контексте, в определенных словосочетаниях: *кеиле норокулуй*, *кеиле веций* и т. д. Несмотря на то, что фигуральное значение слова *кее* появляется в сочетании, субстанция его не меняется, лишь переносится значение из области конкретного в область абстрактного. В последнее время в молдавском языке появились новые сочетания с существительным *кее*, как, например: *постурь-кее* 'ключевые посты', *позицие-кее* 'ключевая позиция', *рамурь-кее* 'ключевые отрасли', *гындурь-кее* 'ключевые мысли' и др. Способ обобщения признаков предмета или явления (*кее*, *кеиле норокулуй*, *позицие-кее*) определен в молдавском языке, также как и в любом другом, способом выражения отношений между словами, существующим в системе языка в целом.

В ходе дальнейшего развития вполне возможно появление новых или восстановление старых способов выражения. Некоторые способы выражения отношений между словами не были продуктивными в прошлом (*арма — ракетэ*, *путере де нейнфрынт*). Необходимость выражения вызвала их к жизни.

В молдавском языке имеются различные способы выражения отношений между словами. Так, например, выражения высшего качества, передаваемые в русском языке через отрицание: *несгибаемая воля*, *неимоверные страдания* (т. е. утверждение через отрицание), в молдавском передаются как посредством отрицания: *воинцэ нестрэму-татэ*, так и при помощи особой формы супина: *суферинце де нейнкипуит* 'неимоверные страдания'. Выражение высшего качества посредством отрицания могло получить адекватное выражение в молдавском языке благодаря продуктивному характеру префикса *не* ('бессмертная слава' — *слава немуритоаре*, 'беспорный' — *де нетэгэду-ит*). Имеются также способы выражения отрицания сло-

вами или сочетаниями, неравнозначными утверждению: 'бессильный' — *непутинчос*, но и *слаб*, *липсит де путере*.

В истории развития молдавского языка имеется также множество примеров изменения старых значений при появлении новых слов или словосочетаний, созданных под славянским влиянием. Такова, например, биография слова *пасэре* от лат. *passer* 'воробей'. При появлении в молдавском языке слова *врабие* от славянского *воробей пасэре* получило более общее значение птицы²⁰. Тенденция обобщенного значения, видимо, была уже у латинского слова *passer* (ср. исп. *pájaro*, итал. *pássaro* «птица»). Известно также старое значение слова *министру* «служитель культа», употребляемое в этом значении К. Негруци (этот же смысл имело слово *ministre* и во французском языке²¹). При появлении сочетания *служиторул культулуй* по соответствующей модели русского языка прежнее значение слова *министру* исчезло. Следовательно, изменение значений слов в молдавском языке наблюдается на всем протяжении его истории, обусловленное в основном заимствованием новых значений или новых слов из русского языка непосредственно или через его посредство.

Эти процессы — появление новых слов и словосочетаний, изменение смысла или появление новых значений — характерны для языков вообще, во все периоды их развития. Особенность данных процессов в настоящее время состоит в первую очередь в их интенсивности.

Конкретизация этих процессов базируется на лингвистическом материале каждого языка. На основании первого общего закона, отражающего интенсивные процессы, происходящие во всех национальных языках, можно проследить определенные общие тенденции, имеющие широкую перспективу дальнейшего развития, а именно: 1) расширение сферы употребления отдельных слов — терминов по происхождению, относящихся в основном к социально-политической лексике; 2) расширение значений слов в словосочетаниях, имеющих в языке. Обе эти тенденции будут способствовать развитию выразитель-

²⁰ См.: Р. А. Б у д а г о в. Румыно-романские лексико-семантические расхождения. «Omăgiu lui Iorgu Iordan». București, 1958, стр. 126.

²¹ S. U l l m a n n. Précis de sémantique française. 2-e éd. стр. 268.

ных средств языка вообще. На этой основе растет «удельный вес» соответствующих слов и словосочетаний ²².

Вторая общая закономерность развития лексической системы национальных языков выражается в перегруппировке, происходящей внутри лексической системы: большое количество слов, ранее находившихся на периферии системы, перемещается в ее центр. Особенно активно проявляется данная закономерность в области абстрактной лексики.

Известно, что язык считается тем более развитым, чем больше в нем имеется средств выражения, в первую очередь точной терминологии и во вторую — абстрактных оттенков. В ходе развития языка появляются или стабилизируются значения слов и словосочетаний для выражения различных абстрактных понятий или качеств.

Характерным для молдавского языка является образование слов для абстрактных понятий способом аффиксации.

В отличие от западнороманских языков в молдавском имеются префиксы и суффиксы славянского происхождения (*не-*, *пре-*, *рэз-*, *ец-*, *-иц* и др.), дающие возможность образования слов для абстрактных понятий. Говоря о французском языке, Кристиан Нюроп подчёркивает, что в нем тяжело образуются слова для определенных понятий или качеств, легко создаваемые в русском языке ²³. Понятие «передумать» в молдавском языке передается при помощи префикса славянского происхождения *рэз-а се рэзгынди*, в то время как во французском имеется только словосочетание *changer l'avis* 'изменить мнение' (соотв. молд. *а-шь скимба пэрепя*). Благодаря наличию префикса *не-* образуются антонимы по моделям русского языка: *агресиуне* — *неагресиуне*, *акордаре* — *неакордаре*, *адучере* — *неадучере* и др. Новые слова для абстрактных понятий и качеств появляются на основе стабилизации значений синонимических или антонимических рядов, а также на основе создания словосочетаний, приобретающих абстрактные значения. Так, например, слово *евенимент*, образуя синонимический ряд со словом *ынтымпларе* (ср. также *феномен* — *факт*), обладает спе-

²² См.: Р. А. Б у д а г о в. Указ. соч., стр. 120.

²³ Кг. N у р о п. *Grammaire historique de la langue française*, v. IV, Copenhague, 1913, стр. 187.

цифичным оттенком значения. Именно на основе оттенков значения уточняется сфера употребления каждого синонима: *евенимент* 'событие' и *ынтымпларе* 'случай'.

Широкие возможности словосочетания способствуют появлению новых способов выражения абстрактных понятий. На основе слова — термина *атмосфера*, например, образовалось сочетание *ын атмосфера*, выражающее абстрактное понятие в определенных сочетаниях: *ын атмосфера де ыналт патриотизм*, в которых слово *атмосфера* полностью потеряло свое значение термина. Новые слова для абстрактных значений появляются так же, как дериваты существующих слов: *глорие* и *глориос*, *мистер* и *мистериос*. В подобных случаях дериваты укрепляют позицию соответствующих слов-основ. Многие абстрактные слова существовали и ранее в языке, но употребление их было индивидуально-эпизодическим, и поэтому они находились на периферии лексической системы. Одной из причин данного явления можно считать условия развития народа. При капитализме большинство членов общества пассивно в политической и культурной жизни, а в социалистическом обществе жизнь протекает на базе широкой политической и трудовой активности всех трудящихся. Необходимость выражения различных оттенков мысли стала присуща всему народу, а не только его отдельным представителям. Эта необходимость и является движущей силой процесса перехода определенной категории слов от периферии лексической системы к ее центру. Если сравнить количество слов, обозначающих абстрактные понятия, зафиксированное в первых словарях молдавского языка и в молдавско-русском словаре 1961 года, процесс этот становится очевидным. В данном случае количественный показатель является также показателем качественным. В ходе дальнейшего развития языка процесс этот будет активизироваться, представляя собой лингвистическую материализацию развития общества и человеческой мысли.

2. Процессы оживления, усиления или замедления ранее имевшихся в языке возможностей или тенденций на грамматическом уровне так же, как и процесс образования новых грамматических категорий, или, чаще, новых способов их выражения, отмечаются в некоторых исследованиях, но не выделяются в качестве самостоятельных и весьма существенных результатов языкового взаимодей-

ствия. Вместе с тем исследование этих процессов связано с важным теретическим вопросом о соотношении результатов языкового влияния как внешнего фактора с внутренними тенденциями развития языка. Образование новых грамматических категорий под влиянием внешних факторов, как известно, явление весьма редкое, но оно может быть результатом оживления наличествующих языковых тенденций. Проявление этого процесса наблюдается особенно в период формирования языка.

Для молдавского языка образование возвратного залога путем приобретения возвратными глаголами в первую очередь субъектно-объектной функции и превращения возвратного местоимения в залоговый указатель глаголов, независимо от их характера переходности или непереходности, следует расценивать как образование новой грамматической категории на базе ускоренного и расширенного, под влиянием славянских моделей, развития имевшихся в латинском языке возможностей. Особенно продуктивными оказались модели славянских медиальных глаголов типа *молити се — а се руга, бойо се — а се теме* и т. д. с дательным падежом. Этот процесс происходил в период предистории молдавского языка. Также к периоду предистории относится процесс закрепления определенного морфологического типа, имевшегося в латинском языке, каковым является звательная форма (вокатив) мужского рода с окончанием *-e* (*приетене, фрате, вере* и др.) Древнеславянские формы звательного падежа, как и падеж в целом (*брате, друже, господине* и др.), не сохранились в русском языке, в украинском же и белорусском имеется и звательный падеж и формы мужского рода с окончанием *-e* (укр. *брате, куме, козаче*); в современном русском языке такие формы встречаются лишь как архаизмы, используемые автором в качестве стилистических приемов, например: «отпусти ты, *старче*, меня в море» — у Пушкина ²⁴.

В современном молдавском языке звательная форма мужского рода с окончанием *-e* является нормой ²⁵. Следует заметить, что в текстах до XIX в. наблюдается на-

²⁴ П. Я. Черны х. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2. М., 1954, стр. 161—163.

²⁵ Al. R o s e t t i. Influența limbilor slave meridionale asupra limbii române. București, 1954, стр. 32; E d. B o u r c i e z. Eléments de linguistique romane. Paris, 1930, стр. 579.

много больше существительных со звательной формой на *-е* (*кодре, филосоафе, оаме*), у М. Костина («Въца лумий», эпилог, 13) читаем: «А-те аминте оаме дар». В данных словах окончание *-е* было заменено впоследствии окончанием *-уле* (*кодруле, философуле, омуле* и др.), образованным путем прибавления того же *-е* после артикля (*у*)л + *+ е*. Некоторые древние формы на *-е* употребляются в литературных произведениях в качестве стилистического приема (ср., например, у В. Александри: «Ши ту, *кодре*, те-ай ускат»).

Примером оживления языковых возможностей под влиянием славянских моделей может служить большое количество герундиальных форм в церковно-переводной литературе XVI—XVII вв. типа *сэнту стэнду, ераць рэт-эчинду* и др., а также в исторической литературе XVII—XVIII вв. (*ау фосту лэкуинд* у Гр. Уреке, *с'ау фост ругинд* у Дм. Кантемира и многие другие) ²⁶. В латинском языке, как известно, герундий, сохранившийся в эпоху империи только в аблятиве (типа *amando*), постепенно перенял глагольные функции настоящего времени причастия, обладавшего видовой отнесенностью имперфективного действия ²⁷. В каждом романском языке герундий претерпевал специфические изменения. Развитие сочетаний герундия с глаголом «а фи» в молдавском языке представляет собой сложный процесс, обусловленный как внутренними, так и внешними причинами: функциональной необходимостью выражения характерной для славянских языков грамматической категории вида и наличием соответствующих народнолатинским сочетаний глагола «а фи» с герундием ²⁸. На современном этапе развития молдавского языка результат влияния русского языка также не ограничивается лексическими заимствованиями.

В грамматической системе языка широкое развитие приобретает категория грамматической модальности.

²⁶ Т. П. И л ь я ш е н к о. Форме жерундиале ын лимба молдовенякэ. «Исследования в области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961.

²⁷ S t o l z - S c h m a l z. Lateinische Grammatik. In 5. Aufl. völlig neu bearbeitet von M. Leumann u. J. B. Hofmann. München, 1928, стр. 602; М. R ă d u l e s c u. Formele verbale perifrastice «а fi + gerunziul» în textele românești traduse din secolul al XVI-lea. «Studii și cercetări lingvistice», București, 1960, № 3, стр. 691—699.

²⁸ Т. П. И л ь я ш е н к о. Указ. соч., стр. 188—200.

В процессе стабилизации формы выражения грамматической модальности, так же как и расширения ее значения, определенная роль принадлежит влиянию славянских моделей. Как известно, в славянской системе спряжения было единственное наклонение (сослагательное, или условное), образованное при помощи аориста от глагола *быть* — *быхъ, бы, быхом* и т. д. В молдавском языке грамматическая модальность выражается другими средствами, но также аналитическим способом — грамматизированными описательными конструкциями *сэ фак, аш фаче* и т. д. (В латинском языке грамматическая модальность выражалась флективно особыми окончаниями: *laudem, laudagem* и т. д.) Модельное влияние славянского языка в данном случае нашло себе подкрепление в молдавском также в его общей тенденции к развитию аналитических сочетаний и образованию аналитических глагольных форм. Также под славянским влиянием протекал и процесс стабилизации временной отнесенности, выраженной модальными наклонениями. Если в латинском языке существовало три формы прошедшего конъюнктива, а в древнемолдавском (по свидетельству М. Гастера, в грамматике, данной в его сборнике древних текстов ²⁹) имелось пять форм этого времени, то в современном молдавском одна и та же форма прошедшего употребляется для выражения различных оттенков временных отношений. Стабилизация грамматического значения формы является естественным результатом ее эволюции, развития грамматической абстракции, подкрепленной и усиленной в данном случае наличием славянских моделей.

С функциональной точки зрения категория модальности обладает широкими возможностями и в связи с этим оказалась весьма продуктивной, привлекая все больше способов выражения. Некоторые самостоятельные слова в составе глагольного сочетания превращаются в грамматические форманты (глагол «а авя» в сочетании с конъюнктивом образовал вторую форму будущего времени *ам сэ фак*), другие же лишь изменяют свою семантику (как, например, глаголы *а фи, а вени* и др.), образуя единое семантическое и синтаксическое (но не морфологическое) целое, как, например, : *ци-й а жука, ый вине сэ стриже*

²⁹ М. G a s t e r. Chrestomatie roumaine, vol. II, Bucureşti, 1891, стр. 247.

и т. д. Таким образом, подтверждается положение о том, что грани между грамматической и лексической категориями модальности исторически изменчивы и подвижны³⁰.

В ходе развития молдавского языка категория грамматической модальности оказалась сильнее категории вида, и на базе старых герундиальных форм (отмеченных выше), употреблявшихся для выражения непрерывности действия, выкристаллизовалось специфическое модальное предположительное наклонение типа *вей фи лэудынд, вей фи зикынд*.

На современном этапе развития языка наблюдается также количественное обогащение грамматических классов наречий, прилагательных, предлогов путем широкого развития устойчивых словосочетаний. Приведем лишь один пример калькирования с русского языка слова *немижлочит* «непосредственно». Модельное влияние русского *непосредственно* привело не только к появлению соответствующей лексической кальки, но и к расширению возможностей выражения синтаксических отношений, поскольку наречие послужило основой для образования предложного оборота *прин мижлочиря (ынвэцэторулуй)*, форманты которого (предлог *!-* существительное) являются специфическими для молдавского языка (ср. итал. *per medio de*, в котором обязательно присутствие предлога *de*).

При помощи сочетания предлогов с существительным образуется большое количество новых предложных сочетаний, а также составных наречий по моделям русского языка (например: *ку тимпул, ын ведеря, ла време* и т. д.).

При рассмотрении в целом структуры предложения современного молдавского языка наблюдается широкое применение именных предложений. Развитие именного предложения представляется как результат совокупности действия внутриструктурных явлений, наблюдаемых в корреляции между глаголом и именем; действия внеязыкового фактора — экономия языковых средств и внешнеязыкового — влияние моделей русского языка.

Говоря о глаголе и имени, автор стилистики французского языка Е. Легран подчеркивает следующее: из десяти частей речи две главные — существительное и глагол, образуют, согласно законам мышления, два центра

³⁰ Р. А. Б у д а г о в. Введение в науку о языке. М., 1959, стр. 293.

притяжения. Представляется, что все слова языка разделены на два хора, которые должны играть две партитуры симфонии, под руководством двух корифеев, существительного и глагола³¹. Соотношение же имени и глагола в языке определяется грамматическим и главным образом лексическим характером глагола.

По свидетельству В. Вартбурга³², рассматривающего французский глагол в сравнении с немецким, во французском языке глагол более абстрактен, обладает меньшими оттенками, чем в немецком, что особенно легко наблюдается при переводе с одного языка на другой. Так, например, то, что в немецком языке переводится четырьмя словами *legen, stellen, sitzen, hängen*, во французском передается одним нейтральным словом *mettre*, так же значение немецких глаголов *gehen, fahren, reiten* телескопируется во французском в *aller*. Таким образом, отдельные слова-глаголы становятся бесцветными и превращаются в термин — омнибус.

В русском языке, так же как и в немецком, глагол обладает большими лексическими возможностями конкретизации действия (ср. в частности, *ставить, класть* и соответствующее молдавское *a pune*). Кроме того, в русском, как и в немецком, широко развита префиксальная система глаголов — явление, характерное вообще для славянских и германских языков. Так, например, глагол *прыгать* может обозначать различные направления движения с помощью префиксов *спрыгнуть, выпрыгнуть, вспрыгнуть, перепрыгнуть, отпрыгнуть* и др.

В молдавском языке эти же понятия выражаются только одним глаголом *a сэри* с предлогами *a сэри дин, ын, песте, де пе* и т. д. Также и во французском движение, выраженное глаголом *sauter* конкретизируется посредством предлогов *sauter sur, de, à* и др.³³

Свойство французского глагола показывать действие в общей форме, без его конкретизации и детализации, как отмечает В. Поллак, — относится не только к глаголам, обозначающим движение, оно вытекает из общего явления — отсутствия широко развитой префиксальной

³¹ E. L e g r a n d. *Stylistique française*. Paris, 1924.

³² W. v. W a r t b u r g. *Evolution et structure de la langue française*. Berne, 1958, ed. V, стр. 240, 265.

³³ А. И. Смирницкий. Указ. соч., стр. 11.

системы³⁴. Этим же свойством обладает глагол молдавского языка как языка романской группы.

На основании вышесказанного можно подчеркнуть менее конкретный характер глагола молдавского и французского языков и более конкретный, обладающий большими возможностями выражения различных оттенков, в русском языке. Объективная закономерность, вытекающая из абстрактного характера глагола, состоит в привлечении как отдельных вспомогательных средств (в частности, предлогов), так и различных категорий имени для выражения необходимых оттенков конкретизации. Известно общее положение о том, что чем меньшей возможностью обладает язык в образовании дериватов вообще (в данном случае глагольных), тем больше развивает он способность образования сочетаний³⁵. Привлечение различных разрядов имени для конкретизации значения глагола является одним из специфических процессов в молдавском языке (к примеру: *а траже нэдежде*, *а-л принде жаля*, *а лега о ворбэ*, *а ну те ажунже капул* и множество других), характерных для выражения отдельных оттенков состояния, а также и для выражения действия, как, например, *а о рупе ла фугэ*. Подобные сочетания являются стабильными, глагол и имя образуют единое лексико-грамматическое целое. Они представляют собой стилистические синонимы глаголов, образованных от имени: *а траже нэдежде* — *а нэдэждуи*, *а о рупе ла фугэ* — *а фужи* и т. д.

Во французском языке именные сочетания, выражающие состояние, образуются со вспомогательным глаголом *avoir* (*il a faim*, *il a sommeil*, *il a peur* и др.); они соответствуют молдавским — с глаголом *а фи* (*мь-е фоаме*, *мь-е сомн*, *мь-е фрикэ*). Видовая характеристика действия в молдавском языке выражается также сочетанием, но не именным, а глагольным, к примеру, *а дат сэ порнякэ*, *а ынчепут сэ трагэ*.

Следовательно, одной из характерных черт, вытекающих из абстрактного характера глагола молдавского языка, является широкое развитие словосочетаний, выражающих конкретные оттенки действия или состояния.

³⁴ W. P o l l a k. Die deutsche Sprache im Spiegel der Französischen. Wien, 1955, стр. 8.

³⁵ Al. G r a u r. Incercare asupra fondului principal lexical al limbii române. Bucureşti, 1954, стр. 24.

Кроме того, абстрактный характер глагола в молдавском и французском языках порождает закономерность не только его конкретизации посредством дополнительных средств, но также тенденцию к замене глагольных предложений именными. Эта тенденция является общей как для молдавского, так и для французского языков.

Развитие же ее в каждом из данных языков протекает по-разному. Во французском языке тенденция замены глагольных предложений именными стала закономерностью, так называемый *style substantif* получил широкое развитие, вытесняя во многих случаях глагольные предложения. Е. Легран советует избегать двух глагольных подчиненных предложений, как, например, «*Ils cédèrent parce qu'on leur promet formellement qu'ils ne seraient pas punis*», а писать следующим образом: «*Ils cédèrent à une promesse formelle d'impunité*»³⁶, т. е. вместо двух глагольных предложений «*parce qu'on leur promet formellement qu'ils ne seraient pas punis*» — именное сочетание «*à une promesse formelle d'impunité*», в котором действие представляется как предмет.

Некоторые французские литераторы расценивают это явление, как вульгаризацию языка, отход от старого классического стиля Флобера и др. Несмотря на это, распространение *style substantif* остается весьма продуктивным. Более того, С. Ульман подчеркивает, что французская нормативная стилистика предпочитает *style substantif*, потому что он более краткий и более элегантный³⁷.

В отличие от французского языка, в котором уже в XIX в. именное предложение стало во многих случаях вытеснять глагольное, и несмотря на то что внутриязыковой фактор — соотношение имени и глагола в системе языка — общий как для молдавского, так и для французского, развитие именных предложений в молдавском языке стало характерным лишь в настоящее время. Следовательно, помимо внутривидового фактора наличествует действие и других факторов внешнего характера по отношению к структуре исследуемого языка.

В русском языке, в котором совершенно противоположное французскому соотношение глагола и имени, т. е.

³⁶ E. L e g r a n d. Указ. соч., стр. 265.

³⁷ S. U l l m a n n. Précis de sémantique française. Berne, 1952, стр. 143.

данный внутривидовый фактор, по сути, минимальный, ширится тенденция развития именных предложений. Одной из главных движущих сил этого развития следует считать в первую очередь внеязыковой фактор — экономия языковых средств. Именные конструкции преобладают в публицистическом стиле, где особенно необходима краткость, сжатость выражения. Тенденция к экономии языковых средств как лингвистический фактор является характерной для многих языков, но проявляется в них она в разной степени. В настоящее время она активизируется; как подчеркивает В. Вартбург, выражение движения заменяется выражением общего представления³⁸.

В современную эпоху совершенно немислима, например, длинная латинская фраза, нить которой иногда довольно трудно найти, — например, в ораторском стиле Цицерона. Это объясняется в первую очередь тем, что для латинского языка характерно «распыление родственных терминов и превращение фразы в систему обращений и ответов на расстоянии», — по меткому определению Ж. Марузо³⁹. В современном языке повлился новый динамический ритм фразы. А понятие «экономия языковых средств», как известно, включает в себя понятие «динамизм».

Действие фактора — экономия языковых средств в русском языке — отражается и в национальных языках, в частности в молдавском. Влияние моделей русского языка в развитии именных конструкций молдавского языка на современном этапе можно аргументировать на основании исследования именных конструкций (с глагольным содержанием) в диахроническом плане. В письменной литературе молдавского языка начиная с ее первых памятников, а также в различных ее жанрах наблюдается употребление именных конструкций с глагольным содержанием. Вместе с тем в сказках И. Крянгэ, например, представляющих по сути народно-разговорную речь, подобных примеров ограниченное количество (можно привести такой пример: «Везетеул ярэш е кукошул ши-ла азвырле ын чирядэ! Атунч *букуруя* кукошулуй!; для народно-разговорной речи характерным является эллипсис глагола, а не его замена именем. Публицистический стиль

³⁸ W. v. W a r t b u r g. Указ. соч., стр. 240.

³⁹ J. M a r o u z e a u. L'ordre des mots en latin. Paris, 1935, стр. 113.

XIX в., а также язык художественной литературы (В. Александри, М. Эминеску и др.) намечают лишь тенденцию употребления именных конструкций. Следует подчеркнуть также, что, несмотря на то что во французском языке в XIX в. начиная с братьев Гонкур получили широкое развитие именные конструкции, ставшие общей закономерностью языка, и несмотря на определенное влияние французской литературы во второй половине XIX в. на молдавскую литературу, данные конструкции не привели к образованию эквивалентов в молдавском языке. В настоящее время именные конструкции с глагольным содержанием приобретают тенденцию к все большему распространению в литературном языке. Следует предположить, что они утвердились в публицистическом стиле, который получил новое развитие в советский период и для которого особенно характерен именной способ выражения. Благодаря развитию публицистического стиля именные конструкции с глагольным содержанием образуют определенные клише, повторение которых вызывает точную реакцию мышления.

Представляется возможным подчеркнуть, что если во французском языке именные конструкции вошли в литературный язык из языка художественной литературы таких мастеров слова, как Доде, Гонкур и Золя⁴⁰, то в молдавском, так же как и в русском, именные конструкции входят в литературный язык в первую очередь через публицистический стиль. Одновременно следует отметить, что именные конструкции, развивающиеся в наше время под влиянием моделей русского языка, входят в молдавский язык путем активизации внутренних ресурсов языка, в частности при широком использовании глагольных имен действия. Необходимо также отметить, что именные предложения на основе имен действия не являются единичным выражением процесса номинализации в синтаксисе современного молдавского языка. В настоящее время наблюдается также широкое развитие новых типов словосочетаний на основе имен действия (*пунере ын акциуне, луаре де мэсурь, ынтраре ын функциуне*), новый тип выражения подчинения (*ел а пропус алежеря луй х...ла постул де директор, душманул куноаште путеря фор-*

⁴⁰ Alf Lombard. Les constructions nominales dans le français moderne. Uppsala, 1930.

целор ноастре), новый тип эллиптического словосочетания (*нава-спутник, арма-ракета*), новый тип связи между словами и порядок слов (*стэпын лежитим — попорул*) и др. На этом основании представляется возможным предположить наличие процесса развития именной микросистемы в системе синтаксиса. Поскольку процессы, происходящие на современном этапе, имеют место в условиях непосредственного контакта с русским языком, а для молдавского языка эти контакты, как уже было отмечено, постоянно действуют на протяжении всей его истории, необходимо остановиться на тенденциях развития, наметившихся в далеком прошлом.

СЛАВЯНО-МОЛДАВСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА РАЗЛИЧНЫХ ХРОНОЛОГИЧЕСКИХ СРЕЗАХ

В современной лингвистической литературе, как советской, так и зарубежной, немало внимания уделяется вопросам структурных изменений различных уровней современных языков, развивающихся в генетически иной среде, — как уже было сказано выше, английского в США, испанского в ранее колонизированных странах, французского в Канаде, в Африке и др. Речь идет о языках высокой цивилизации с богатой литературной традицией, в которых появляются и развиваются новые структурные элементы. Известны также структурные схождения в языках балканского языкового союза (восточнороманских, болгарском, греческом, албанском), обобщенные в известной работе Зандфельда⁴¹ и уточненные впоследствии многими исследователями, например, в недавней работе Т. Цивьян⁴².

Появляются новые структурные модели в языках социалистических наций, развивающихся под влиянием соответствующих моделей русского языка⁴³. В период своей предыстории язык романизованного населения придунайских стран, находившийся в процессе формирования при непрерывном и непосредственном контакте со славя-

⁴¹ Kr. S a n d f e l d. *Linguistique balcanique*. Paris, 1930.

⁴² Т. В. Ц и в ь я н. *Имя существительное в балканских языках*. М., 1965.

⁴³ Ю. Д. Д е ш е р и е в. *Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе*. М., 1966, стр. 279—284

нами начиная с V в., претерпел определенные структурные изменения на различных уровнях, в том числе и в системе синтаксиса, что представляет собой внутривидовую основу его развития на современном этапе. Но если исследователи современных романских языков, развивающихся в различных условиях, могут аргументировать свои положения на основе письменных памятников, на основе исследования разговорного языка, то эта возможность отсутствует при исследовании формирования современных восточнороманских языков. Нередко поэтому в качестве одного из основных аргументов привлекается генетический фактор и не учитывается значение типологических схождений, появившихся на базе языковых контактов. В связи с этим представляется необходимым уточнить отдельные вопросы славяно-восточнороманских⁴⁴ языковых отношений и попытаться выявить тенденции их развития.

Взаимоотношение между языками, или влияние одного языка на другой в общелингвистическом плане, так же как и славянских на восточнороманские в общем, и русского на молдавский в частности, было предметом, как уже было отмечено, многих работ как советских, так и зарубежных исследователей. Славяно-восточнороманские языковые отношения в диахроническом плане рассматривались на базе различных критериев и различных целей, о чем подробно говорится в работе С. В. Семчинского, в ее первой части и в разделе *В. Молдавия*, а также в его статьях⁴⁵.

В своем исследовании С. В. Семчинский детально и критически рассматривает большую литературу от античных авторов (Евтропия, Приска, Веллея Патеркула, Диона Кассия и др.) до наших дней, основанную на данных археологии, истории, этнографии, топонимики, лексикографии, и на основе этого представляет не только и не столько так называемую историю вопроса, сколько подчеркивает социально-экономическую базу культурного и языкового взаимоотношения романизированного и славянского населения восточной Рومании. Одновременно, в лингвистическом плане, подчеркивается необходимость различать

⁴⁴ Известно, что в историческом плане период формирования молдавского и румынского языков является общим и изучается как румынскими и другими зарубежными лингвистами, так и советскими исследователями, в том числе молдавскими.

⁴⁵ С. В. Семчинский. Лексичні запозичення з російської та української мов у румунської мови. Київ, 1958.

славянские элементы, вошедшие до X—XI вв. (в период балканороманской общности) и позднее, в X—XIV вв. ⁴⁶, когда складывались молдавская и валашская народности.

Таким образом, если рассматривать хронологический срез формирования молдавского языка на основании фактора к о н т а к т а во времени, то период от V—VI веков простирается до исторического периода формирования молдавского государства; этот период, охватывающий 8—9 веков, может быть представлен в виде м а к с и м а л ь н о г о с р е з а. Одновременно внутри данного максимального среза выделяются два м и н и м а л ь н ы х хронологических среза, охватывающих периоды: 1) V—VI вв. до X—XI вв. и 2) X—XI вв. до XIV в. Первый период именуется б а л к а н о р о м а н с к и м, второй д а к о р о м а н с к и м. Обоснование термина б а л к а н о р о м а н с к и й (термин В. Ф. Шишмарева ⁴⁷) дается в «Курсе исторической грамматики молдавского языка», во вступительной части, трактующей вопросы внешней истории языка ⁴⁸; понятие д а к о р о м а н с к и й аналогично существующим в исследовательской литературе по романским языкам терминам: г а л л о р о м а н с к и й, и б е р о р о м а н с к и й, и т а л о р о м а н с к и й.

Данный максимальный срез представляет особый интерес, так как лингвистически он соответствует периоду формирования восточнороманских языков. Известно, что понятие времени в лингвистическом плане не всегда совпадает с содержанием этого понятия в историческом плане. Вместе с тем в период радикальных исторических и политик о-экономических преобразований, каковые для славяно-молдавских отношений представляет соприкосновение двух миров — романизированного и славянско-го (V—VI вв.) и образование в XIV в. самостоятельного молдавского государства, лингвистический фактор времени объективно соотносится с историческим. Такое совпадение исторического и лингвистического хронологических срезов обусловлено определенными объективными причинами:

⁴⁶ Там же, стр. 31.

⁴⁷ В. Ф. Ш и ш м а р е в. Романские языки юго-восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. «Вопросы молдавского языкознания». М., 1953.

⁴⁸ Курс де граматикэ историкэ а лимбий молдовенешть. Кипинэу, 1964, стр. 52—53.

1. Одинаковыми условиями развития «греко-славянского мира», как подчеркивает Н. И. Толстой, охватывающего «православных восточных и южных славян и влахо-молдаван»⁴⁹;

2. Ролью древнеславянского языка, ставшего «священным» или «славянской латынью» на всем ареале в целом. Значение «православия и славизма» подчеркивается также в работе по истории древнерумынской литературы румынского исследователя Н. Картожана. Он говорит, что если бы язык церкви и администрации этого периода был бы одинаковым с языком венгров, то «возможно, что, так же как и часть руководящей прослойки нашего народа из Ардяла, которая под давлением государства, приняв католицизм, а позднее кальвинизм, потерялась в мадьярской знати и была денационализована, не было бы исключено, чтобы в тех же условиях и часть народной прослойки была потеряна для румынизма»⁵⁰.

При рассмотрении хронологического среза формирования молдавского языка необходимо подчеркнуть следующее:

1. В период балканороманской общности языковые отношения были основаны на этническом контакте и на этой базе проявлялись в разговорной речи.

2. В период дакороманской общности языковые отношения были основаны на этническом контакте и на разговорной речи, а также на книжном контакте посредством древнеславянского языка, несмотря на то, что древнеславянский язык не был поливалентным; являясь вначале лишь языком церкви, а затем администрации и официальной переписки, он вместе с тем охватывал и весь народ, так как известно влияние церкви в период средневековья; кроме того, и начало обучения грамоте также основыва-

⁴⁹ Н. И. Толстой. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян.— ВЯ, 1961, № 1.

⁵⁰ N. C a r t o j a n. Istoria literaturii române vechi, I, Dela origini până la epoca lui Matei Basarab și Vasile Lupu, București, 1940, стр. 15: «este probabil ca, precum o parte din pătura conducătoare a poporului nostru din Ardeal — care sub presiunea statului, primind catolicismul și mai târziu calvinismul — s'a pierdut în nobilimea maghiară și a fost desnaționalizată, tot astfel nu ar fi fost exclus ca în aceleași împrejurări și o parte din pătura populară să fi fost pierdută pentru românism».

лось на псалтыри, поскольку первые церковно-приходские школы были организованы, как известно, при монастырях и церквях.

В связи с этим нельзя не учитывать удельный вес древнеславянского языка в становлении как славянских, так и молдавского и валашского языков. Особое внимание исследователя заслуживает данный максимальный хронологический срез, в первую очередь с точки зрения современности. Исходя из положения о том, что славяно-молдавские языковые отношения на современном этапе развития, точнее, русско-молдавские отношения, могут быть раскрыты, с лингвистической точки зрения, с учетом объективной не только исторической, но и языковой предпосылки, необходимо исследование структурных схождений молдавского и русского языков на различных уровнях, возникших, развившихся и установившихся именно в период формирования молдавского языка.

Исследуя язык валашских грамот XIV—XV вв., С. Б. Бернштейн отмечает: «общность славянской основы и социально-экономических взаимоотношений славянского и романизованного населения привела к значительному сходству в составе славянских элементов в обоих диалектах»⁵¹ (говоря о дакороманском и арумунском диалектах, по терминологии румынских исследователей). Это замечание относится к балканороманскому этапу общего периода развития восточнороманских языков, когда славянские языковые элементы воспринимались романизованным населением на базе непосредственного этнического контакта.

Как правильно замечает С. В. Семчинский, позднее дакороманское население вступает в новые социально-экономические отношения со славянами, в частности образуются славяно-валашские воеводства (Менуморута, Желу), не характерные для арумынов⁵². Кроме того, этнический контакт также изменяет свой характер: славянское население днестровско-дунайских земель становится составной частью молдавской народности, а славянский

⁵¹ С. Б. Бернштейн. Разыскание в области болгарской исторической диалектологии. Язык валашских грамот XIV—XV вв., т. I. М.—Л., 1948, стр. 124.

⁵² С. В. Семчинский. Указ. соч., стр. 31.

язык местного населения ассимилируется⁵³. Более того, румынский исследователь В. Ващенко замечает, что восточные славяне явились этническим субстратом карпато-днестровских областей⁵⁴.

На основании вышесказанного можно подчеркнуть, что в процессе этнического контакта со славянами, на базе разговорной речи и книжного влияния древнеславянского языка происходил процесс формирования и стабилизации восточнороманских языков. Уместно напомнить замечание И. Иордана, который, исследуя язык летописца Иона Некулче, в своей вводной статье к изданию летописи, отмечает, что «несмотря на местный характер, в силу обстоятельств молдавский говор выполнял для жителей провинции, которые на нем говорили, роль языка всего народа (в сноске И. Иордан пишет, что это замечание относится и к мунтянскому говору.— *Т. И.*); он имел, следовательно,— пишет далее И. Иордан,— особое положение и, я сказал бы, привилегированное в сравнении с современным молдавским говором» (с точки зрения румынского национального языка.— *Т. И.*)⁵⁵.

Какой фактический материал имеется у исследователя для того, чтобы проследить развитие структуры предложения в целом и отдельных элементов структуры синтаксиса народнолатинского языка в период предьстории молдавского языка? Как известно, в сравнительном языковедении методом сравнения романских языков определялись соответствующие модели народнолатинского языка. Но каждый из романских языков развивался на базе различных социально-экономических и культурных факторов и по-своему развивал имевшиеся модели; одновременно имеются определенные общие черты в западных и восточнороманских языках, в связи с чем и проводится их соответствующее разделение на две группы.

⁵³ Я. Г и н к у л о в. Начертание правил валахо-молдавской грамматики. СПб., 1840.

⁵⁴ V. V a s c e n c o. Elementele slave răsaritene în limba română. «Studii și cercetări lingvistice», București, 1959, № 3, стр. 398.

⁵⁵ I. N e c u l c e. Letopisețul țării Moldovei. Ediție îngrijită cu glosar, indice și o introducere de Iorgu Iordan. București, 1955, стр. 45—46: În ciuda caracterului local pe care îl avea, graiul moldovenesc îndeplinea pentru locuitorii provinciei unde se vorbea, rolul de limbă a întregului popor (observația e valabilă și pentru graiul muntenesc). Avea, prin urmare, o situație deosebită și, aș zice, privilegiată în comparație cu graiul moldovenesc de astăzi.

Кроме сравнения генетически родственных языков, проводилось исследование восточнороманских языков, в частности румынского, в рамках балканского языкового союза, т. е. в ареальном плане. Но трудность состоит в том, что для фактической аргументации исследования восточнороманских языков от памятников народной латыни делается большой скачок до XVI в., когда появляется письменная религиозная литература. После народнолатинского Паломничества Этерии, например, мы читаем Воронежский Кодекс, датированный XVI в. Издатель Кодекса приводит два соответствующих славянских текста из деяний апостолов Якова и Петра, которые он публикует на 251 странице (в тексте Воронежского Кодекса соответствуют страницы 109, 137 и 139)⁵⁶. Эти тексты дают возможность сопоставить структуру предложения в целом или элементы синтаксической структуры народнолатинского текста, молдавского и славянского. Для сопоставления из Паломничества Этерии выделяется раздел В и соответствующий опубликованным славянским посланиям апостолов Якова и Петра фрагмент Воронежского Кодекса. Предлагается рассмотреть как общую структуру предложения и характер связи между предложениями, так и элементы синтаксической структуры и синтаксических отношений, наличествующих в соответствующих фрагментах⁵⁷, в частности отношение определяемого и определяющего, сочетание глагола с объектным и обстоятельственным дополнением, а также способы образования синтагм. Поскольку в современном языке в качестве единиц исследования выделяются различные типы синтагм, обращается особое внимание на их структуру и функции в выделенных текстах. Для облегчения чтения фрагменты Кодекса транскрибируются современным письмом молдавского языка.

Рассмотрим, к примеру, следующую фразу из Паломничества Этерии:

Lectiones etiam, quaecumque in ecclesia leguntur, quia necesse est graece legi, semper stat, qui siriste interpretatur propter populum, ut semper discant.

Развернутая фраза основана на глагольной предикации. В примере пять глаголов-предикатов: *leguntur*,

⁵⁶ Codicilele Voroneţean, cu studiu şi comentariu asupra lui de I. G. Sbi-era. 1885.

⁵⁷ Текст Паломничества Этерии взят из кн.: С. Н. G r a n d g e n t. Introducere în latina vulgară (литограф. текст), стр. 236—239.

necesse est, stat, interpretatur, discant; одно главное предложение, находящееся внутри фразы: *semper stat* и четыре подчиненных предложения, вводимых посредством союзов: *quae, quia, qui, ut*. На первом месте семантически главная лексема — в данном случае *lectiones*, которая несет всю последующую фразовую нагрузку, поэтому остальные компоненты предложения, в которое входит *lectiones*, находятся в конце фразы, *ut semper discant*. Эти характерные черты народно-латинский язык сохраняет от классической латыни.

Одновременно появляются новые тенденции.

1. Сочинительный характер предложения посредством союза *et* «и»:

Ecce et commonetur et descendet et sedet susum nec non etiam et presbyteri sedent locis suis, dicuntur ymni vel antiphonae.

2. Употребление в начале предложения союза *et* «и»; в разделе В данного текста из 41 предложения 12 начинаются союзом *et*: *et ex ea hora...*, *et post hoc...*, *et at ubi*; и два — союзным сочетанием *esse et*: *esse et supervenit...* (известно характерное для христианских писателей плеонастическое сочетание союзов: *et at, esse et, местоимений: is ipse, id ipse* (ср. итал. *desso* и др.).

3. Выражение аналитическим путем грамматической формы рефлексива при сохранении и классической ее синтетической формы

levat se (соотв. молд. *се скоалэ* 'встает'),
recipit se (соотв. молд. *се ынтоарче* 'возвращается'),
reponent se (соотв. молд. *се пун* 'отходят'),
se colliget (соотв. молд. *се стрынг* 'собираются'),
exit episcopus et ducitur (соотв. молд. *се дуче* 'уходит').

4. Расширение употребления глагольно-именных синтагм, в основном с глаголами *esse, fieri*, а также с *dicere, facere, mittere*.

с глаголом *esse*:

consuetudo est (соотв. молд. *есте обичей* 'есть обычай'),
esse consuetudo (соотв. молд. *а фи (а авя) обичей* 'иметь обычай');

с глаголом *fieri*:

fit oratio (соотв. молд. *фаче ругэчуне* 'приносит молитву'),
rugitus et mugitus fit (соотв. молд. *се фаче ун стригэт де ругэчунь ши кынтече* 'происходит моление и пение');

глаголом *dicere*:

dicit benedictionem (соотв. молд. *зиче о бинекувнтаре* 'произносит благословение'),

dicit psalmum (соотв. молд. *зиче ун псалм* 'читает псалм');

с глаголом *facere*:

facit commemorationem (соотв. молд. *фаче о комемораре* 'чувствует');

с глаголом *mittere*:

mittet vocem (diaconus) (соотв. молд. *ыналцэ вочя* 'поднимает голос').

В структуре синтагмы латинского языка наблюдаются: ее глагольно-именной характер; сохранение в отдельных случаях глагольного управления, выраженного винительным падежом (*dicit psalmum*); в позиционном отношении — переходные глаголы *dicere*, *facere*, *mittere* находятся в препозиции; у глаголов же *esse* и *fiere* позиция нестабильна.

5. Отношение между определяемым и определяющим выражено, главным образом, местоименными показателями. Из общего количества определяющих (46)—27 местоимений, 9 числительных, адъективных определяющих — 8 и субстантивных — 2. Известно, что характерной для языка классической латыни является постпозиция определяющего по отношению к определяемому; этот характерный признак наличествует в рассматриваемом тексте при адъективном и субстантивном выражении отношения определения; *locis sanctis*, *lumen infinitum*; *cantum pullogum*, *manum episcopo* (можно заметить, что при субстантивном определении наряду с генетивом *pullogum* появляется датив *episcopo*). Из общего количества местоименных определений (27) только 10 в постпозиции, главным образом местоимение *suus* (4): *locis suis*, *capita sua*, *domum suam*, *domos suas*; из девяти числительных — четыре в постпозиции: *hora sexta*, *hora nona*, *hora autem decima*, *per dies sex*.

Позицию определяющего по отношению к определяемому можно изобразить в схеме:

	постпозиция	препозиция
местоимение	10	17
числительное	4	5
прилагательное	7	1
существительное	2	—
<hr/>		
Всего	23	23

Наглядно сохранение постпозиции определяющего у существительных и прилагательных и отклонение от этой нормы главным образом у местоимений и частично у числительных. В дальнейшем развитии, как известно, это отклонение стало обычным, нормой в западнороманских языках.

6. Представляет интерес, также в плане структурного анализа предложения, сочетание глагола с объектным и обстоятельственным дополнением.

а) Из различных способов выражения объектного дополнения выделяются глагольные дополнения, выраженные посредством инфинитива. Глаголы, допускающие инфинитивное дополнение, относятся к трем разрядам: модальным, полумодальным и аспектуальным. Из общего количества инфинитивных дополнений в рассматриваемом тексте (10) — пять относятся к модальным глаголам: *necesse est legi, volunt vigilare, solet esse, potest esse, possit moveri*; три к аспектуальным: *coeperit lucescere, incipiunt dicere, coeperit legi* и два к семимодальным: *haberetis cognoscere* и *habet dicere*.

б) В способах выражения обстоятельственного дополнения наглядно расширение аналитических приемов. Из восемнадцати обстоятельственных дополнений только два выражены посредством флексии: *sedent locis, sunt loco*; два обстоятельства имеют наречное выражение: *interpretatur siriste* и *discant semper*.

Из десяти обстоятельственных дополнений, выраженных посредством предлогов, — шесть носят локативный характер: *in ecclesia, in locis, in domum, in domos, intro spelunca, intro speluncam*. Кроме предлогов *in* и *intro*, для выражения локативного характера обстоятельственного дополнения есть и другие предлоги: *propter* — *propter populum*; *pro* — *pro omnibus* и *cum* — *cum tenebris* и *cum populo*, выражающие различные обстоятельственные отношения.

Необходимо отметить также способ выражения обстоятельственного дополнения посредством причастия в настоящем (три) и прошедшем (одно) временах: *stant respondententes, dicet stans, benedicat exiens* и *reponent se dormito*.

Если выразить схематично сочетание глаголов с объектным и обстоятельственным дополнением, то можно предложить следующее:

а) глаголы, выражающие объектное дополнение посредством инфинитива:

модальные	полумодальные	аспектуальные
necesse est	haberetis, habet	coeperit — 2
volunt		incipiunt
solet		
potest, possit		
Всего	4	1
		3

б) Способы выражения обстоятельственного дополнения:

флективный	предложный	наречный	причастный
2	10	2	4

Следовательно, на основании фактического материала одного фрагмента народнолатинского текста можно выделить определенные единицы синтаксической структуры предложения и выявить характерные признаки их формального выражения.

Рассмотрим те же структурные элементы и предложение в целом старославянского текста и соответствующего ему фрагмента Воронежского Кодекса (сокращенно).

Сказание Соборнаго Послання
святого апостола Якова (стр. 251)

...и пре повелева им долготерпети до пришествия Христова. И научив о терпении от Иова благаго терпения. Повелевае призвати священники над болящими, итщатися обращати заблуждѣшаа ко истине. Быти бо о сем возмездие от Господа, оставлению грехов. И сице скончаевае Послание

Спуынрере лу Якову треметере
диынтру збору (стр. 109)

...ши ынраинте спуынрелору луынгу а ребда пѣынрѣ ла веынритулу лу Исусу Христосу. Ши ынвацѣ де ребдаре, де Иову буынрѣ ребдаре, ши спуынре се киияме сфентиторий спре лѣыннжези, ши се невоаяскѣ а ынтоарче рѣтѣчиций кѣтрѣ дедевару а фи де ачеста прецу де домнулу лѣсаре пакателору, ши аша сфрѣшасче треметере

Что характерно для предложения религиозного текста?

1. После длинной сложной латинской фразы, выражающей развернутую мысль, наблюдаются краткие размеры

предложения, не всегда выражающие законченную мысль. Более того, если в старославянском тексте Послания Якова насчитывается 13 предложений, то в соответствующем тексте Кодекса — 16 предложений, если считать предложением отрезок текста, содержащий предикацию и выражающий определенную мысль, графически отделенный от следующего точкой.

Дробный характер предложения выражается тем, что собственно пояснительные, атрибутивные предложения выражены самостоятельно. В тексте Послания Якова пять предложений, из которых два атрибутивного отношения: *каре е аму...*, *че май се ши ватэме-се* и три предложения, выражающие различные отношения посредством союзов: *кэ — кэ ну аскултэторий*, *ка — ка препуноыншь* и союзным сочетанием *пэырэ ла — пэырэ ла веыритулу*. В старославянском тексте вводные союзы, главным образом *ко* (соотв. молд. *каре*), *но* (соотв. молд. *че*), *о* (соотв. молд. *ши*).

В транскрипции одного фрагмента, сделанной И. Сбирой в конце XIX в., вместо семи предложений, как в оригинале, всего два. Все пояснительные предложения, выраженные самостоятельно в оригинале, объединены в одну фразу. Так, например, в оригинале и в транскрипции читаем:

- 1) Ынвацэ де тоате ныпа-
стиле ынн тоту кипулу
- 2) каре е аму дела дум-
незеу ши каре е дынт-
ру а са ынремэ оаме-
рилору.
- 3) ши куму ну ку кувэн-
тулу нумай че ши ку
лукрулу
- 4) Се арате кредиынца
- 5) Кэ ну аскултэторий
лежия че фэкэторий
дерептиязэсе ши де бо-
гаць дэ се ну дефайме
мишей ла бэсеречь.
- 6) Че май се ши ватэмесе.
- 7) Ка препуноыншь ши
сфрэшитэ утешасче оби-
диций.

- 1) Ынвацэ де тоате ныпа-
стиле ынн тоту кипулу,
каре е аму дела думне-
зеу ши каре е дынтру
а са ынремэ оамери-
лору, ши куму ну ку
кувэнтулу нумай, че
ши ку лукрулу се арате
кредиынца, кэ ну ас-
култэторий лежия, че
фэкэторий дерептиязэ-
се
- 2) Ши де богаць дэ, се ну
дефайме мишей ла
бэсеречь, че май сө'ши
ватэме-се, ка препуно-
ыншь, ши сфрэшитэ
утешасче обидиций.

Из приведенных примеров можно заметить, что в основе членения предложений лежит не только грамматический критерий предикации, но и критерий семантической акцентуации. Этим объясняется разделение грамматической и семантической единицы в пунктах 3 и 4 оригинала Кодекса на два самостоятельных отрезка.

2. Так же, как и в народнолатинском тексте, в старославянском и в Кодексе имеются предложения, начинающиеся союзом *и*; в старославянском из 13 предложений в послании Якова — 5 начинаются союзом *и*: *и яко...*, *и научив...*, *и еще...* и др.; в фрагменте Кодекса из 16 предложений — в начале 6-ти имеется союз *ши*: *ши челора...*, *ши ынвацэ...*, *ши се невоаяскэ...* и др.

3. Грамматическая форма рефлексива сохраняет слитную постпозицию местоименного ее указателя, характерную для старославянского языка: *оправдаются — дерептиязесе, язвляються — ватэмесе*. Как можно было заметить выше, в народнолатинском также преобладает постпозиция (но раздельная) в местоименной форме рефлексива (*levat se*) при сохранении и препозиции (*se colliget*) и флективной формы (*ducitur*).

В ходе дальнейшего развития, как известно, местоименный указатель рефлексива отделяется от глагола и становится в препозиции, сохраняя постпозитивный характер лишь в отдельных формах, типа *дукэ-се, факэ-се* и др.

4. В тексте Кодекса наблюдается расширение способов сочетаемости, которое происходит различными путями:

а) наряду с глагольно-именными синтагмами, образованными на базе глаголов *быть*: *фу Flynnжерe, фу спаймэ*; и *делать*: *фэчя милостение, фечерэ ынтоарчере*; в Глосариуме, помещенном в конце Кодекса, зафиксированы следующие сочетания:

луацивэ а менте;

се ну я а менте;

луасе нэдежда, —

образованные с глаголом *а лya* 'братъ' и представляющие собой лексико-грамматическое единство;

б) зарегистрированы также следующие сочетания:

нэпэди фрика;

рэдикэ противире, а рэдика кумындаре 'жертфэ';

сфрэши зилеле;

бэгарэ сама,

образованные на базе различных глаголов; в первых трех сохраняется семантическое содержание компонентов, но

синтаксически существительное не выражает грамматического отношения дополнения; последнее (*бэгарэ сама*) представляет собой лексико-грамматическое единство;

в) появляется также новый тип синтагмы — именная синтагма: *лэсарэ пэкателор* 'отпущение грехов', на базе субстантивированного инфинитива.

5. Отношение между определяемым и определяющим, так же как и в народнолатинском тексте выражено существительным, прилагательным, местоимением, числительным.

Из различных грамматических способов выражения данного отношения представляют интерес сочетания существительных: *спуырере лу Якову*, 'сказание Якова', *веыритулу лу Исус* 'пришествия Христова', *треметере дынтру збору* 'соборного послания', *де домнулу лэсарэ пэкателор* 'от господа оставлению грехов', в которых связующим элементом является предлог: *дынтру*, *де* и артикль: *лу*. Сочетание существительных посредством флексии наличествует только, собственно, в синтагме: *лэсарэ пэкателор*.

Эти способы сочетания определяющего и определяемого: предлог, артикль и флексия — сохраняются и развиваются в последующей эволюции языка, образуя одну из специфических особенностей элементов синтаксиса по отношению к западнороманским языкам, где наличествуют два способа сочетания определяемого и определяющего: предлог и артикль. Рассматривая позиционную характеристику, необходимо отметить в основном препозицию определяющего по отношению к определяемому при адъективальном выражении определяющего: *ывэцэтоаре треметере* 'учительное послание', *буырэ ребдаре* 'благого терпения'; в ходе дальнейшего развития установилось в качестве нормы постпозитивное положение прилагательного; местоимение допускает как препозицию, так и постпозицию по отношению к существительному; в тексте же читаем: *аса ынремэ* 'свое сердца', *ачест прец* 'от сем', *ынсушь Якову* 'сам Яков', *тоате нэпастиле* 'различные искушения', *домнулу ностру* 'господа нашего', т. е. сохраняется позиция определяющего, наличествующая в старославянском тексте. Числительное по отношению к определяемому находилось в препозиции *доаоспрезэче немуре*, каковым оно сохранилось в качестве нормы и в современном языке.

Таким образом, в тексте фрагмента Кодекса, из восьми определяющих, выраженных прилагательным, местоимением и числительным, только одно (*домнулу ностру*) находится в постпозиции, несмотря на то, что постпозиция была характерной для латинского языка.

6. В сочетаниях глагола с объектным и обстоятельственным дополнением наблюдается расширение и стабилизация тенденций латинского языка, нашедших поддержку в соответствующих структурах старославянского.

а) Объектное дополнение, выраженное глагольной формой инфинитива в старославянском оригинале, находит соответствие и в Кодексе: *спуынре лунгу а ребда* 'повелева долготерпети', *се неволяскэ а ыннтоарче* 'итшатися обращати'; одновременно наблюдаются случаи замены инфинитива конъюнктивом: *спуынре се кияме* 'повелевает призвати'; в ходе дальнейшего развития языка инфинитивные объектные дополнения при глаголах говорения заменяются конъюнктивом.

б) В выражении обстоятельственных дополнений стабилизируется предложная структура, нашедшая соответствующие модели в старославянском языке: *ау крезуту ынн домнулу* ('в'); *сэнту сэмэраць дынн доаспрэзече немуре* ('на'); *се ну дефайме ла бэсеречь* ('в'); *ынвацэ де ребдаре* ('о'); *ынвацэ де буынрэ ребдаре* ('от'); *ынвацэ де тоате нэпастиле* ('от'); *дэ де богаць* ('от'); *а ребда пэынре ла...* ('до'); *а ыннтоарче кэтрэ дедевару* ('ко'); *се кияме спре лэынгези* ('над болящими').

При помощи предлога *ын* образована обстоятельственная синтагма *ын тоту кипулу*: *ынвацэ ын тоту кипулу*.

Отдельные предлоги с существительным образуют предикативное имя при глаголе *быть*: *каре е дыннтру а са ынремэ* ('от'); *каре е де ла думнезеу* ('от'); *а фи де ачест прец* ('от').

Наблюдается также предложное выражение обстоятельного дополнения, соответствующее старославянской флексии: *Се арате ши ку кувэнтулу* ('словом'); *ши ку лукрулу* ('делом').

В анализируемом фрагменте атрибутивные причастные обороты в функции предложения передаются в Кодексе развернутым предложением: *челора че сэнту сэмэраць*, 'сущим разсеявшимся'; *челора че ау крезут* 'веровавшим'.

Известно, что переводчики текстов религиозного характера строго придерживались оригинала, и поэтому

допустимы отдельные элементы, которые могли не получить дальнейшего развития и не стабилизироваться в языке. Вместе с тем основные тенденции, отмеченные при рассмотрении фактического материала, получили свое дальнейшее развитие в структуре синтаксиса. Главное же состоит в том, что постепенно наряду с глаголом, как и в латинском, основным ядром предложения становится синтагма: глагольная, именная и глагольно-именная. Это положение наблюдается уже в произведениях народнолатинского языка и не только религиозного характера.

В письме Александра Македонского Аристотелю читаем: *amici mei coep̄erunt plangēre de tali responsione* (XIX, 214), а также *similiter et amici mei flebant* (XIX, 234)⁵⁸. Как можно заметить, во втором высказывании каждая единица-слово содержит необходимые качества для выполнения соответствующей функции в предложении, выраженные — флексией именной (*amici*) и глагольной (*flebant*), согласованием (*amici mei, amici mei flebant*), примыканием (*similiter, et*).

Характерным для латинского языка, как известно, является доминирующая роль глагола и имени, вокруг которых выстраиваются в синтагматической цепи соответствующие детерминативы. Второй характерной чертой высказывания латинского языка является самостоятельность каждой единицы высказывания. Как подчеркивает В. Вартбург, «Латинская фраза напоминает собрание свободных граждан, автономных каждый в своей области»⁵⁹. В первом примере эта автономия нарушена глагольным сочетанием *coep̄erunt plangēre* и предлогом *de*. Помимо глагольных сочетаний и предлога *de*, обладавшего наибольшей поливалентностью в латинском языке, в приведенном тексте можно выявить еще ряд нарушений самостоятельности слова как единицы высказывания латинского языка. Можно привести и такое предложение:

Stetimus ibi per viginti dies, ut habēret requiem ipse exercitus et postea in septem dies venimus in eo loco.

⁵⁸ Kleine Texte zum Alexanderroman, ed. Fr. Pfister. Heidelberg, 1910, IV.

⁵⁹ W. v. W a r t b u r g. Evolution et structure de la langue française. 3-ème éd. Berne, 1958, стр. 50: «La phrase latine ressemble à une assemblée de citoyens libres, autonomes chacun dans son domaine».

Новые оттенки значения приобретает локативный предлог, выражая временное отношение в сочетании *in septem dies*, а также предлог *per* в идентичном сочетании *per viginti dies*; новый оттенок определения имени посредством местоимения наблюдается у местоимения *ipse* (*ipse exercitus*), приближающемся по своей функции к артиклю романских языков ⁶¹.

В ходе дальнейшего развития от латинского языка к романским указанные три процесса разложения слова в высказывании посредством: 1) глагольных сочетаний, 2) предложных и 3) артикулярных детерминативов имени получили свое дальнейшее развитие, приобретая как общие, так и специфические формы выражения в каждом романском языке. Если рассмотреть элементарное высказывание современного языка типа *бэатул скрие* 'мальчик пишет' с точки зрения возможности развертывания его глагольного компонента, то можно образовать шесть элементарных высказываний:

<i>бэатул скрие фрумос</i>	'мальчик пишет красиво'
—»— »— <i>ын грабэ</i>	'—»—»— в спешке (спешно);
<i>бэатул скрие ла масэ</i>	'мальчик пишет за столом'
—»— —»— <i>о скрисоаре</i>	'—»— —»— письмо'
—»— —»— <i>мамей</i>	'—»— —»— матери'
—»— —»— <i>ла приетень</i>	'—»— —»— друзьям'

Из этих высказываний только в двух каждое слово — глагольный детерминатив — самостоятельно: *фрумос* и *мамей*, в остальных слово конкретизируется или предлогами *ын*, *ла*, или артиклем *о*.

Наряду с развитием общих прототипов, и в ряде случаев на их основе, выявляются процессы, характеризующие развертывание слова в составе высказывания; они выражаются главным образом в развитии именных и глагольно-именных сочетаний.

⁶⁰ Отдельные свободные сочетания латинского языка, как флективные, так и предложные, характерные для надгробных надписей поздней латыни, передавались сокращенно с начальными буквами: *e. m. v.* = *egregiae memoriae vir*; *f. c.* = *faciendum curavit*, *ex pp.* = *ex pecunia publica* и др., так же как отдельные слова: *an.* = *annos, annis*, *f.* = *fecit* (A. C a r n o u. *Le latin d'Espagne d'après les inscriptions*, 2-éd. Bruxelles, 1906).

РАЗВИТИЕ МОЛДАВСКОГО ЯЗЫКА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В современном молдавском языке, призванном обслуживать все сферы деятельности как своими понятийными, так и выразительными категориями, объективной реальностью представляется двуединый процесс — расширение имеющихся языковых возможностей и появление или утверждение новых способов выражения. О развитии языка на современном этапе можно говорить общими словами и формулами, так как сам факт развития очевиден. Совершенно закономерно, что в период бурного развития экономики, культуры в новых социально-политических условиях появляются новые понятия, требующие соответствующего выражения.

Все языки социалистических наций — языки с древней традицией развиваются в настоящее время под непосредственным влиянием русского языка, которое, однако, проявляется по-разному. Известно, что такой язык, как, например, армянский, для выражения многих понятий, соответствующие формы которых другие языки заимствуют или калькируют из русского (причем не только языки народов Советского Союза), использует свои собственные ресурсы. Это объясняется не столько генетической разницей, сколько отсутствием типологических, структурных схождений, образование которых характерно в первую очередь для периода начального развития и формирования языка.

Молдавский и русский — языки, также генетически различные, и вместе с тем средства выражения многих понятийных категорий русского языка находят свои эквиваленты в молдавском и тем самым легко вплетаются в ткань языка, что способствует более широким возможностям выражения, не нарушая при этом романского характера молдавского языка.

В развитии современных языков особую роль, как уже было отмечено, играет развитие их лексической и синтаксической систем. В структуре языка большой удельный вес принадлежит синтаксической системе, развитие которой можно исследовать в различных аспектах. Фактический материал молдавского языка дает возможность проследить структурные схождения на синтаксическом уровне с русским языком, по моделям которого в настоящее

время получили широкое развитие различные типы синтагм. Для аргументирования этого положения в качестве единиц исследования выделяются синтагмы действия — типа *метода кондучерий, метода де кондучере* ‘метод руководства’, *а да ын експлоатаре* ‘сдать в эксплуатацию’.

В любом выборе, естественно, можно усмотреть элемент субъективности. В данном случае выделение вышеназванных элементов синтаксиса диктуется следующими признаками: 1) структурной особенностью синтагм; 2) возможностью образования вариантов; 3) частотностью их употребления; 4) созданием элементов номинализации предложения.

От народнолатинских единичных сочетаний *templum de marгоге* или *могам faceге* ‘опаздывать’ до молдавских *метода кондучерий* или *а да ын експлоатаре* — длительный процесс внутрискруктурного и функционального развития.

Рассмотрим в общих чертах каждый из вышеназванных четырех признаков на примере именных синтагм.

Именные синтагмы типа *метода кондучерий*, являющиеся не только семантическими, но и структурными аналогами русского языка, представляют собой специфическую структурную особенность молдавского языка. Она выражается в первую очередь способом связи между лексемами посредством флексии благодаря наличию падежной именной флексии (сохранившейся, по мнению большинства исследователей, под славянским влиянием), а также наличием в качестве второго компонента субстантивированного инфинитива. Известно, что возможность субстантивации инфинитива посредством артикля имеется и в других романских языках (ср. фр. *le rouvoir*, ит. *eel poter* молд. *путере*). Вместе с тем можно заметить, что для выражения имени действия от глагольных основ романские языки развили форманты латинского языка *-io, -ionis* (фр. *consolidation*, ит. *consolidazione*, молд. *консолидаре* — собственное образование и *консолидацье* — заимствованное из французского). В молдавском языке артикулированный инфинитив приобретает не только функцию имени действия, а и его качество, т. е. становится именем действия. Качество имени действия молдавского субстантивированного инфинитива имеет двойное значение:

1) закрепляет именной характер субстантивированного инфинитива и

2) дает возможность образованию именных синтагм действия⁶¹.

Таким образом, структурной особенностью именных синтагм действия молдавского языка можно считать: способ связи посредством падежной флексии и тот факт, что одним из компонентов является имя действия, выраженное субстантивированным инфинитивом. Одновременно в молдавском языке широко используется характерный для романских языков предложный способ связи между компонентами именной синтагмы посредством предлогов *де*, *пентру* (метода *де кондучере* 'метод руководства', *метода пентру кондучере* 'метод по руководству'), а также посредством предложных эквивалентов *ын скопул* 'в целях', *ын ведеря* 'ввиду', *привинд*, *ку привире ла*, *привитор ла* 'относительно'.

Следовательно структура синтагмы, с точки зрения способа связи между компонентами, представляет следующие парадигмы: S + S, S + P + S, S + LP + S⁶², из которых общероманской парадигмой или ядерной является S + P + S — предложная именная синтагма, специфичной для молдавского языка: S + S — флективная именная синтагма и сравнительно новая по сравнению с ядерной: S + LP + S, которая также относится к типу предложной именной синтагмы.

Говоря о структуре именной синтагмы действия, необходимо обратить внимание на ее управляющий компонент: в рассматриваемом примере лексема *метода*, а также лексемы, соответствующие понятиям *прием*, *способ*, *борьба* и многие другие, обладающие широкой способностью сочетаемости, представляют или новые лексические единицы (такие как *метод*, *прием*) или новые семантические оттенки издавна существующих в языке лексем (такие, как, например, *лупта* 'борьба').

Рассматривая именную синтагму действия, с точки зрения отношения между компонентами, следует заметить, что данная синтагма характеризуется двусторонней связью — внутренней и внешней. Внутренняя связь реализу-

⁶¹ Предлагаемое наименование синтагма действия основывается на структурной и функциональной роли имени действия в составе сочетания в целом.

⁶² Substantivum + Substantivum, Substantivum + Praepositio + Substantivum, Substantivum + Locutione praepositionale + Substantivum.

ется, естественно, внутри синтагмы, между ее компонентами. Специфичным для отношения между именами является его атрибутивный характер (*лупта де елибераре* 'освободительная борьба'). Одновременно широкое распространение получило обстоятельственное отношение (*лупта пентру елибераре* 'борьба за освобождение', *лупта ын скопул, ын ведеря елиберэрий* 'борьба в целях, ввиду освобождения'), определяемое лексическим содержанием предлога или предложного эквивалента). Внешняя синтаксическая связь определяется характером синтагмы в целом.

Атрибутивная синтагма (*лупта де елибераре* 'освободительная борьба') может осуществлять как атрибутивную связь (*лупта де елибераре а попорулуй* 'освободительная борьба народа'), так и объектную благодаря переосмыслению предлога *де*, приобретающего целевое значение и в связи с этим превращению синтагмы в целом из атрибутивной в обстоятельственную 'борьба для освобождения народа'. Определение характера внешней связи атрибутивной синтагмы действия при отсутствии различительных грамматических признаков реализуется в контексте.

Обстоятельная синтагма благодаря наличию грамматического содержания у имени действия, выражающегося наличием в нем глагольной синтаксической функции управления, требует после себя дополнения. И поскольку имя действия в составе именной синтагмы образовано от транзитивного глагола, оно реализует объектную связь. В отдельных романских языках, в частности в итальянском, не имеется различительных грамматических признаков у объектных и обстоятельных сочетаний с инфинитивом. Предлог *di*, например, может иметь и объектное и обстоятельное значение⁶³. На этом основании М. С. Гурычева выдвигает положение о том, что «обстоятельство и косвенное дополнение являются не грамматическими, а лексическими категориями»⁶⁴. Это положение относится частично и к прямому дополнению, что подтверждается характером внешней синтаксической связи именной синтагмы действия молдавского языка и способом ее выражения. Выделение именных синтагм дей-

⁶³ См.: М. С. Гурычева. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Итало-романская подгруппа. М., 1966, стр. 129.

⁶⁴ Там же, стр. 128.

ствия в качестве единиц исследования обусловлено их возможностью образования вариантов. Варианты образуются на базе ядерной структуры $S + P + S$ (существительное + предлог + существительное), которую можно принять за инвариант предложной именной синтагмы действия. Флективная именная синтагма действия $S + S$ (существительное + существительное) образует позиционные структурные варианты: $Sa + S$, $S + Sa$, $Sa + Sa$ ⁶⁵.

Рассмотрим возможные варианты предложной именной синтагмы действия и их структурные особенности на примере ядерной синтагмы типа *метода де кондучере*. Схематично ее возможные варианты можно выразить следующим образом:

<i>метода</i>	<i>привинд</i> <i>ку привире ла</i> <i>привитор ла</i>	<i>кондучера (е)</i>
	<i>ын скопул</i> <i>ын ведеря</i>	<i>кондучерий</i>

Дифференциальным грамматическим признаком выделенных двух вариантов является падежная форма имени действия (*кондучера (е)*, *кондучерий*). Лексико-синтаксический ее признак — это способ выражения связи посредством предложных эквивалентов, на основе которого появляется формула $S + LP + S$. Как можно заметить, в первом варианте падежная форма, по сути, одна и та же, что и в инварианте: это винительный падеж, требуемый как предлогами *де*, *пентру*, так и предложными эквивалентами *привинд*, *ку привире ла*, *привитор ла*. Дифференциальным признаком ее остается способ связи между компонентами. Во втором варианте имя действия находится в родительном падеже, что обусловлено наличием в составе предложного эквивалента существительного (*скопул* 'цель', *ведеря* 'вид'), требующего атрибутивного определения в генетиве. Этот грамматический признак отношения между существительными сохраняется во всех предложных эквивалентах, в составе которых имеется существительное. С позиционной точки зрения предложная

⁶⁵ $Sa = \text{Substantivum actionis}$ 'имя действия'.

именная синтагма действия не изменяется, структурный порядок ее компонентов стабилен. Этот факт подтверждает положение, подчеркнутое М. М. Бобыревой о том, что в структуре синтаксических групп наблюдается тенденция к сохранению непосредственного следования компонентов, образующих грамматическое единство ⁶⁶.

Если рассматривать варианты предложных именных синтагм действия молдавского языка в сопоставлении с соответствующими сочетаниями русского и французского языков, то можно заметить следующее.

Во французском языке именные синтагмы с именем действия (типа *mouvement de liberation* молд. *мишкаре де елибераре* 'освободительное движение') сохраняет исконную структуру S + P + S. Широкое развитие во французском языке получили сочетания с инфинитивом (типа *méthode pour eliberer* 'метод по освобождению' молд. *метода пентру елибераре*), выражаемые в молдавском языке сочетаниями с именем действия, т. е. именными синтагмами действия, аналогами соответствующих синтагм русского языка.

В молдавском языке есть имена действия, заимствованные или образованные по типу имен действия французского языка, оканчивающиеся на *-ие* (соответ. фр. *-ion*) типа *едукацие*, фр. *éducation* 'воспитание'. Наличие лексических синонимов типа *едукацие* — *едукаре* дает возможность образования семантических вариантов именных синтагм действия (*метода де едукаре*, *метода де едукацие* 'метод воспитания'); с точки зрения выражаемого отношения, инфинитивное имя действия *едукаре* (и на этой основе вся синтагма) требует объектного дополнения, в то время как *едукацие*, в меньшей мере содержащее элемент действия, объектного дополнения не требует (*метода де едукаре а тинеретулуй* 'метод по воспитанию молодежи' и *метода де едукацие ын шкоале* 'метод воспитания в школе'); подобные семантические варианты представляют собой и варианты отношения.

Выделение именной синтагмы действия основано на частотности ее употребления, главным образом в публицистической литературе (в частности, в обычно перево-

⁶⁶ М. М. Б о б ы р е в а. О синтаксических инвариантах и вариантах французского языка в сопоставлении с испанским и итальянским языками. «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., 1966, стр. 28.

димой из русского языка специальной информации и документации), а также в отраслевых жанрах технической литературы и др. На современном этапе публицистическая литература приобрела особое значение и влияет на развитие общелитературного языка как в его книжном, так и в разговорном аспектах. Это замечание относится к языкам социалистических наций, в том числе к русскому и молдавскому, а также и к другим языкам, как романским, так и славянским. Н. Н. Прокопович обращает внимание на активное развитие именных словосочетаний различных типов в русском языке, особенно в публицистической литературе⁶⁷.

Именная синтагма действия в молдавском языке получила широкое употребление для выражения новых сложных понятий типа *система воспитания, уровень развития*, которые легко входят в общелитературный язык, так как способ их выражения, *имя + имя*, или *имя + предлог + имя* представляет собой исконный элемент структуры молдавского языка. Частотность употребления именных синтагм действия объясняется, следовательно, структурным тождеством или схождением между новыми именными синтагмами действия и ранее имевшимся в языке.

Употребление именных синтагм действия в художественной литературе требует специального изучения. Вместе с тем можно заметить, что приемы именного выражения мысли находятся в прямой зависимости от стиля писателя, от литературного жанра, от содержания произведения. В повести И. Друцэ «О аминтире де драгосте», например, преобладает глагольно-повествовательный стиль с отдельными именными предложениями, выражающими скорость движения и характерными для разговорной речи, например: *Еу тот о фугэ ынколо ши ынапой* 'Я все бегом (в беге) туда и обратно' или *Еу ун пичор ын тиндэ ши алтул ла фынтынэ* 'у меня одна нога в сенях, а другая у колодца' и др. В поэзии Ем. Букова, так же как и в гражданской поэзии других писателей, широко используется прием именной формы выражения мысли: *Патрие Советикэ — немэржинире де мунць — зидурь де апе ши кымпий...* 'Советская Родина — безграничность гор — стены вод и полей'...

⁶⁷ Н. Н. Прокопович. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966, стр. 165.

Последний характерный признак именной синтагмы действия, на который необходимо обратить внимание,— это создание посредством рассматриваемых структурных единиц элементов номинализации предложения. Известно, что этот процесс наблюдается в настоящее время во многих языках. Уже упоминались работы Альфа Ломбарда⁶⁸, Роберта Лиза⁶⁹.

Н. Н. Прокопович основное внимание уделяет именным словосочетаниям, в большинстве своем повторяющим глагольные модели⁷⁰; М. С. Гурычева в «Сравнительно-сопоставительной грамматике романских языков» (галло-романская и итало-романская подгруппы), в разделах, посвященных синтаксису соответствующих языков, обращает внимание на различные типы именных словосочетаний.

Фактический материал молдавского языка свидетельствует о том, что одним из существенных процессов в системе синтаксиса является номинализация предложения, протекающая: а) путем расширения именных сочетаний внутри предложения; б) путем номинализации самого предложения.

Каждый из этих двух путей представляет интерес для исследователя. В названной работе Р. Лиза, например, исследуется процесс номинализации предложения на базе анализа 13-ти типов глагольных предложений и возможности их трансформации в именные. Номинальные предложения (т. е. «предложения с именным выражением грамматического центра») современного французского языка анализирует Л. Г. Веденина (понятие «экстралингвистический» она применяет в смысле «внеструктурный», что не соответствует пониманию этого термина, данное в разделе «языковое взаимодействие» настоящей работы»⁷¹.

⁶⁸ A l f L o m b a r d. Les constructions nominales dans le français moderne. Uppsala et Stockholm, 1930.

⁶⁹ R o b e r t B. L e e s. The Grammar of English Nominalizations, Third Printing. Monton et Co., 1964.

⁷⁰ Н. Н. П р о к о п о в и ч. Указ. соч.

⁷¹ Л. Г. В е д е н и н а. О взаимодействии лингвистических и экстралингвистических факторов (опыт стилистического анализа предложения). «Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков». М., 1966.

ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ СИНТАКСИСА

Развитие синтаксических структур, а также внутри- и внешнеструктурных отношений происходит на всем протяжении истории языка. На современном этапе наряду с развитием лексической системы процессы в системе синтаксиса наиболее активны по отношению к другим уровням языка (фонетическому и морфологическому). В советском языкознании появилось много исследований, посвященных различным элементам синтаксиса русского, английского, французского, немецкого и других языков¹. Вопросы синтаксиса рассматриваются с различных точек зрения, с учетом цели соответствующего исследования. Так, например, грамматические структуры французского языка рассматриваются с точки зрения связи языка и мышления (например, в известной шеститомной работе Ж. Дамюрета и Е. Пишона), а также с точки зрения связи между синтаксисом и стилистикой (в работах Ж. Марузо, Ш. Балли, Ш. Брюно и многих других широко известных авторов)².

Н. Н. П р о к о п о в и ч. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966. См. также: «Развитие синтаксиса современного русского языка». М., 1966; «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950 и др.; А. И. С м и р н и ц к и й. Синтаксис английского языка. М., 1957. Л. С. Б а р х у д а р о в. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966; В. Г. А д м о н и. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л., 1966 и др.

² D a m o u r e t t e J. P i c h o n E. Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française, t. VI. Paris, 1931—1940. См. библиографию в кн.: L. G a l d i. Précis de stylistique française. Budapest, 1967, стр. 149—152.

В последнее время делается попытка нового осмысления синтаксических фактов французского языка на базе исследования отношений между структурными единицами, в работах Ж. Дюбуа, А. Фрея, Л. Теньера и др.³

Развитие синтаксической системы в целом, а также элементов синтаксиса молдавского языка можно исследовать на базе трех основных критериев: 1) в связи с развитием мышления, 2) в связи с развитием функциональных стилей, 3) в связи с развитием внутрискруктурных отношений.

Как можно заметить, первые два критерия являются внешними по отношению к синтаксису как системе, но все они представляют собой одновременно взаимодействующие факторы. Внешним представляется также критерий взаимоотношения между синтаксическими системами иноструктурных контактирующих языков. Несмотря на то что процесс взаимодействия является внешним по отношению к структуре, языковой результат этого процесса относится к внутрискруктурному плану, представляя собой двойной аспект — изменение структуры, или изменение отношения, и структуру изменения.

Исходя из цели настоящей работы процесс взаимодействия в системе синтаксиса рассматривается в вышеназванном двойном аспекте. Для иллюстрации сравним две синтагмы *дуче ла моарэ* и *дуче ла ымбунэтэцире*, представленные идентичным типом структуры (V + P + S), идентичным способом связи (предлог *ла*), идентичным глагольным центром (*дуче*), выражающие различные отношения. Первая синтагма выражает локативное отношение, характерное для предлога *ла*, вторая синтагма — модальное отношение, определяемое не предлогом, а синтагмой в целом.

В ходе развития языка, следовательно, наряду с процессом уточнения отношения наблюдается и процесс изменения отношения в структуре идентичных единиц на базе роли синтагмы в целом. Изучение процессов синтаксической системы можно проводить, как известно, двумя способами: 1) от более сложных к менее сложным структурным единицам и 2) от менее сложных к более сложным.

³ J. Dubois. Grammaire structurale du français. Paris, 1966.
H. Frei. Livre des deux mille phrases. Genève. Paris, 1965. L. Tesnière. Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959.

В обоих случаях возможно выделение базисных единиц исследования, так называемых ядерных единиц. В качестве ядерных единиц в настоящей работе были приняты именные и глагольно-именные синтагмы. Фактический материал дает возможность отметить, что сложившаяся система синтагм представляет качественно новую систему по отношению к соответствующей системе латинского языка. Выделяя значение «изучения связи явлений, причины их изменений, всю совокупность факторов, управляющих жизнью языка», И. А. Бодуэн де Куртенэ отмечал известное положение о том, что «сложившаяся в данном языке система может отличаться от системы, характерной для предыдущего состояния языка»⁴. Вопросы изменения типологии латинского языка на всех его уровнях и появления новой типологии романских языков были подробно изложены в докладе М. Коэна на X международном конгрессе лингвистов в Бухаресте в 1967 г.⁵

Поскольку в дальнейшем изложении термины синтагма и словосочетание, именная синтагма, глагольно-именная, именная синтагма действия⁶ часто употребляются (так как они, собственно, и представляют собой фактическую основу исследования), необходимо уточнить понимание этих терминов, принятое в настоящей работе.

Известно, что в лингвистической литературе по различным проблемам синтаксиса термины словосочетание и синтагма трактуются по-разному, в зависимости от общей концепции языка исследователя, от направления или школы, к которой он принадлежит. Значение этих терминов базируется также на общей точке зрения на предмет синтаксиса вообще, как об этом подробно говорит И. А. Сизова⁷. Учение о синтагме было вы-

⁴ Л. В. Щерба, И. А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке. «Избр. работы по русскому языку». М., 1957, стр. 89; Ф. Ф. Фортунатов. Избранные труды, т. I. М., 1956.

⁵ Marcel Cohen. Comparaison typologique du latin, du guèze, du français, de l'amhorique. «X-ème Congrès International des Linguistes. Résumés des communications». Bucarest, 1967, стр. 63—64.

⁶ Предлагаемое наименование синтагма действия основывается на структурной и функциональной роли имени действия в составе сочетания в целом.

⁷ И. А. Сизова. Что такое синтаксис? М., 1966.

двинуто Ф. де Соссюром на основании его понимания языка как системы взаимодействующих ассоциативных (или парадигматических) и синтагматических отношений. По его определению, синтагмой является любое соединение смежных языковых элементов, которые «выстраиваются один за другим в речевой цепи» и выражают отношение определяющего и определяемого⁸.

В ходе развития различных принципов соссюрковского учения о языке получила уточнение и расширение и теория синтагмы. В частности, Ш. Балли подчеркивает, что всякая синтагма бинарна; а также исключает из понятия синтагматических отношений сочинительные синтагмы⁹. По определению Л. В. Шербы, синтагмой является простейшая синтаксическая единица речи, не представляющая собой ни слова, ни предложения. Причем выделение синтагмы обусловлено контекстом, высказыванием в целом¹⁰.

Поскольку детальный критический обзор вопросов теории словосочетания и теории синтагмы, освещенных в работах советских и зарубежных лингвистов, дан в исследовании Н. Н. Прокоповича¹¹, в очерке Ю. Д. Апресяна¹² и в вышеназванной работе И. А. Сизовой, необходимо лишь определить понимание терминов, принятое в настоящем исследовании. Под термином **с и н т а г м а** понимается **с о е д и н е н и е** **д в у х** **с е м а н т и к о - с т р у к т у р н ы х** **ц е н т р о в**, **о б р а з у ю щ и х** **г р а м м а т и ч е с к о е** **е д и н с т в о** (в плане выражения) и **в ы р а ж а ю щ и х** **е д и н и ц у** **м ы ш л е н и я** (в плане содержания). По этому определению синтагма является эквивалентом словосочетанию в понимании этого термина, предложенного Л. В. Шербой. Вместе с

⁸ Ф. де С о с с ю р. Курс общей лингвистики. М., 1938, стр. 121.

⁹ Ш. Б а л л и. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955, § 155.

¹⁰ Л. В. Ш е р б а. Фонетика французского языка. Изд. 2. М., 1939; см. также: В. В. В и н о г р а д о в. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950; О. С. А х м а н о в а, Т. Б. М и к а э л я н. Современные синтаксические теории. М., 1963 и др.

¹¹ Н. Н. П р о к о п о в и ч. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966.

¹² Ю. Д. А п р е с я н. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. Здесь рассматриваются понятия парадигматических и синтагматических отношений и различные модели синтагм.

тем из данного определения следует, что понятие синтагмы исключает сочинительный аспект словосочетания. В ходе дальнейшего изложения, наряду с термином синтагма, будет применяться термин словосочетание в его подчинительном аспекте.

Если принимать во внимание структурно-семантические центры в составе синтагмы, то можно определить синтагму как бинарное словосочетание. Ш. Балли определяет бинарность на базе «знаменательных слов», что представляется неточным, так как в составе синтагмы предлог и особенно его эквивалент может быть также знаменательным, и тогда нарушается бинарность в ее понимании Ш. Балли. Следовательно, исходя из понятия словосочетания, термину синтагма можно дать следующее определение: синтагмой является бинарное словосочетание на базе двух центров. Каждый из двух центров синтагмы (узловой и стержневой) может в свою очередь образовать синтагму, в связи с чем необходимо различать простую и развернутую синтагмы. Кроме того, различаем синтагму не предикативную и синтагму предикативную¹³.

Таким образом, основным релевантным признаком синтагмы является бинарность, которая определяется как наличие двух центров; настоящее понимание бинарности синтагмы дает основание предположить возможность ее развертывания, так как каждый центр в свою очередь может образовывать надсинтагмы. Так, например, в предложении *Сарчина принципалэ а политичий екстерне советиче есте де а асигура кондиций фаворабиле пентру конструиря комунизмулуй* имеются две развернутые именные синтагмы: *сарчина принципалэ а политичий екстерне советиче* и *кондиций фаворабиле пентру конструиря комунизмулуй*. Первая именная синтагма развертывается на базе синтагмы *сарчина политичий* при помощи согласования *сарчина принципалэ* и управления *политичий екстерне советиче*, вторая развернутая синтагма — *кондиций фаворабиле пентру конструиря комунизмулуй* развертывается на базе именной синтагмы *конди-*

¹³ Выделенные Н. С. Трубецким определительные и предикативные синтагмы (последние в понимании сочинительном — субъект + предикат) анализированы А. Фреем (H. Frei. Notes sur l'analyse de syntagmes. «Word», v. 4, № 2. N. Y., 1948).

ций *пентру конструиря* также при помощи согласования (*кондиций фаворабиле*) и управления (*конструиря комунизмулуй*).

Таким образом, ядерная синтагма имеет возможность развертывания своих центров при помощи согласования или управления, причем может быть развернутым только один центр или же оба, как в приведенном примере. Из различных типов синтагм выделяются в качестве исследования, как уже было сказано, именная и глагольно-именная синтагмы. В именной синтагме узловым центром является имя (*лупта* пентру консолидаре 'борьба за консолидацию'), в глагольно-именной — глагол (*дуче ла ымбунэтэцире* 'ведет к улучшению'). Стержневым центром и в именной, и в глагольно-именной синтагмах является отглагольное имя (*консолидаре, ымбунэтэцире*), обладающее в молдавском языке качеством имени действия, в связи с чем данные типы синтагмы называем с и н т а г м а м и д е й с т в и я. Фактический материал синтаксиса современного молдавского языка дает основание подчеркнуть особую продуктивность и частотность употребления этих синтагм.

Рассмотрение же их в структурном и функциональном планах методом сопоставления с ранее имевшимися в молдавском языке, с соответствующими синтагмами русского языка, а также французского дает возможность аргументировать роль языковых контактов расширением их структурных и функциональных возможностей.

Ввиду того что в данной работе будет применяться также термин *м о д е л ь*, необходимо уточнить, в каком понимании употребляется этот термин. Известно, что в математической лингвистике *м о д е л ь ю* (в общих чертах) является математическое представление, т. е. *а б с т р а к т н а я с х е м а* или *ф о р м у л а* языка или языков¹⁴, обладающая различными аспектами (трансформационная, аппликативная, непосредственно составляющих и т. д.). Более того, как подчеркивает С. К. Шаумян «не существует общепринятого понимания термина «модель», и можно назвать более 30 случаев употребления термина «модель» в разных значениях¹⁵.

¹⁴ И. И. Р е в з и н. Модели языка. М., 1962.

¹⁵ С. К. Ш а у м я н. Структурная лингвистика. М., 1965, стр. 80—82.

В настоящей работе под термином модель понимается предмет одного языка (в лингвистическом плане), служащий аналогом соответствующего предмета другого языка и различаются три аспекта лингвистической модели: 1) **п о н я т и й н ы й** аспект, или модель семантического инварианта языка, соответственно называем **п о н я т и й н о й м о д е л ь ю**, или моделью содержания; 2) **ф о р м а л ь н ы й** аспект, или модель формы выражения содержания, соответственно называем **ф о р м а л ь н о й м о д е л ь ю**; 3) **с т р у к т у р н ы й** аспект, или модель структуры выражения содержания, соответственно называем **с т р у к т у р н о й м о д е л ь ю**.

Для иллюстрации рассмотрим уже приведенный пример из русского языка *массово-политическая работа*. Соответствующий молдавский аналог *лукрул политик де масэ* представляет заимствование понятийной модели (что не требует пояснения), а также модели формальной, т. е. формы выражения понятия (существительное *работа* с двумя определениями *массовая* и *политическая*). Структурная же модель русского языка и способ выражения отношения между существительным и его определениями в синтагме молдавским языком не заимствуются (*лукрул политик де масэ*). Обычно структурная модель заимствуется лишь в том случае, если она соответствует общей синтаксической структуре, т. е. общей форме выражения отношений контактирующего языка, или представляет собой новую форму выражения отношений, не наличествующей в контактирующем языке. В исследовании элементов структуры предложения синтагма рассматривается в качестве компонента единого целого — предложения. Поэтому представляется необходимым отойти от определения структуры данного целого, т. е. предложения. Исходя из положения о том, что теоретическое изучение структуры предполагает построение ее теоретической схемы, попытаемся вначале представить формулу-модель предложения молдавского языка, являющуюся «более или менее близкой аппроксимацией данной конкретной действительности»¹⁶. Одновременно элементарная схема предложения предлагается в качестве формализованной аргументации выбора синтагмы как единицы анализа и отправной предпосылки исследования. Определение

¹⁶ И. И. Р е в з и н. Указ. соч., стр. 8.

предложения как единицы-максимум синтаксиса, предложенное Е. Д. Поливановым, включает в себя наличие единиц-минимум в качестве ее составных элементов.

Применяя данное определение к фактическому материалу, можно методом разложения детализировать понятие единицы-максимум на разряды слов (L), совокупность разрядов слов (Sy), сочетание разрядов слов (L²) и сочетание совокупности разрядов слов (Sy²).

1. Разряды слов (L)¹⁷

елевул ↔ скрие ученик ↔ пишет l'élève ↔ écrit

2. Совокупность разрядов слов (Sy)

ун бун	прилежный	un bon
↑	↑	↑
елев (ул) ↔ скрие	ученик ↔ пишет	(l') élève ↔ écrit
↓	↓	↓
бун	фрумос	хорошо
		bien

3. Сочетание разрядов слов (L²)

елевул ↔ скрие	ученик ↔ пишет	l'élève ↔ écrit
ши	и	et
↔ читеште	↔ читает	↔ lit

4. Сочетание совокупности разрядов слов (Sy²)

ун бун	прилежный	un bon
↑	↑	↑
елев (ул) ↔ скрие	ученик ↔ пишет	(l') élève ↔ écrit
↓	↓	↓
бун	хорошо	bien
	и	et
фрумос	↔ читает	↔ lit
ши	↓	↓
↔ читеште	правильно	correct
↓		
коррект		

Критерием предлагаемой детализации единицы-максимум являются отношения, выражаемые структурой ее единиц-минимум.

1. Отношение сочинения (C)

¹⁷ Условные обозначения: L — lexema; Sy — syntagma.

2. Отношение детерминативного сочинения (СД)
3. Отношение сложного сочинения (С²)
4. Отношение сложного детерминативного сочинения (СД²)¹⁸.

Необходимо подчеркнуть также, что с точки зрения лексических компонентов структуры, единицей-минимум может быть как знаменательный элемент 1,3, выражающий отношение сочинения, так и сочетание знаменательных элементов 2,4, выражающее отношение детерминативного сочинения.

Таким образом, с точки зрения отношения, выражаемого структурой, общим является характер сочинения (С) и специфическим характер детерминации (D). Ср. формулы:

$$\begin{array}{ll} L - C & L^2 - C^2 \\ Sy - CD & Sy^2 - CD^2. \end{array}$$

Из этих четырех формул можно выделить в качестве ядерных две формулы С и CD, в которых также общим остается С и специфическим D. Приведенные формальные данные предложения могут служить аргументацией выбора исследования специфического характера отношения единицы-максимум D, структурно представляемой синтагмой Sy. С точки зрения структуры наличествует тип предложения, в котором единица-максимум не разлагается, более того, она, по сути, тождественна единице-минимум (ср. молд. *Тоамна*, рус. Осень. фр. *L'automne*). Данную структуру можно назвать нулевой с точки зрения характера отношения.

Как можно заметить, предложенные формулы относятся как к молдавскому, так и к русскому и французскому языкам, они отображают элементарные или исходные схемы предложения¹⁹. Одновременно каждый из выде-

¹⁸ Условные обозначения: С — *coordonatio*; CD — *coordonatio-determinativum*.

¹⁹ Известно, что в современной языковедческой литературе имеется немало попыток построения модели предложения. См.: P. P o s t a l. *Constituent structure: A. study of Contemporary models of Syntactic Description*. «International Journal of American Linguistics», 1964, v. 30, № 1; Л. С. Б а р х у д а р о в. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966. Автор анализирует наиболее известные модели (1. Модель членов предложения; 2. дистрибутивная модель Фриза; 3. модель непосредственно составляющих; 4. трансформационная модель Хомского).

ленных типов обладает как общими, так и своими специфическими структурно-функциональными признаками в сопоставляемых языках.

Как соотносится с имеющимися основными моделями предлагаемая формализация предложения молдавского языка? Для этого мы используем отдельные факты и основные замечания, приведенные в работе Л. С. Бархударова²⁰.

1. Выдвигаемый в качестве дифференциального признака критерий отношения не следует смешивать с критерием зависимости, находящимся в основе выделения в предложении главных и второстепенных членов предложения и образования традиционной модели членов предложения.

Отношение сочинения (условный знак \leftrightarrow), например, могут выражать как главные, так и второстепенные (с точки зрения традиционной грамматики) члены предложения. Ср., например:

елевул \leftrightarrow скрие	ученик \leftrightarrow пишет	l'élève \leftrightarrow écrit
$\overline{\hspace{10em}}$	$\overline{\hspace{10em}}$	$\overline{\hspace{10em}}$
фрумос \leftrightarrow коррект	красиво \leftrightarrow правильно	bien \leftrightarrow coigest
ши	и	et

2. Предложение, по модели Фриза, представляет собой определенную последовательность слов различных рядов (не только знаменательных), употребляемых в необходимых формах. Дифференциальным признаком является, по сути, распределение (дистрибуция) форм слов. Известно, что уязвимость модели Фриза вытекает из ее чисто линейной последовательности, она не учитывает синтаксических отношений между словами. Слабость данной модели особенно очевидна при ее применении к языкам, в которых отсутствует способность выражать отношения посредством флексии. Это ярко проявляется в примерах, приведенных Л. С. Бархударовым (заимствованных из лекции Р. Лиза, прочитанной в Москве в марте — апреле 1963 г.) из английского языка²¹.

The police shot the man in the red cap

и

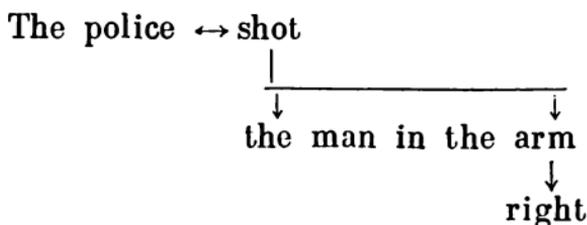
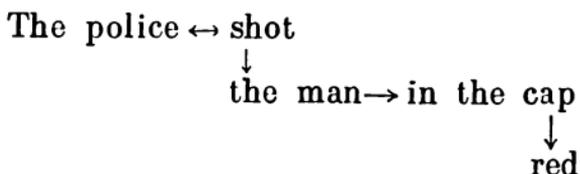
The police shot the man in the right arm;

²⁰ Л. С. Бархударов. Указ. соч., стр. 15—30.

²¹ Там же, стр. 19.

ср. молд.: Полиция а трас ын омул ын пэлэрие рошие
Полиция а трас ын ом ын мына дряптэ
рус.: Полиция стреляла в человека в красной фуражке
Полиция стреляла человеку в правую руку.

Предлагаемым приемом разложения выявляются отношения между формами, отсутствующие в модели Фриза:

3. Членение предложения на отрезки максимальной длины, носящие название непосредственно составляющих (НС), устанавливает определенные отношения между словами, представляя, следовательно, более совершенную модель по сравнению с моделью Фриза. Вместе с тем данный прием формализации предложения также оставляет недифференцированными отдельные типы предложения, идентичные по своим НС, в частности, то, что в традиционной грамматике именуется субъектным и объектным отношениями, в английском языке, например, в отдельных случаях выражается одной и той же структурой, одними и теми же лексемами. В примере, приведенном и анализированном Л. С. Бархударовым²²: *He is the man to watch*, при идентичной структуре, наличествуют два различных высказывания («он — человек, который должен следить за чем-то» и «он — человек, за которым надо следить»), — одно, выражающее субъектное отношение, другое — объектное.

4. Разница в такого типа предложениях выясняется при учете структуры других предложений методом трансформационного анализа, разработанного Хомским и его учениками, при котором одна схема строения предложения считается производной от другой.

²² Л. С. Бархударов. Указ. соч., стр. 24.

А. Исаченко), в частности романские, на синтаксическом уровне, то этот их характер окажется весьма ослабленным. Ослабление вербальности относится как к предложению в целом, так и к элементам его структуры. Представляется, что выделенный А. Исаченко критерий не всегда может быть применим в качестве единого как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях. Для установления единого лингвистического критерия необходимо исходить из общеизвестного положения диалектического материализма о взаимосвязи между общим, особенным и отдельным.

Любой общелингвистический критерий получает свое особое выражение на уровне синтаксиса или лексики и т. д. и свое отдельное выражение на уровне, например именной подсистемы в общей системе синтаксиса и т. д. Одновременно общелингвистическое проявляется в особенном и в отдельном, так же как «особенное и отдельное может выступить в своей сфере как всеобщее»²⁵.

При рассмотрении синтаксических структур мы будем исходить из особенного и отдельного и попытаемся определить тенденцию возникновения структурной общности. Обычно исследование идентичных явлений в различных языках проводится на основе внутрискруктурного и функционального критерия. Причем в зависимости от цели исследования может быть использован только один из двух вышеназванных критериев или оба во взаимодействии. Последний, т. е. рассмотрение взаимодействия внутрискруктурного и функционального представляется единственно верной основой исследования, ибо таким образом можно определить роль и место исследуемого явления в системе языка в целом. В частности, касаясь вопроса о прогрессе в языке, В. А. Звегинцев подчеркивает необходимость учитывать, какое влияние структурные изменения оказывают на функции языка²⁶. В связи с этим необходимо и обратное исследование: о влиянии расширения функций на внутрискруктурные изменения.

На основании вышесказанного представляется возможным выделить единый критерий исследования, а именно: критерий отношения внутри лексемы на морфологическом

²⁵ А. К. Курьев, Т. М. Штракс. Марксистская философия и научный коммунизм. «Вопросы философии», 1966, № 6, стр. 27.

²⁶ В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. М., 1962, стр. 180.

уровне и внутри сочетания лексем или сочетания предложений на синтаксическом уровне. Исследуя различные структуры на синтаксическом уровне, К. Е. Базель выделяет в пределах функционального типа синтаксических отношений субординацию и детерминацию²⁷. Представляется, что из данных двух типов отношений общесинтаксическим (определяющим основное отношение внутри структурной единицы и ее отношение к другим единицам) является детерминация со всеми ее возможными внутренними аспектами, такими, как индивидуализация, актуализация, на которые обращает внимание М. Крессо²⁸, и другими.

Известно, что во многих европейских языках наблюдаются структурные преобразования внутри элементарного предложения; в частности, исследуя предложение немецкого языка, В. Г. Адмони выделяет развитие группы существительного²⁹.

Процесс образования именных синтагм, как уже отмечалось, наблюдается и в других языках, и этому вопросу посвящены исследования А. Ломбарда, Р. Лиза. Фразеологические сочетания рассматриваются в работе П. Гиро, изданной в коллекции «Que sais-je» и рассчитанной на массового читателя³⁰.

В своем капитальном труде об именных конструкциях во французском языке А. Ломбард различает четыре категории причин, приведших к широкому развитию этих конструкций: грамматические, формальные, социальные и художественно-литературные; первые две (грамматические и формальные) он считает недостаточными, поскольку они существуют во многих языках и во все времена, решающими являются социальные и художественно-литературные причины³¹. Данное положение требует уточ-

²⁷ C. E. B a s e l l. Syntactic relations and linguistic typology. «Cahiers Ferdinand de Saussure», 8, 1949.

²⁸ M a r c e l C r e s s o t. Le style et ses techniques. Paris, 1963.

²⁹ В. Г. А д м о н и. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л., 1966, стр. 37—67, 160, 162.

³⁰ P i e r r e G u i r a u d. Les locutions françaises. Paris, 1962.

³¹ A l f. L o m b a r d. Указ. соч., стр. 71, 244; О. И. К о н д р а т ь е в а. Субстантивация глагольных словосочетаний во французском языке. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 12. Л., 1958; В. Г. Г а к. О стяжении синтаксических групп во французском языке.—«НДВШ. Филол. науки», 1959, № 4.

нения. Поскольку идентичные процессы происходят во многих языках, в том числе и в молдавском, можно предположить, что появление их вызвано отдельными общими «экстралингвистическими» факторами, в частности развитием абстрактного мышления³², или же факторами функционально-жанрового характера, как развитие стилей и т. д., которые также можно отнести к категории общих.

Помимо названных факторов, важным в развитии национальных языков нашей страны является фактор функционально-общественного характера, на который уже обращалось внимание.

Все эти факторы являются общими для развития национальных языков вообще и для каждой из систем языка в частности, в данном случае для системы синтаксиса.

Одновременно необходимо подчеркнуть, что ход любого лингвистического процесса не может основываться на одном, каким бы он ни был значительным, факторе внешнего или внутреннего плана. Рассматривая вопрос о характере словосочетаний в английском языке, В. Н. Ярцева подчеркивает структурную особенность в языках аналитического типа, в которых слова «как бы опираются на своих соседей»³³. В любом комплексе причин и факторов, будь то необходимость «опоры» внутри структуры или развитие мышления и стилей, можно выявить более или менее существенные для развития языка на определенном историческом этапе. Представляется, что в процессе развития синтаксической структуры в целом и развития синтагм в частности существенным является межъязыковое взаимодействие молдавского и русского языков, находящее опору в самой структуре молдавского языка.

Как уже отмечалось, во многих европейских языках, за исключением венгерского, турецкого и др., ядром предложения является глагол, и существующая в морфологии оппозиция имя — глагол выражается и синтаксической оппозицией: именное — глагольное предложение. В системе же словосочетания имя и глагол обычно не противопоставляются, образуя не только простые, но и устойчивые словосочетания.

³² И. А. Бодуэн де Куртене. Об общих причинах языковых изменений, стр. 227.

³³ В. Н. Ярцева. Основной характер словосочетания в английском языке. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1947, № 6, стр. 504.

Словосочетания молдавского языка, в частности именные, как свободные, так и устойчивые (развитые на базе первых), являются результатом исторического развертывания возможности сочетаемости посредством предлогов, характерной для всех романских языков. «Одновременно, — как подчеркивает М. С. Гурычева, рассматривая устойчивые словосочетания в романских языках, — словосочетания могут быть образованы также по моделям другого языка»³⁴. Большое количество подобных устойчивых словосочетаний русского языка, отражающих элементы нового социального устройства, калькируются не только молдавским, но и многими другими языками, главным образом в том случае, если основные понятия, выраженные сочетанием русского языка, не имеют синонимов. Так, в уже приведенном примере модели русского *массово-политическая работа*, образовавшего устойчивое словосочетание *мунка политикэ де масэ*, понятия *массовый* и тем более *политический* — основные компоненты сочетания — не могут быть выражены каким-либо синонимическим эквивалентом. Следовательно, выражение всего словосочетания может быть только калькой, т. е. заимствованием и понятия, и формы его выражения. Во многих современных литературных языках (в русском, молдавском, французском и др.) наблюдается тенденция, или закономерность, именного выражения суждения (например, рус.: *прибытие делегации*, молд. *сосиря делегацией*, фр. *l'arrivée de la délégation* и др.), в котором имя выражает аспекты действия или состояния, т. е. воспринимает один из дифференциальных признаков глагола. Как уже было отмечено, существующая в морфологии оппозиция имя — глагол имеет тенденцию ослабления на уровне синтаксиса. Что же происходит при именном выражении действия, сохраняется данная оппозиция, ослабевает или имеет тенденцию нейтрализации? Без ущерба для теории Ф. де Соссюра о неразрывном единстве обозначаемого и обозначающего, при изучении оппозиции между фонемами появилось понятие нейтрализации (т. е. как бы отклонения от общего закона), обоснованное впервые А. Мартине в 1936 г. Обычно нейтрализация в фонологии объяс-

³⁴ М. С. Гурычева. Конструктивные функции предлогов в романских языках. «Исследования в области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961, стр. 81.

няется тем, что дифференциация субстанции иногда может не соответствовать дифференциации содержания. Более того, О. С. Ахманова считает, что на уровне лексики следует говорить о двух аспектах нейтрализации: в плане содержания — это синонимия, а в плане выражения — омонимия³⁵. Говоря о нейтрализации в грамматике и лексике, Э. Макаев подчеркивает, что это явление возможно или в плане выражения или в плане содержания: в обоих планах одновременно невозможно³⁶. Однако есть мнение о возможности нейтрализации в двух планах.

Представляется, что, исследуя процесс развития именных структур, можно говорить о тенденции нейтрализации в элементах синтаксиса в плане выражения. Одновременно нейтрализация наблюдается не только в плане выражения, но и в плане содержания, что подчеркнуто в работах С. Стати и А. Аврам, рассматривающих вопросы омонимии, синонимии и эквивалентности в синтаксисе³⁷ и вопрос нейтрализации языковых оппозиций³⁸.

Следовательно, исследование именных синтаксических структур выявляет ряд вопросов общелингвистического плана, представляющих большой интерес для исследователя.

Если применить к именным синтагмам классическую формулу А. Мейе для определения системы как «un ensemble où tout se tient», то можно говорить о системе именных конструкций в молдавском так же, как в русском и во французском языках. Но при всей близости или общности данных конструкций в каждом языке наблюдаются и специфические черты. Одновременно необходимо учитывать, что «в развитии структуры различных языков возможны так называемые конвергенции, т. е. одинаковые явления, возникшие в разных языках независимо друг от друга»³⁹, а также тот факт, что «схождения могут поя-

³⁵ См.: La notion de neutralisation dans la morphologie et la logique. «Travaux de l'institut de linguistique de Paris», vol. II. Paris, 1957, стр. 15.

³⁶ Там же, стр. 69.

³⁷ S o r i n S t a t i. Homonomie, synonymie et equivalence en syntaxe. «Revue roumaine de linguistique». Bucarest, 1966, № 2, стр. 134.

³⁸ A n d r e i A v r a m. Despre neutralizarea opozițiilor lingvistice.— LR, 1962, XI, 4.

³⁹ Б. А. Серебряников. О взаимодействии языков.— ВЯ, 1955, № 1.

виться в каждом языке «под влиянием идентичных объективных условий»⁴⁰. В связи с этим исследование именных синтагм проводится на базе критерия отношения методом разложения синтагмы; попытаемся выявить типы именных синтагм в сопоставляемых языках.

Исходя из понимания синтагмы как соединения двух структурно-семантических центров и при учете способа связи между этими центрами мы выделили три структурные парадигмы именной синтагмы: $S + S$, $S + P + S$ ($S + LP + S$) и $S - S$ ⁴¹, из которых общероманской парадигмой или ядерной является $S + P + S$ — предложная именная синтагма; $S + S$ — флективная именная синтагма, специфичная для молдавского языка, более поздняя по сравнению с ядерной $S + LP + S$, которая также относится к типу предложной именной синтагмы, и нулевая $S - S$.

Общероманским типом именной синтагмы, как уже было сказано, является предложный тип, развитый на базе единичных предложных детерминативных сочетаний народнолатинского языка типа *templum de marmore*. Развитие предложного типа происходит путем использования широкого разряда предлогов: *de, pentru, yn, la*, а также предложных эквивалентов: *ку привире ла, привинд, привитор ла, yn ведеря, yn скопул* и др.

Восточнороманские языки, на базе наличия падежной флексии, выражают отношения детерминации внутри синтагмы флективным способом (*студиеря лимбий* «изучение языка»). Помимо предложного и флективного типов именных синтагм расширяется употребление нулевого типа, в котором способ связи выражается графически (*кувынт — акциуне* «слово-действие»).

Таким образом, сосуществуют три типа именной синтагмы: флективный, предложный и нулевой ($S + S$, $S + P + S$, $S - S$). По своей продуктивности и частотности можно выделить флективный тип, характерный как для восточнороманских, так и для славянских, в частности для руеского языка. В структуре именной синтагмы действия ее стержневой центр — имя

⁴⁰ I. Iordănescu. Quelques paralleles syntaxiques romanes. «Récueil d'études romanes». București, 1959, стр. 115.

⁴¹ S — существительное, P — предлог, LP — предложное сочетание.

действия позиционно может находиться по отношению к узловому центру во всех трех возможных позициях.

Именные синтагмы в сопоставляемых языках можно представить следующим образом:

Именная синтагма — Sy	книга ребенка	карта капилулуй	le livre del'enfant ⁴²
Именная синтагма действия — Sya	развитие общества	дезволтаря сочиетэций	l'évolution de la soci-été

Бинарность: 2 центра

1. узловой — S	1. ввод в	пунере ын	mise en
2. стержневой — S _a	2. действие	функциуне	fonction

Способ связи:

1. флективный S + Sf	1. изменение значения	модифика-ря сенсу-луй	
2. предложный	2. а) дея-тельность по популя-ризации	активитате де популя-ризаре	l'activité de popula-risation
b) S + LP + S	б) вопрос относительно специ-ализации	кестиуня ку приви-рела спе-циализаре	la question visant la spécialisa-tion
3. нулевой S — S	3. слово-действие	кувынт-акциуне	mot-action

Позиция:

1. препозиция Sa + S	1. опреде-ление от-ношения	детермина-ря атиту-диний	la detérmi-nation de l'attitude
2. постпозиция S + Sa	2. метод усовершен-ствования	метода перфекци-онэрий	la méthode de perfec-tionnement

⁴² Фактический материал французского языка проверен по двум словарям: «Русско-французский». Под. ред. Л. В. Щербы. М., 1955 и «Nouveau dictionnaire de la langue française», par Besche-relle Ainé. Paris, 1897.

3. препостпозиция Sa + Sa	3. консолидация движения	консолидация мишкэрий	la consolidation du mouvement
---------------------------	--------------------------	-----------------------	-------------------------------

Проиллюстрируем структурные парадигмы в сопоставляемых языках с точки зрения способа связи:

Молдавский	Русский	Французский
	S + Sf	
апэраря интереселор	защита интересов	défence des intérêts
аутоматизаря прочесулуй	автоматизация процесса	automatisation du procédé ⁴³
експлоатаря попорулуй	эксплуатация народа	exploitation du peuple ⁴⁴
интерзичеря експериенцелор	запрещение экспериментов	interdiction des expériences
меканизаря прочеселор	механизация процессов	mécanisation ⁴⁵ des procédés
организаря мунчий	организация труда	l'organisation du travail
прокламаря индепенденцей	провозглашение независимости	proclamation de l'indépendance
реализаря планулуй	выполнение плана	la réalisation du plan
резолваря проблемей	решение задачи	la résolution du problème
реколтаря спикоаселор	уборка зерновых	la moisson des céréales
ынтэриря солидаритэций	укрепление солидарности	la consolidation de la solidarité

⁴³ В русском языке слово *процесс* полисеманлично, во французском *procés* сохраняет в основном свое юридическое значение, *processus* обозначает ход развития, а *procédé* — производственный процесс.

⁴⁴ Во французском языке *exploitation* выражает в первую очередь эксплуатацию земли, дороги и т. д.

⁴⁵ *Mécanisation* не зафиксировано в словаре «Nouveau dictionnaire classique de la langue française», par Bescherelle Aîné».

авангарда мишкэрий	авангард движения	l'avant-garde du mouvement
каля дезволтэрий	путь развития	la voie du dévelop- pement
метода перфекционэрий	метод усовершенствов- вания	la méthode de perfection- nement
модул утилизэрий	способ использования	le mode d'utilisation
перспектива дезволтэрий	перспектива развития	la perspective d'évolution
пособилитатя ынтродучерий	возможность введения	la possibilité d'introduction
ритмул реколтэрий	ритм уборки	le rythme de la récolte
текстул адресэрий ⁴⁶	текст обращения	le texte de l'appel

Как уже было отмечено, флективная синтагма действия по формуле $S + Sf$ отсутствует во французском языке (так же как в итальянском, испанском и др). Более того, большинство синтагм, в которых в молдавском языке узловым центром является имя действия: *автоматизация, организация, механизация*, — во французском языке представляет собой искусственные образования, язык отдает предпочтение инфинитивным синтагмам: *automatiser les procédés, organiser le travail, mecaniser les procédés* и т.д.

Молдавский	Русский	Французский
	$S + P + S$ ($P = де$)	
активитате де популаризаре	деятельность по популяриза- ции	l'activité de popularisa- tion
армэ де фок	огнестрельное оружие	l'arme à feu
звеноул де меканизаре	звено механизации	le maillon dans l'action de mecaniser ⁴⁷

⁴⁶ Примеры синтагм молдавского языка даются в алфавитном порядке.

⁴⁷ Искусственная синтагма для французского языка.

мээстрие де интерпретаре	мастерство исполнения	la maîtrise d'interprétation
мунка де популаризаре	работа по популяризации	le travail de popularisation
прочесул де аутоматизаре	процесс автоматизации	le procédé d'automatisa- tion
пропунере де рационализаре	рационализатор- ское предложение	le projet de rationalisa- tion
спирит де организааре	организационный дух	l'ésprit d'organisation
старе де гэтире	состояние готовности	être prêt ⁴⁸ «быть готовым»
техникэ де реколтаре	уборочная техника	l'outillage de récolte

S + P + S (p = *пентру*)

импулс пентру черчетаре	толчок для исследования	l'impulsion aux recherches
лупта пентру елибера- ре	борьба за освобождение	la lutte pour l'élitiba- tion
комитетул пентру дезармаре	комитет по разоружению	comité de désarmement
посибилитате пен- тру ымбогэцире	возможность для обогащения	le possibilité d'enrichisse- ment
мишкаря пентру паче	движение за мир	le mouvement pour la paix

S + P + S (p = *ын*)

ынтродучере ын практикэ	введение в практику	mise (mettre) en pratique
традучере ын вяцэ	внедрение в жизнь	mise en application

⁴⁸ Во многих случаях французский язык отдает предпочтение инфинитивным синтагмам.

ынтраге ын функциуне	ввод в действие	mise (entrée) en action
S + LP + S (LP = <i>ку привире ла, привитор ла, привинд, че се реферэ ла, ын че привеште</i>)		
кестиуня ку привире ла специализаре	вопрос относительно специализации	la question visant la spécialisation
дискуцие привитоаре ла организааре	обсуждение в отношении организации	discussion (dis- cutter) sur l'organisation
калкулеле привинд дезволтаря	расчеты относительно развития	les calculs à propos de développement
иноваииле чесереферэла ымбунэтэцире	новшества, относящиеся к улучшению	les innovations pour amélioration
пропорцииле ын че привеште прегэтиря	размеры в отношении подготовки	les dimensions des actions de préparer

S + LP + S (LP = *ын ведеря, ын скопул, ын домениул*)

мэсурь ын ведеря реализэрий	ме роприятия ввиду реализации	les actions ⁴⁹ visant la réalisation
студий ын скопул елаборэрий	исследования в целях выработки	les études pour élaborer
сарчина ын домениул меканизэрий	задание в области механизации	les tâches dans le domain de la mécanisa- tion

⁴⁹ Целевые отношения передаются во французском языке инфинитивными синтагмами, субстантивные представляют собой искусственные образования.

В некоторых приведенных синтагмах способ связи, выраженный предложным эквивалентом, может трактоваться двояко. Например, *в области, ын домениул* может быть и предложным эквивалентом, и содержать компонент синтагмы; *домениул механизэрий*. Вместе с тем узловой центр *сарчина* (и его семантические синонимы) как генератор именных синтагм требует контактного отношения со своим стержневым центром, в связи с чем *ын домениул* трактуется как связующий элемент. Этому способствует также наличие идентичных сочетаний предлога *ын* «в» с существительным в функции предложного эквивалента: *ын скопул, ын ведеря*.

Рассмотрим стержневой центр именной синтагмы, позволяющий наименовать ее синтагмой действия. Стержневым компонентом синтагмы действия, как уже отмечалось, является отглагольное имя, выраженное субстантивированным инфинитивом, которое мы обозначили Sa. Возможность субстантивации инфинитива посредством артикля характеризует главным образом древний период развития романских языков.

В древнефранцузском, например, как отмечает П. Гиро, любой инфинитив мог приобретать значение имени посредством артикля, откуда сохранились такие существительные, как *le gire, l'avenir, le dîner*, в современном же французском существительные от глагольных основ образуются суффиксацией: от *pedaler* → *pedalage*, от *nationaliser* → *nationalisation* и т. д.⁵⁰

Интересно, что во французском субстантивированные инфинитивы редки в фразеологизмах, фиксирующих иногда архаичные формы или лексические единицы. Из 629 фразеологических единиц, указанных в алфавитном индексе работы П. Гиро, только четыре содержат имена действия на *-ion*, из них два (*une petition de principe* и *une restriction mentale*) образованы под влиянием средневековой латыни и являются, по сути, кальками латинских оригиналов — *petitio principii* и *reservatio mentalis*, они относятся к литературе правового характера, и два фразеологизма (*l'abomination de la désolation* «вещь, шокирующая правила и обычаи» и *être à la portion congrue* «иметь достаточно для жизни») представляют собой фразеоло-

⁵⁰ P. Guiraud. Les locutions françaises..., стр. 44.

логизмы, образованные под влиянием языка церкви, литургии.

Современные западнороманские языки образуют имена действия, в основном, на базе развития латинского форманта *io*, *-ionis* (фр. *consolidation*, ит. *consolidazione*). Кроме того, инфинитив также обладает способностью субстантивироваться.

Но в то время как в западнороманских артикулированный инфинитив выполняет функцию имени действия, в молдавском языке он приобрел его качество. Качество имени действия в молдавском языке наблюдается в первых письменных памятниках. В Воронежском Кодексе, например, в его Глоссариуме зафиксировано большое количество инфинитивов, приобретших уже в XVI в. качество имени действия:

<i>адаужере</i>	‘добавление’	<i>похтире</i>	‘желание’
<i>адучере</i>	‘приношение’	<i>поменире</i>	‘упоминание’
<i>аскултаре</i>	‘послушание’	<i>протривире</i>	‘сопротивление’
<i>ернаре</i>	‘зимование’	<i>путере</i>	‘сила’
<i>фире</i>	‘натура’	<i>путрезире</i>	‘гниение’
<i>избэвире</i>	‘избавление’	<i>рэсипире</i>	‘распыление’
<i>испитире</i>	‘искушение’	<i>рэтэчире</i>	‘зablуждение’
<i>ивире</i>	‘явление’	<i>ребдаре</i>	‘терпение’
<i>юбире</i>	‘любовь’	<i>сэрутаре</i>	‘целование’
<i>ымпэкаре</i>	‘примирение’	<i>сфрэшире</i>	‘окончание’
<i>ынтребаре</i>	‘вопрос’	<i>скиынбаре</i>	‘изменение’
<i>ынвиере</i>	‘воскресение’	<i>спаржере</i>	‘разбивание’
<i>лепэдаре</i>	‘оставление’	<i>спуынрере</i>	‘сказание’
<i>лукраре</i>	‘свершение’	<i>стригаре</i>	‘крик’
<i>мынкаре</i>	‘еда’	<i>стропире</i>	‘поливка’
<i>мэнтуире</i>	‘спасение’	<i>учидере</i>	‘убиение’
<i>перире</i>	‘уничтожение’	<i>ведере</i>	‘видение’
<i>пэрэсире</i>	‘покидание’	<i>врере</i>	‘воление’
<i>пэрере</i>	‘мнение’		
<i>плэнжере</i>	‘оплакивание’		

Все приведенные 38 форм долгого инфинитива сохранили до настоящего времени качество имени действия, несмотря на то, что у некоторых из них появились семантические синонимы, как, например, *путере* — *форцэ*, вносящие дополнительные оттенки значения. Некоторые субстантивированные формы инфинитивов, зафиксированные в

Кодексе, были заменены впоследствии другими лексемами, как, например:

<i>досэдире</i> — <i>инжурие</i>	‘оскорбление’
<i>жюдекаре</i> — <i>трибунал</i>	‘трибунал’
<i>испрэвире</i> — <i>ындрептаре</i>	‘исправление’
<i>ынчиндере</i> — <i>априндере</i>	‘зажигание’
<i>ынпутаре</i> — <i>блестем</i>	‘проклятие’
<i>командаре</i> — <i>жертфэ</i>	‘жертвоприношение’
<i>кураре</i> — <i>алергаре</i>	‘бег’, ‘путь’
<i>мургуире</i> — <i>мырыире</i>	‘роптанье’
<i>обличире</i> — <i>дивулгаре</i>	‘обличение’
<i>образире</i> — <i>ынкипуире</i>	‘представление’
<i>прилежире</i> — <i>ынгрижире</i>	‘ухаживание’
<i>сэнтире</i> — <i>сфинцире</i>	‘священие’
<i>урэчуре</i> — <i>ураре</i>	‘пожелание’
<i>врэжбире</i> — <i>педесире</i>	‘наказание’,

другие же претерпели процесс переосмысления:

<i>зидире</i>	‘создание’
<i>фачере</i>	‘деяние’,
<i>ынтоарчере</i>	‘окружение’,
<i>прэвире</i>	‘зрелище’
<i>черчетаре</i>	‘посещение’
<i>добэндире</i>	‘наследство’
<i>слеире</i>	‘сливание’
<i>треметере</i>	‘послание’, ‘письмо’.

В процессе дальнейшего развития это качество инфинитива в молдавском языке стало основой развития именных синтагм. Структурная идентичность именных синтагм молдавского и русского языков, выражающаяся в развитии всех трех структурных парадигм, основывается, как уже было отмечено, на наличии падежной флексии, на развитии способов связи (предложных эквивалентов и графического выражения связи). Поскольку в синтаксическом плане синтагматика непосредственно связана с семантикой, можно подчеркнуть, что структурные типы представляют собой совокупность качеств определенных вышеназванных подтипов:

- 1) понятийным,
- 2) формальными
- 3) структурным.

Они представляются следующим образом.

1. понятийный	освободи-	лунта де	la lutte de
S + A	тельная	слибераре	l'élibération
S + S'	борьба		
2. формальный	мастерство	мэестрис	la maîtrise de
L + L	исполнения	де интер-	l'interprétation
		претаре	
3. структурный	а) решение	резолваря	—
а) Sa + S	задачи	проблемей	
б) S — S	б) слово—	кувынт—	mot-action
	действие	акциуне	

Понятийная модель синтагмы характеризуется общностью семантического плана; формальная модель содержит в себе понятийное единство и единство формы выражения; структурная модель содержит первые два плана, а также структуру формы выражения.

Именные синтагмы с точки зрения выражаемых отношений внутри компонентов приводятся на базе их релевантного признака — детерминации. Известно, что некоторые исследователи определяют внутрискруктурное отношение на базе способа связи. Более того, считается, что одной из центральных проблем синтаксиса является вопрос о критериях выявления типов синтаксической связи слов⁵¹. Выделяя три типа связей: подчинительную, сочинительную и предикативную, Л. С. Бархударов выявляет соответственно три типа отношений и словосочетаний — подчинительные, сочинительные и предикативные⁵².

На основании типов детерминации, характерных для внутрискруктурных отношений именных синтагм, отношение между компонентами именной синтагмы может быть **атрибутивным** или **объектным**.

⁵¹ Л. С. Бархударов. Структура простого предложения современного английского языка. М., 1966, стр. 35.

⁵² Там же, стр. 45; в работе представлена литература о двучленной, трехчленной (наиболее широко представленной в лингвистике, в том числе и в работе: И. И. Ревзин. Основные единицы синтаксического анализа и установления отношений между ними. «Структурно-типологические исследования». М., 1962, стр. 122—129) и четырехчленной схемах классификации типов связи, стр. 42—43.

1. атрибутивное—Attr.	1. сила проникновения	форца де пэтрундерс	la force de pénétration
2. объектное—Об.	2. организация труда	организаря мунчпй да	l'organisation du travail

Из выделенных типов синтагм специфичными для молдавского и русского языков являются атрибутивные и объектные синтагмы флективного типа структуры. Фактический материал молдавского языка дает возможность проследить развитие типов синтагм в процессе развития их структуры и внутривидовых отношений. Именная синтагма в языке до XX в. представлена следующими характерными сочетаниями:

ферман де ертаре (Нек.)
кэрць де ертаре (Нек.)
кэрць де скутялэ (Нек.)
кэрць де слобозие (Нек.)
стягурь де липкань (Нек.)
акт де виндере-кумпэраре
мижлок де скэпаре
мижлоачеле де ымпотривире ши де апэраре (Алекс.)
мэсурэ де лунжисе
мэсурэ де капачитате
ловире де лопець (Емин.)
ликэрире де сперанцэ
ликэрире де фок

моартя ку дулчяцэ
сомнул ку дулчяцэ

лукрурь де мират (Нек.)
воинцэ де неклинтит
суферинце де неынжикуит

богат де ань
богат де мерите
липсит де моштенире
путред де богат
лесне де жукат

ку драг де хойнэрит

фрумос ла ведере
бун ла мынкаре

Именная синтагма развивалась постепенно и расширяла свои структурные возможности и внутрискруктурные отношения. Если в приведенных примерах преобладает предложный тип именной синтагмы, главным образом с предлогом *де*, выражающий отношение атрибутивной детерминации, то в дальнейшем разворачиваются структурные возможности предложного инварианта, а также расширяется употребление флективного типа синтагмы; внутрискруктурные отношения наряду с атрибутивной детерминацией выражают объектное и субъектное дополнения. Имя действия в составе синтагмы языка до XX в. более характерно для глагольно-именных сочетаний. Для иллюстрации приведем примеры глагольно-именных синтагм простых и развернутых:

авя бунэ нэдежде (Нек.)
аре деприндера версурилор
аве оштире (Нек.)
авынд тречере ши чинсте (Нек.)
авусесе греутате (Нек.)
Н'ау леже а цинеря (Нек.)
неавынд штире (Урик.)
ва хи бирурия ши букурая крештинитэций (Нек.)
ал домнулуй е пэмынтул ши плиниря луй (Псалт.)

ста гата (Нек.)

фэкусэ гэтире маре де ошь (Нек.)
фэкусэ кувынт (Нек.)
ау фэкут штире (Нек.)
ау фэкут весте (Нек.)
ей фечерэ сфат (Нек.)

дам читире (Урик. Нек.)
а дат сама (Нек.)

а-шь луа гындирия (Тикт.)
де ла каре ной ам луат ынфшишцаря (Тикт.)

*вэдзусэ тэрия Москалулуй (Нек.)
вэдзынд сииа милэ ши немэрире*

адук пеуре (Нек.)

плэнуя ынфиинцаря уней конфедераций (Тикт.)

а прими ловириле (Алекс.)

с'ау гэтит де оштире (Нек.)

Шъ-ау ынкордат путериле спре лэмуриря луй

Сэ фие ынтру поменире

ау фэкут пентру поменире (Нек.)

плынжяу ку деспераре

а ынсэрчина ку фачеря унуй дикционар

цинтя ла фачеря унуй дикционар

ну ера ку мэрире (Нек.)

ку грэбире те-ай асвырли

а служи ку дряптэ кредиинца

а милуи ку о букатэ де лок

сэ мэртурисешть ла арэтаре (Нек.)

скотя ла примбларе

веняу ла кемаря ымпэратулуй

пуня ла кале

принде ла путере

стэту ла гындурь (Нек.)

Ера ын маре супэраре (Нек.)

Нич ын гынд ну-й ера (Нек.)

Ну ста ын нелукраре (Нек.)

Ту ешть сосинд, еу ын плекаре (Алекс.)

Возможно предположить, что в прошлом инфинитивные имена действия выполняли главным образом наречные функции глагольных детерминативов, а затем, по мере их большего привлечения в качестве именных детерминативов, глагольное преимущество постепенно стирается.

В языке нашего времени именная синтагма действия весьма продуктивна и выражает наряду с основным отношением атрибутивной детерминации отношение объектного дополнения и реже субъектного дополнения. Боль-

шинство именных синтагм (субстантивных и адъективных) представляют собой синтагматико-семантическое единство: *ынтродучере ын практикэ* 'введение в практику'; *даре ын эксплуатаре* 'ввод в эксплуатацию'.

Основные отношения флективных именных синтагм можно проиллюстрировать следующими синтагмами:

1. Атрибутивная

текстул адресэрий
ритмул реколтэрий
модул утилизэрий
авангарда мишкэрий
перспектива дезволтэрий
посибилитатя избук-
нирий
метода консультэрий
кестиуня ликвидэрий

комитетул пентру дезар-
маре

импулс пентру черчетаре

иновацииле че се реферэ
ла калитате

читиря ын колектив

трен ал приетенией
трен ал пэчий

2. Объектная

читиря тезелор
нечеситатя студийерий
луаря путерий
резолваря проблемей

активитате де популари-
заре
спирит де организаре
пропунере де рационали-
заре

3. Субъектная

кынтаря чифрелор

Во французском языке объектные отношения выражаются также именовыми синтагмами, способом связи внутри компонентов: являются предлог *de* или и предлог, и артикль

<i>intégration du mot</i>	<i>интеграря ку-</i>	<i>интеграция</i>
	<i>вынтулуй</i>	
<i>modification de la</i>	<i>модификар:и ва-</i>	<i>изменение</i>
<i>valeur</i>	<i>лорий</i>	<i>значения</i>

Атрибутивные отношения, помимо структуры предложного типа *la lutte pour la consolidation*, *лупта пентру консолидаре*, борьба за консолидацию выражаются и именной синтагмой инфинитивного типа *les moyens d'interdire*, *мижлоачеле де интерзичере*, способы запрещения.

Нулевая синтагма, представляющая развивающийся тип структуры, также выражает различные отношения.

В отдельных случаях предмет получает другое название, синтаксически находясь в отношении координации (*нава-спутник*), та же структура выражает общее синтаксическое отношение детерминации (*студент-медик*), нулевая структура может представлять и синтаксическое единство (*шкоалэ-тип*).

Аспекты грамматического определения

предмет — другое название	предмет — определение	едный предмет
<i>путь-дорога</i> <i>ум-разум</i>	<i>старуха-мать</i>	<i>хлеб-соль</i> <i>фабрика-кухня</i>
<i>планул-командэ</i> <i>де стат</i> <i>арма-ракетэ</i> <i>нава-спутник</i>	<i>студент-медик</i> <i>писатель-драматург</i> <i>комбайнул — корабиэ</i> <i>фарурь — флорь</i> <i>сабиэ — фулжер</i> <i>машинь — унелте</i>	<i>постурь-кее</i> <i>гындуерь-кее</i> <i>кувинте-кее</i> <i>шкоалэ-тип</i>

Нулевая структура именных синтагм приобретает определенную стилистическую окраску в художественной литературе, особенно при выражении детерминативного отношения:

Гындуерь — збучум (А. Лупан)
Сэбииле — стрэфулжераре албэ (Е. Лотяну)
Ворбе — холбуерь (Г. Менюк)
Фабричь — столурь, столурь } (М. Андриеску)
Фарурь — флорь
Поамэ — роуэ (Б. Истру)
Елан — путере (А. Лупан)
Браце — рэмуреле
Фрунзе — арипьюаре
Мэчиеш — жэратик (П. Крученюк)
Оризонтул — жянэ (Вит. Филип)

Выразительность структур этого типа особенно наглядна в синтагмах развернутого типа, например:

Комунизмул е кувинтул-акциуне (Б. Истру)
Кодрул — куйб ал Басарабией (Е. Буков)
Кодрул шь-а 'нкрунтат крэнжиле — рамурь (Е. Буков)

Темница капиталистэ... пэзитэ де турнурь-гяурь
Ку женеле-гратий'н гранит (Е. Буков)
Сынт мындру де тине, република мя
Ку кодрул — марамэ
Ку дойна — чишмя (В. Рошка)

Нулевой способ связи характерен для многих структур предикативного характера, причем структуры могут быть как простыми синтагмами, так и развернутыми синтагмами или микроструктурами. В отдельных случаях связь выражена графически, посредством тире. В публицистическом стиле и для неисследователя очевидна структура заголовков статей:

Ын аминтиря луй Г. И. Котовский
Ын аштептаря копишлор

Дескидеря конгресулуй
Декларация гувернулуй советик
Окротиря апелор

Атак ындрэзнец
Ансамблул «Жок» ын Югославия

Тирасполул — бируитор ын ынтречеря орашелор
Тоате мунчиле агриколе — ын комплекс
Фиекэрей ферме — нутрецуурь ын де ажунс

Можно привести и другие развернутые синтагмы с нулевой связью в художественной литературе:

Преоць — мунций марь
Пэсэрь — лэутарь (Миорица)

Релижия — о фразэ де дынший инвентатэ (Емин.)
Глосареле — лектурэ пасионатэ? (И. Балцан).

В этой связи представляют интерес развернутые именные структуры выражения мысли:
Солуция е уна — механизаря максимэ; Алег чя май ефикаче
кале спре а атинже скопул — крештеря континуэ а економией;

Инициатива базатэ не кunoаштеря лукрулуй, оперативитатя, спиритул ынтрепринзэтор, симцул ноулуй, причеперя де а фолоси ын фиекаре ситуацие конкретэ ку ын максимум де ефичиенцэ ресурсэле де продукцие — ын ачаста резидэ фондул ноий ексиженце

— — — — —

Из диалога с писательницей Раисой Лунгу («Молдова Сочалистэ»).

— *Деспре че мерже vorba ын «Винеря патимилор»?*

— *Лупта контра релижией, вяца школий, о драгосте, вяца унуй сат....*

— *Дар «Пояна»?*

— *...Кэрэрь фантастиче... Ынтылниря ку Кэлинул луй Еминеску.*

— — — — —

Активишть де вазэ... алфлаць ла ынкисоаре ши каре ау невое де ажуртор медикал

Локалитэць ситуате чева май департе, дар каре ынтрэ ын компоненца ачестуй колхоз

— — — — —

Ачаста ну е нумай о доринцэ. Е ши о даторие. О даторие а тутурор оаменилор.

Рассмотрев именные синтагмы молдавского языка в сопоставлении с именными синтагмами русского и французского языков, можно затронуть общетеоретический вопрос о развитии синтагм в языках аналитических и аналитико-флективных. Известно общее положение о том, что в аналитических языках, в частности во французском, английском, высказывание состоит из определенных синтаксических групп (*groupements fixes*), в отличие от латинского, в котором словосочетание не представляет структурной особенности предложения⁵³. На отдельные тенденции образования словосочетаний в латинском языке обращает внимание Р. А. Будагов (*prima luce* 'с рассветом', *alieno loco* 'в неблагоприятном месте', *alieno animo* 'враждебно' — «зависимые словосочетания, оформленные косвенным падежом») ⁵⁴. Одновременно в латинском языке име-

⁵³ См.: В. Н. Я р д е в а. Основной характер словосочетания в английском языке. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1947, № 6; В. Г. Г а к. О стяжении синтаксических групп во французском языке.— «НДВШ. Филол. науки», 1959, № 4.

⁵⁴ Р. А. Б у д а г о в. К теории отношений между словом, словосочетанием и предложением в латинском языке. «Исследования в

лись словосочетания с предлогами, о которых говорит финский романист В. Везэнэн⁵⁵, но они не приобрели характера неразложимости. Интересный пример из «Метаморфоз» Овидия приводит Р. А. Будагов: *Postquam saturno tenebrosa in Tartara misso*⁵⁶.

Современные синтагмы молдавского языка отличаются своим характером семантической неразложимости так же, как и синтагмы других языков.

При сопоставлении именных синтагм, в первую очередь синтагм действия, с соответствующими синтагмами русского языка выясняется, что, помимо общероманского предложного типа, главным образом с предлогом *de*, получили широкое применение другие предлоги в качестве способа связи между компонентами синтагмы, а также предложные эквиваленты, развились флективные синтагмы, ширится распространение нулевых синтагм. Субстантивированный инфинитив активно участвует в образовании именных синтагм действия. Эти внутривидовые процессы стали возможными на базе взаимодействия структурных закономерностей молдавского языка с влиянием моделей русского языка.

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ СИНТАГМЫ — SyVN

Рассмотрение этих синтагм молдавского языка проводится тем же основным сопоставительным методом, который применяется при исследовании именных синтагм, т. е. проводится сопоставление с русским — контактным и с французским — родственными языками.

Понимание синтагмы, принятое в настоящей работе, дано в разделе о взаимодействии в системе синтаксиса, понятие же глагольно-именной синтагмы требует пояснения. Поскольку синтагма бинарна, с точки зрения ее основных узловых компонентов, то само название глагольно-именная говорит о том, что данными узловыми компо-

области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961, стр. 33.

⁵⁵ V. V ä ä n ä n e n. Il est venu comme ambassadeur, il agit en soldat, et locutions analogues en latin, français, italien et espagnol. Essai de syntaxe historique et comparée. «Annales Academiae scientiarum fennicae». Ser. B, v. 73, 1. Helsinki, 1951.

⁵⁶ Р. А. Б у д а г о в. Указ. соч., стр. 28.

нентами являются глагол и имя. В отличие от именной синтагмы в глагольно-именной узловым центром является глагол, стержневым, так же, как и в именной, остается и'я. На этом основании рассматриваемые синтагмы именуется глагольно-именными (ср. молд. *дуче ла ымбунэтэцире*, рус. *ведет к улучшению*, фр. *mène à l'amélioration*).

Таким образом, глагол, так же как и имя, является потенциальным родоначальником синтагм. Известно, что на синтаксическом уровне в романских языках г л а г о л группирует вокруг себя м е с т о и м е н и е (заменитель существительного при глаголе), н а р е ч и е (или прилагательное глагола) и с о ю з ы (соединяющие два предложения, и следовательно, и два глагола), в то время как с у щ е с т в и т е л ь н о е имеет в зависимости а р т и к л ь, д р у г о е с у щ е с т в и т е л ь н о е, п р и л а г а т е л ь н о е и п р е д л о г и ⁵⁷.

Вместе с тем во многих языках существительное, само или с предлогом, все больше расширяет свою сферу применения, главным образом при глаголе. Кроме того, оно, так же как и глагол, может выражать действие (ср. молд. *ынтраре ын функциуне*, рус. *ввод в действие*, фр. *entrée en fonction* ⁵⁸). Имя действия становится детерминативом глагола и образует глагольно-именные синтагмы.

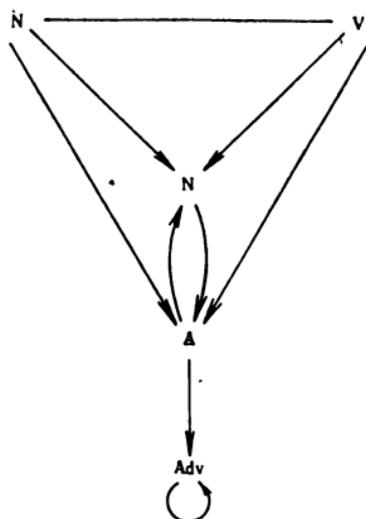
Таким образом, система и м е н н ы х д е т е р м и н а т и в о в д е й с т в и я приобретает новое качество г л а г о л ь н ы х. Исследование глагольно-именных синтагм необходимо начать с в ы я в л е н и я т и п о в синтагм, а затем перейти к рассмотрению их структуры, к определению структурных парадигм и выражаемых отношений.

1. Выявление типов глагольно-именных синтагм проводится методом разложения предложения на элементарные структуры-синтагмы. Заданное или базисное предложение должно выражать развернутое предложение, имеющее в качестве своих структурных узловых центров имя и глагол.

Исследуя вопрос о возможности расчленения языка на элементарные структуры и о типологической характеристике этих структур, Б. А. Успенский выделяет две вер-

⁵⁷ См.: E. L e g r a n d. *Stylistique française*. Paris, 1924, стр. 2—4.

⁵⁸ См.: A. L o m b a r d. *Les constructions nominales dans le français moderne*.— Автор выделяет новый тип сочетания на базе трех имен: *mise, prise, entrée (mise en vigueur)*, стр. 113.

В настоящем графе очевидна возможность глагола, так же, как и существительного, разворачиваться при помощи существительного и прилагательного; специфическим по отношению к существительному остается только способность определения посредством наречия, способность, которой обладает и прилагательное. На основании этого графа можно подчеркнуть наличие в русском языке глагольно-именных синтагм наряду с именными, представляющих общесинтаксические единицы, которые могут иметь свои эквиваленты в других языках, в частности молдавском и французском, схема, по сути, останется той же.

Предложенный Б. А. Успенским схематический граф подтверждается фактическим материалом молдавского языка, исследуемым методом расчленения, т. е. от большего к меньшему, от единицы-максимум к единице-минимум (термины Поливанова), причем выделяются лишь заданные единицы-максимум или макроструктуры.

Таким образом, в дальнейшем исследовании проводится через анализ и синтез заданных предложений глубиной в несколько синтагм. В качестве ядра исследования берутся синтагмы — именные и глагольно-именные. Такой выбор объясняется тем, что синтагмы представляют типологический критерий элементарных структур языка: в пределах простой максимально развернутой фразы основную функциональную нагрузку несут именные или глагольно-именные синтагмы. Говоря о глагольно-именных синтагмах, следует разграничить синтагмы, представля-

ющие свободные сочетания (*дуче ла неуре*) от устойчивых словосочетаний в семантическом плане (типа *траже нэдежде*). Одновременно можно заметить, что отдельные синтагмы имеют тенденцию к приобретению характера устойчивости. Для проведения анализа и синтеза глагольно-именных синтагм проводится их выявление методом разложения предложения критерием детерминации. Следовательно, исследование ведется не от заранее заданных синтагм, а путем выявления их на базе единого критерия детерминации. В результате разложения предложения выявляются как именные, так и глагольно-именные синтагмы, причем именные относятся как к субъекту, так и к предикату, а глагольно-именные только к предикату. Если исходить из их основной функции, именные синтагмы образуют субъектные микроструктуры, глагольно-именные — предикатные. Общим различительным признаком выделенных синтагм является определенная внутренняя структура сочетания, представляющая единицы меньшие, чем предложение.

Разложение предложения проводится на базе фактического материала, при выделении по 10 развернутых предложений из: 1. И. Н е к у л ч е. Летописи; 2. А. Д ы р у л. Черчетэръ асупра препозицией ын лимба молдовеняскэ. Кишинэу, 1963; 3. Н. Н. П р о к о п о в и ч. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1964; 4. M a r c e l C r e s s o t. La style et ses techniques, 5-e éd. Paris, 1963; 5. F. S ă d e a n u. Paralele româno-spaniole în sintaxa verbului. «Studii și cercetări lingvistice», № 2, 1967.

В целом проводится разложение 50 предложений. Схематично отношение взаимозависимости обозначается знаком (\leftrightarrow), таковое имеется между субъектом и предикатом, отношение односторонней зависимости — стрелками $\uparrow\downarrow$ и отношение сочинения линией — (между однородными членами). Синтагмы, относящиеся к субъекту, именуется субъектными, относящиеся к предикату, — предикатными. Затем проводится разложение синтагм субъектных и предикатных для выявления их структуры.

Известны различные схемы, предложенные лингвистами для представления структуры синтагмы. Формализация возможна как на основе схем, так и на основе лингвистической нотации компонентов и способа связи.

Здесь применяются оба метода. Обычная схема в виде

«дерева» применяется при изучении английского языка, она встречается и у советских исследователей (в частности, в вышеприведенном графе Б. А. Успенского). Для разложения синтагмы представляется более целесообразной схема, предложенная А. Фреем⁶². Схема Фрея основана на вышеназванных трех аспектах отношения (взаимозависимость, односторонняя зависимость и сочинение), которые графически выражаются следующим образом: взаимозависимость

je / \ pense;

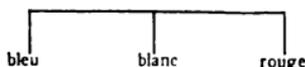
фигура девиации (/) выражает одностороннюю зависимость, которая может быть двойкой: определяемый — определяющий и определяющий — определяемый:

отношение сочинения выражено схемой весов; причем сочинительный союз относится к одному из компонентов:

в отношении сочинения может быть более двух компонен-

Таковой представляется основная схема Фрея. Возможные дополнения будут использованы по необходимости. После выявления всех возможных структур проводится их формализация посредством второго метода — нотации по классам компонентов и способа связи, и выявляются основные типы синтагм для молдавского, русского и французского языков. Затем проводится внутрискруктурный анализ синтагм по двум основным показателям: способу связи и позиции. Выявляются дифферен-

⁶² Н. F r e i. Modes de réduction des syntagmes. «Cahiers Ferdinand de Saussure». Genève, 1966, 22, стр. 41—51.

циальные признаки синтагмы каждого языка и на этой основе подчеркивается как общее, так и различное. В качестве одной из различительных черт выделяется большая линейность структуры французского языка по отношению к молдавскому и русскому.

После внутрискрутурного анализа исследуются функции тождественных структур, так как известно, что тождественные структуры могут иметь тождественные функции или наоборот; кроме того, тождественные структуры с тождественными функциями могут быть в одном языке доминантными, в другом — периферийными.

Выбор текстов для исследования продиктован следующими мотивами. Наличие моделей русского языка в публицистике, в первую очередь в официальной переводной литературе, можно объяснить влиянием оригинала. Но эти же модели встречаются и в других стилях — художественной литературе, научной и т. д. Для аргументации этого положения используются работы научного стиля. Поскольку историография также относится к аспекту научного стиля, а И. Некулче является одним из ее лучших представителей в языковом отношении, для сопоставления с языком XVIII в. привлекается летопись И. Некулче. Выбор научного стиля обусловлен еще и следующим. Говоря о новых синтаксических конструкциях румынского языка, являющихся «в большинстве своем кальками из русского языка», авторы морфологии современного румынского языка приводят следующие примеры этих калек: *activ de partid* 'партийный актив', *lagărul țărilor socialiste* 'лагерь социалистических стран', а *duce munca* 'проводить работу', а *elibera dintr'o funcțiune* 'освободить от должности', а *ridica nivelul* 'поднимать уровень', а *fi pe linie* 'быть на линии', а *lucra pe linie de partid* 'работать по партийной линии', а *și lua angajamentul* 'взять обязательство', а *transpune în viață* 'проводить в жизнь'. Одновременно подчеркивается, что в языке политической жизни и в публицистике преобладают лексические и синтаксические модели русского языка, в то время как в научной и технической литературе и в языке литературной критики наблюдается влияние французского и английского языков⁶³.

⁶³ Iorgu Iordan, Valeria Guțu-Romalo, Alexandru Niculescu. Structura morfologică a limbii române contemporane. București, 1967, стр. 12.

В настоящее время большой удельный вес в литературном языке приобретает стиль научной литературы⁶⁴. Это положение представляется спорным. Доминантным на современном этапе можно считать публицистический стиль, во всех его проявлениях—письменных и устных, так как в большинстве своем основная масса носителей языка приобщается к литературной норме в первую очередь через газету, радио, телевидение, в которых представлен и научный стиль. Кроме того, можно заметить, что структуры, которые приводятся в качестве примеров в выше-названной работе, относятся к языку в целом, а не к его отдельному стилю.

Рассмотрим фактический материал: вначале — предложения летописи И. Некулче⁶⁵, а затем современного языка, привлекая помимо материалов молдавского, русского и французского научных стилей, также и румынские.

Предложения из летописи И. Некулче транскрибируются русским алфавитом современного молдавского языка.

1. Ачештиє ера боиєрий луй Думитрашко-водэ ынтэю;
2. Яр май де крединцэ ши май алес тоате требиле домниє ера дупэ мине, Иоан Никулче вел-спатар;
3. Кэ ашэ сэ арэта де бун ши де блынд!
4. Атунче ау скос пре царэ 2 чвертурь, баний стягулуй;
5. Ашиждере ши мазылилор ли-ау скэдзут тот пре жюмэтате ши май бине дэждииле;
6. Ши ел апой й-ау иертат;
7. Деч боиєрий, вэдзынд аше милэ ши немэрире, ынчепусэ тоць а сэ липи ши а-л лэуда;
8. Ера омў ынвэцат;
9. Деч де ла Брэила кэра цара пыйне ла Тигине;
10. Деч ера прэ ын вал ши ын маре супэраре.

Из 23 предложений на стр. 260 девятнадцатой главы летописи десять выражают простые развернутые суждения, остальные относятся к сложным развернутым типам коммуникации. И эти десять в большинстве своем представляют собой выражение продолжения мысли, изложенной в предыдущем высказывании. Эта связь с предыдущим

⁶⁴ Там же, стр. 16.

⁶⁵ Ion Neculce — *Letopisețul țării Moldovei*. București, 1955. Cap. XIX. *Domnia lui Dumitrașco-Cantemirū-Voevoda în anul 7219*, стр. 260—261.

выражена вступительными словами *яр, кэ, атунче, ашиждере, ши*, что напоминает способ изложения, характерный для религиозных текстов, подчеркнутый в разделе о славяно-молдавских языковых отношениях на различных хронологических срезах.

Если рассмотреть большой отрезок — 20 страниц (260—280), то можно найти 61 простое развернутое предложение из общего количества 393, или 15,52%. Можно заметить, что сложные развернутые суждения характеризуют способ изложения И. Некулче. Из десяти приведенных предложений шесть представляют собой предикатные микроструктуры. Субъектные микроструктуры содержат четыре высказывания, они выражены как лексическими единицами *ачештие, ел, цара*, так и синтагмами: простыми — *Иоан Никулче вел-спатар* и развернутыми или микроструктурами — *боиерий луй Думитрашко-водэ ынтяю, боиерий (тоць) вэдзынд аша милэ ши немэрире*. В последнем примере герундий *вэдзынд*, выполняя функцию именного детерминатива, сохраняет глагольное управление: *вэдзынд аша милэ ши немэрире*.

Предикатных микроструктур, по сути, столько же, сколько и высказываний, а некоторые высказывания в целом, как уже было отмечено, представляют собой предикатные микроструктуры:

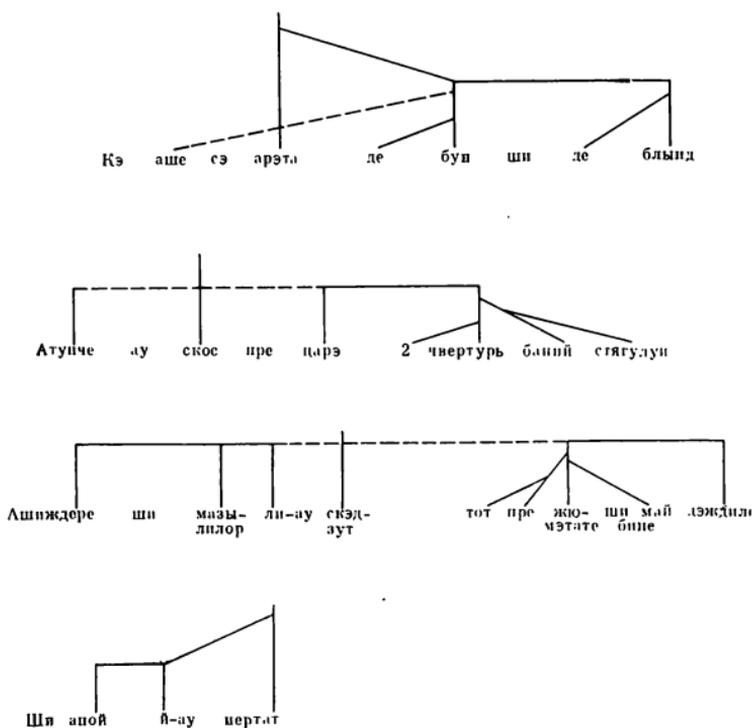
1. Ачештие ера;
2. Яр май де крединцэ ши май алес тоате требиле домнией ера дупэ мине;
3. Кэ ашэ сэ арэта де бун ши де блынд;
4. Атунче аускос прецарэ 2 четверть, баний стягулуй;
5. Ашиждере ши мазылилор ли-ау скэдзут тот пре жюмэтате ши май бине дэждииле; 6. Ши апой й-ау иертат;
7. Деч ынчепусэ а сэ липи ши а-л лэуда;
8. Ера ому ынвэцат;
9. Деч де ла Брэила кэра пыйне ла Тигине;
10. Деч ера прэ ын вал ши ын маре сучэраре.

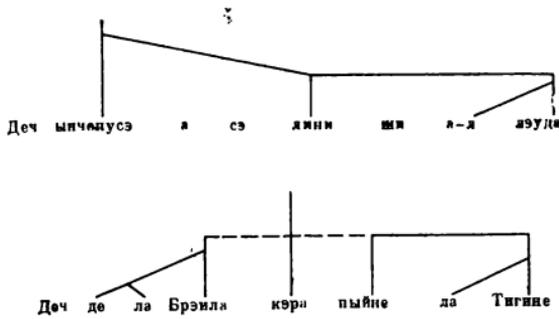
Как можно заметить, предикатные микроструктуры представлены именной и глагольной предикацией. Именная предикация простая: *ачештие ера* или с предикативным именем, выраженным простой синтагмой *ера ом ынвэцат* — не требует особого пояснения, ее структура прямая (*ера ом ынвэцат*) и обратная (*ачештие ера*) с позиционной точки зрения наличествует во всех видах выска-

званий языка. В развернутой именной микроструктуре *ера прѐ ын вал ши ын маре супэраре* предикативное имя выражено двумя синтагмами *ын вал* и *ын маре супэраре* с общим адвербиальным детерминативом *пре*. Также развернутый тип именной предикатной микроструктуры представляет *яр май де крединцэ ши май алес тоате требиле домнией ера дупэ мене*, в которой предикативное имя выражено тремя синтагмами: двумя простыми *май де крединцэ* и *дупэ мене* и одной развернутой — *май алес тоате требиле домнией*. С позиционной точки зрения они находятся и в пре- и в постпозиции к вспомогательному глаголу *ера*.

Рассмотренные именные предикатные микроструктуры дают возможность подчеркнуть, что в их структуре наличествуют именные синтагмы, простые и развернутые, которые не относятся к системе детерминативов предикатных микроструктур. Систему детерминативов, следовательно, можно наблюдать у предикатных микроструктур с глагольной детерминацией.

Для выявления глагольных детерминативов проведем разложение этих микроструктур по вышеизложенной схеме Фрея.

В приведенной схеме наглядно представлена структура детерминативов по отношению к глаголу. С позиционной точки зрения наличествуют все имеющиеся возможности: препозиция, постпозиция и одновременно пре- и постпозиция. Характерный глагольный детерминатив — наречие предпочитает препозитивное положение (*атунче, ашиждере, апой*). Именные глагольные детерминативы, с которыми глагол образует глагольно-именную синтагму, различны по своей структуре; можно выделить следующие глагольно-именные синтагмы: *ау скос пре царэ, ау скос 2 чвертурь баний стягулуй, ау скэдзут дэждиле, мазылилор ли-ау скэдзут, ау скэдзут тот пре жюмэтате ши май бине, кэра пыйне, де ла Брэила кэра, кэра ла Тигине*. Эти синтагмы представляют два типа структур: $V + S$ и $V + P + S$.

Рассматривая предикатные синтагмы с точки зрения внутрискруктурных отношений, следует учитывать тот факт, что характерным внутрискруктурным отношением предикатных микроструктур является дополнение (объектное или обстоятельственное), как основной признак предикации. В выделенных глагольно-именных микроструктурах можно заметить, что из восьми структур в четырех выражено объектное дополнение: *ау скос 2 чвертурь, ау скэдзут дэждиле, мазылилор ли-ау скэдзут, кэра пыйне* и в четырех обстоятельственное: *ау скос пре царэ, ау скэдзут тот пре жюмэтате ши май бине, де ла Брэила кэра, кэра ла Тигине*.

Как можно заметить, отношение объектного дополнения выражено структурной формулой $V + S$, а обстоятельственного — формулой $V + P + S$.

Рассмотрим теперь структуру высказывания и выражаемое отношение в современном языке ⁶⁶. Выделим следующие десять предложений:

⁶⁶ А. Дырул. Черчетэрь асупра препозиций ын лимба молдовеняскэ. Кишинэу, 1963 префаца, стр. 3—5.

1. Ау апэрут де асемэня лукрэрь консакрате студиерий препозиции лор ын лимбиле романиче де рэсэрит.

2. Аич примеле лукрэрь ынсемнате привинд проблема датэ ау апэрут конкомитент — пе ла ынчепутул секолулуй ХХ.

3. Мажоритатя етимоложиилор пропусе де ел сынт инконтестабиле.

4. Ауторул се окупэ де асемэня де етимоложия ачестор препозиций.

5. Ор, студиеря препозициилор е легатэ де резолваря унуй шир ынтрег де проблеме де граматикэ.

6. Ын черчетэриле ултериоаре де о деосебитэ атенцие с'а букурат проблема фолосирий препозицией пе лынгэ объектул директ.

7. Ун шир ынтрег де кестиунь привинд студиеря препозициилор сынт абордате ын лукрэриле апэруте ын ултимий ань.

8. Ынсэ пынэ акум ынкэ ну с'ау фэкут тоталуриле апортурилор ын ачест домениу.

9. Афарэ де ачаста, нумероасе кестиунь привинд категория датэ рэмын ын умбрэ ши пынэ ын презент.

10. Лукраря датэ, ынсэ, ну епуизязэ нич еа комплексул де проблеме легате де студиеря препозицией.

Для проведения сопоставления выделим также по десять предложений научного текста русского, французского и румынского языков ⁶⁷.

1. Проблемы сочетаемости слов можно рассматривать как в синтаксическом аспекте, так и в лексикосемантическом.

2. В этой книге речь идет о синтаксических сочетаниях слов: грамматической природе словосочетаний, отношении их к слову и к предложению, закономерностях и приемах их построения.

3. Этот аспект, конечно, тесно связан со вторым аспектом.

4. Этим обусловлено большое внимание к лексико-семантическим факторам, влияющим на построение словосочетаний и взаимодействующим с факторами грамматическими.

⁶⁷ Н. Н. П р о к о п о в и ч. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966 (от автора, стр. 3); Marcel Cressot. Le style et ses techniques. 5-e ed. Paris, 1963, стр. 1—3; Florența Sădeanu. Paralele româno-spaniole în sintaxa verbului. «Studii și cercetări lingvistice», 1967, № 2, стр. 203—207.

5. Отечественная и зарубежная литература по вопросам сочетаемости слов велика.

6. Однако многие весьма важные проблемы не получили еще достаточно полного освещения и общепризнанного решения.

7. На осуществление этой важной и трудной задачи направлена эта книга.

8. Книга состоит из двух самостоятельных, но тесно связанных и друг друга дополняющих частей.

9. В первой из них рассматриваются вопросы теории словосочетания.

10. Вторая — посвящена анализу и описанию сочетаний слов, образуемых именами прилагательными в качестве стержневого слова.

1. Le fait stylistique est donc d'ordre à la fois linguistique, psychologique et social.

2. La considération de la conscience linguistique du destinataire n'est pas le seul facteur qui joue.

3. Cette hiérarchisation de nos modes d'expression est encore réglée par le cadre même de la communication.

4. Un discours de réunion publique ne saurait revêtir l'allure d'un discours académique.

5. Tel sera le principe fondamental de l'analyse stylistique.

6. Notre tâche est d'interpréter le choisi fait par l'usager dans tous les compartiments de la langue eu vue d'assurer à sa communication le maximum d'efficacité.

7. L'on pourrait être tenté de ne considérer que les moyens strictement expressifs.

8. L'adhésion n'est pas seulement provoquée par la solidité, la vigueur, le dynamisme de l'énoncé.

9. Le charme de la communication, le plaisir apporté au destinataire est aussi un facteur d'adhésion...

10. Elle n'est cependant pas un art d'écrire.

1. Numeroși cercetători români au fost atrași de problema asemănărilor dintre cele două limbi de la extremitatea romaniei: spaniola și româna.

2. În lucrarea de față ne propunem să relevăm câteva aspecte dintr-un domeniu mai puțin atins de studiile anterioare, probleme din sintaxa verbalului.

3. Atît româna cît și spaniola posedă diferite procedee pentru exprimarea aspectului verbal.

4. În ambele limbi aceasta se realizează fie prin mijloace morfologice: diferite valori ale timpurilor, fie prin mijloace lexicale.

5. Dintre acestea din urmă fac parte îmbinările cu verbe care exprimă ideea de începere, continuare sau terminare a acțiunii.

6. Aspectul durativ îmbinat cu ideea de intensitate a acțiunii se exprimă în româna și spaniola — mai ales în vorbirea familiară și populară — prin imperativul singular al verbului *dare* repetat și urmat adesea de pronumele personal de pers. 2 la dativ.

7. Aceste construcții verbale nu sînt moștenite din latină, limbă care posedă alte mijloace lexicale pentru exprimarea aspectului incoativ sau durativ (sufixe, prefixe).

8. În spaniola și în româna se întîlnesc, de asemenea, ambele forme (activul și pasivul) pentru exprimarea impersonalului.

9. În spaniolă, exemplele din limba veche în forma de plural a lui *decir* au mai ales sensul «a numi», «a chema», ca cele din latină.

10. În limba română situația este foarte mult asemănătoare.

Субъектные микроструктуры в выделенных предложениях выражены так же, как и в летописи И. Некулче, лексическими единицами: *ауторул, книга, вторая, l'adhésion, elle*, aceasta, situația; а также синтагмами, простыми и развернутыми, в которых детерминанты находятся в пост- и препозиции. Большинство субъектных микроструктур представляет собой развернутые синтагмы. Простых синтагм сравнительно меньше. Это следующие: *студия пререпозиция, le fait stylistique, этот аспект, эта книга, notre tâche*.

Развернутые синтагмы представляют собой микроструктуры, в которых детерминанты находятся в постпозиции или в пре- и постпозиции. В выделенных структурах имеется всего один пример препозиции, в русском языке: *многие весьма важные проблемы*; это говорит о том, что препозиция детерминантов в субъектных микроструктурах не является характерным признаком для всех языков.

С точки зрения позиции детерминантов выделяются главным образом постпозитивные и пре- и постпозитивные структуры.

1. Постпозитивные

Лукрэрэ консакрате студийерий препозициилор ын лимбиле романиче де рэсэрит.

Мажоритатя этимоложиилор пропуе де ел

Проблема фолосирий препозицией не лынгэ обьектул директ

Ун шир ынтрег де кестиунь привинд студийера препозициилор

Тоталуриле апортурилор ын ачест домениу

Лукраря датэ нич еа

Проблемы сочетаемости слов

Вопросы теории словосочетания

La considération de la conscience linguistique du destinataire

Un discours de reunion publique

Le principe fondamental de l'analyse stylistique

Le charme de la communication, le plaisir apporté au destinataire

Imbinările cu verbe care exprimă ideea de începere, continuare sau terminare a acțiunii

Aspectul durativ îmbinat cu ideea de intensitate a acțiunii

Exemplele din limba veche în forma de plural a lui *decir*

2. Пре- и постпозитивные

Примеле лукрэрэ ынсемнате привинд проблема датэ

Нумероасе кестиунь привинд категория датэ

Большое внимание к лексико-семантическим факторам, влияющим на построение словосочетаний и взаимодействующим с факторами грамматическими

Отечественная и зарубежная литература по вопросам сочетаемости слов

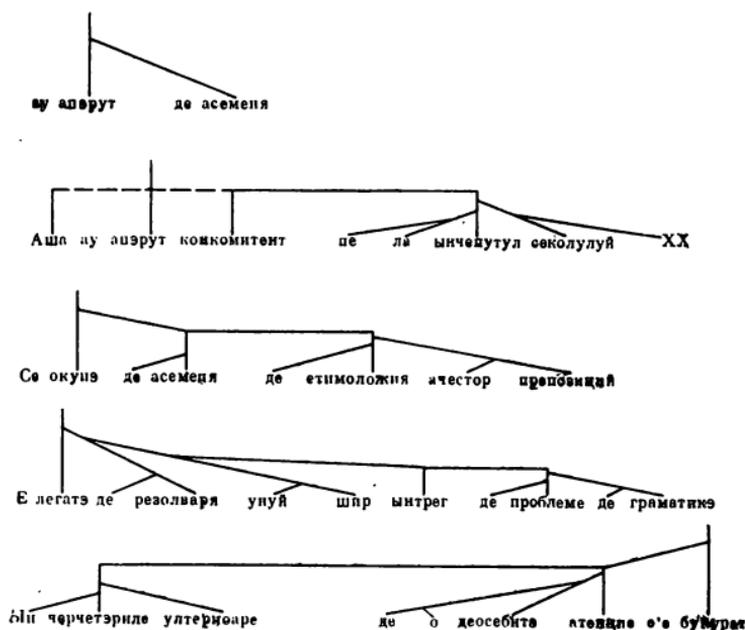
Cette hiérarchisation de nos modes d'expression

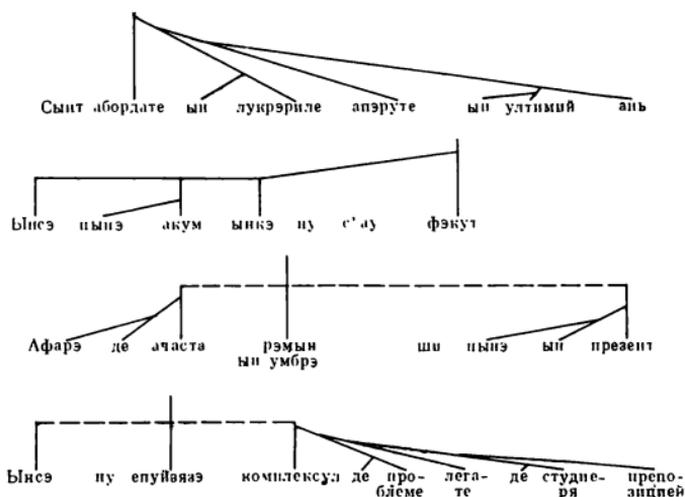
Numeroși cercetători romîni

Atît romîna cît și spaniola
 Aceste construcții verbale
 Ambele forme (activul și pasivul)

Постпозиция детерминантов в субъектной микроструктуре придает всей структуре линейный характер, что относится к романским языкам; вместе с тем наблюдается и нарушение линейности развитием пре- и постпозитивных структур. Общий характер субъектных микроструктур представляет интерес для сопоставления с предикатными микроструктурами. В выделенных предложениях четырех языков предикатные микроструктуры образованы на базе именной и глагольной предикации (так же, как это было отмечено в летописи И. Некулче). Имеются именные предикатные микроструктуры без детерминации — *сынт инконтестабиле, велика, sera tel* или с детерминантами, относящимися к предикативному имени — *n'est pas le seul facteur qui joue, este asemănătoare foarte mult*.

Для выделения глагольно-именных синтагм представляют интерес предикатные микроструктуры, образованные на базе глагольной предикации. С целью выяснения их структуры проведем разложение данных структур по схеме Фрея:

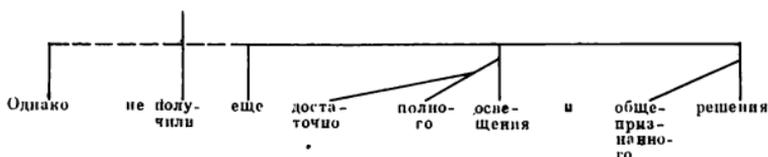
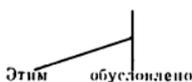
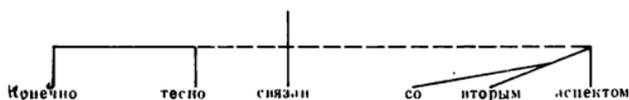
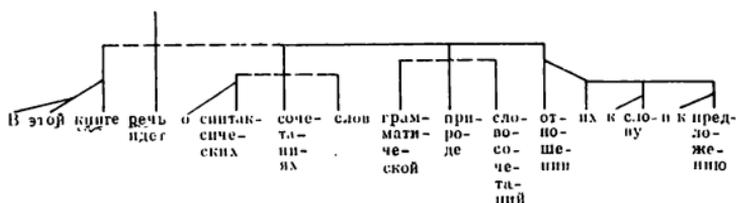
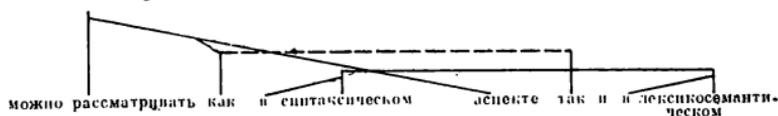
Если сопоставить эту схему с предложенной ранее, представляющей высказывания из летописи Некулче, то обращает на себя внимание большое количество косых линий внутри основных обозначений детерминативов, что говорит о наличии дополнительных средств глагольной детерминации.

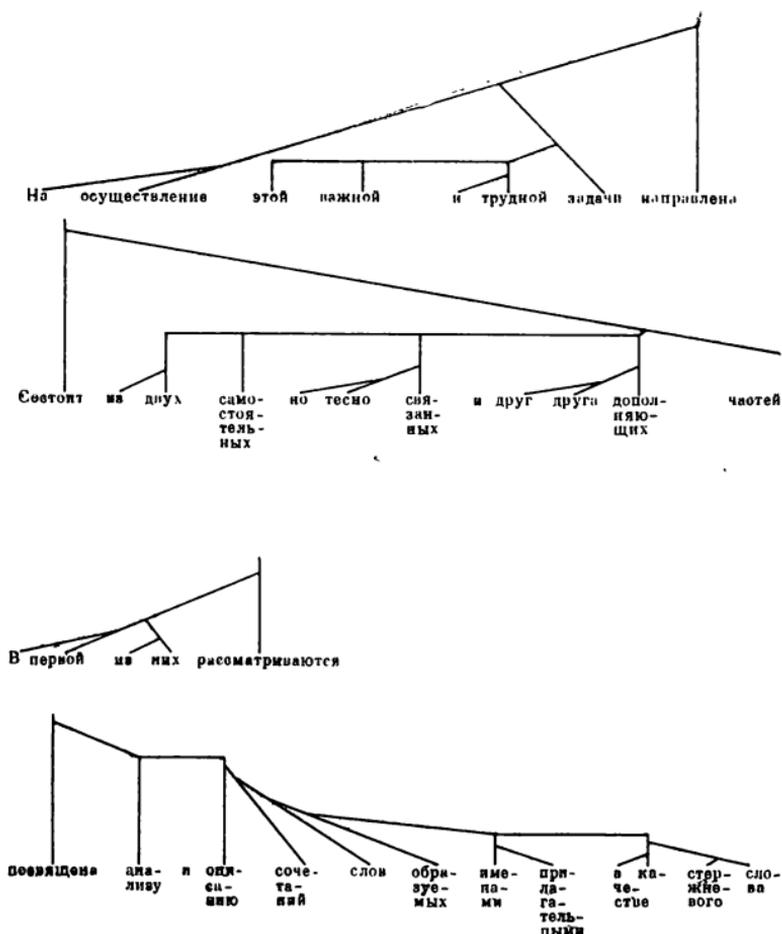
Простые адвербиальные детерминанты *аич*, *конкоми-тент*, *ынсэ*, *ынкэ* при схематичном обозначении не нуждаются в дополнительных линиях, именные детерминанты глагола могут обозначаться также без дополнительных линий *ну епуйязэ комплексул*, выражая объектное дополнение, или с дополнительными линиями, выражая обстоятельственное дополнение: *ау апэрут не ла ынчепутул секолулуй ХХ*, *се окупэ де етимоложия ачестор препозиций*, *е легатэ де резолваря унуй шир ынтрег де проблеме де граматикэ*, *ын черчетэриле ултериоаре с'а букурат*, *де о деосебитэ атенцие с'а букурат*, *сынт абордате ын лукрэриле апэруте ын ултимий ань*, *афарэ де ачаста рэмын ын умбрэ ши пынэ ын презент*.

Можно заметить широкое развитие глагольно-именных структур, выражающих обстоятельственное дополнение.

Предикатные микроструктуры носят скорее циркулярный, чем линейный, характер, так как детерминанты развернуты и позиционно не ограничены.

Предикатные микроструктуры русского текста разлагаются следующим образом:

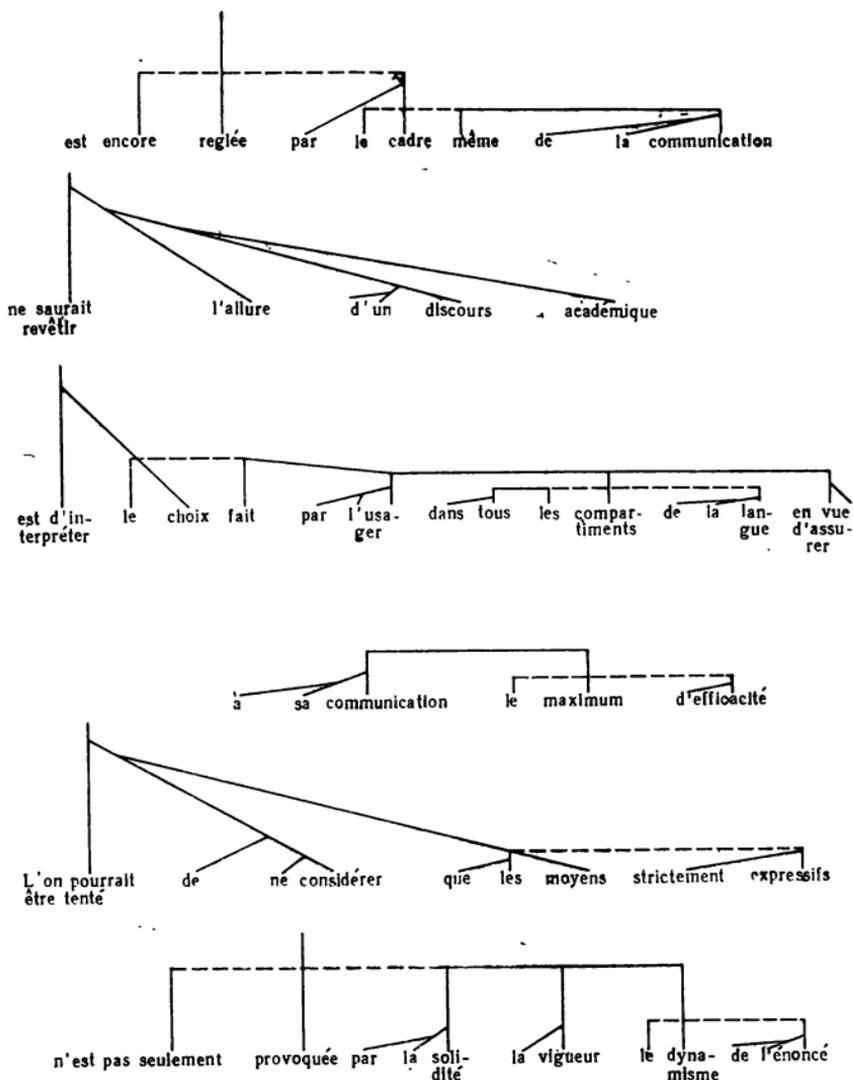
Как можно заметить, предикатная микроструктура представляет собой развернутую схему внутри глагольной детерминации. Глагольно-именные синтагмы, выражающие объектное дополнение, имеют структурную формулу $V + S$: *не получили освещения, посвящена анализу*, а выражающие обстоятельственное дополнение — формулу $V + P + S$; *можно рассматривать в аспекте, в этой книге речь идет* и т. д.; аналогичное соотношение формулы структуры и выражаемого отношения отмечено и в молдавском языке.

Рассмотрим предикатные микроструктуры французского языка.

Следует заметить, что предикатная микроструктура, образованная на базе именной предикации, так же как в молдавском и русском, характеризуется детерминацией предикативного имени: *est donc d'ordre é la fois linguistique*,

psychologique et social, n'est pas le seul facteur qui joue, est aussi un facteur d'adhésion, n'est pas cependant un art d'écrire, наличие же и адвербиальных детерминативов donc, à la fois, aussi, cependant говорит о том, что глагол *être* может сохранить свое семантическое содержание.

Предикатные микроструктуры, образованные на базе глагольной предикации, можно разложить следующим образом:

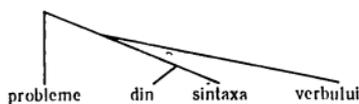
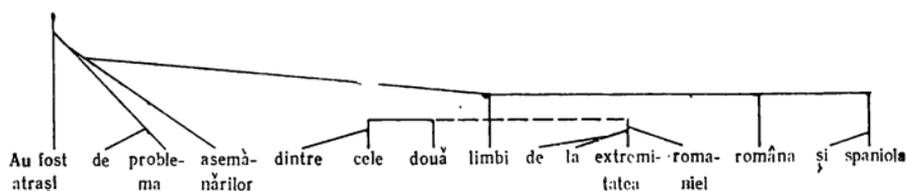

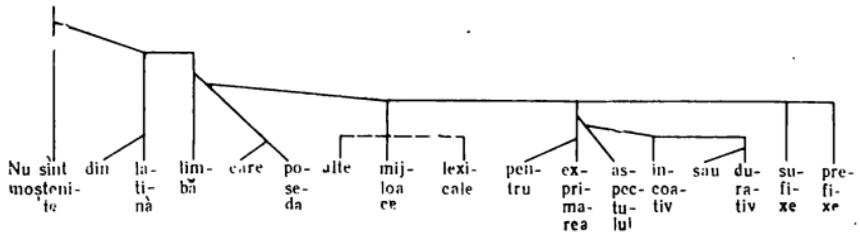
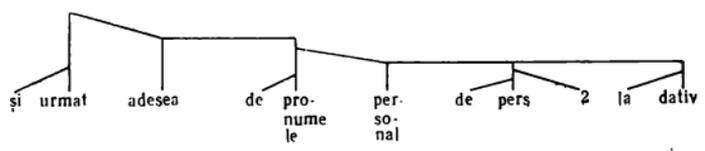
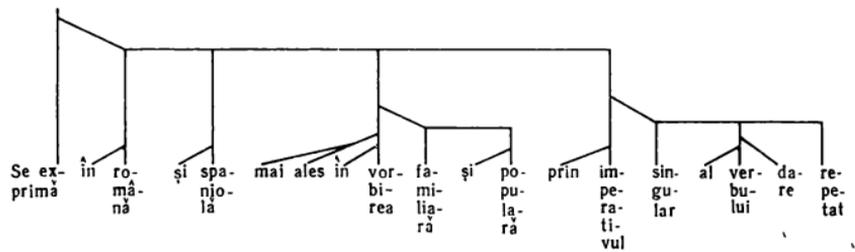
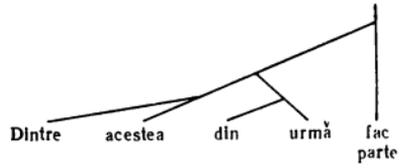
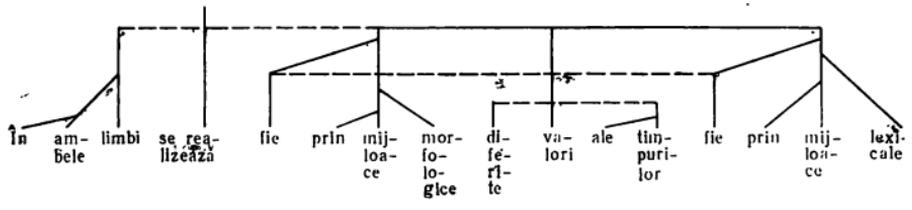
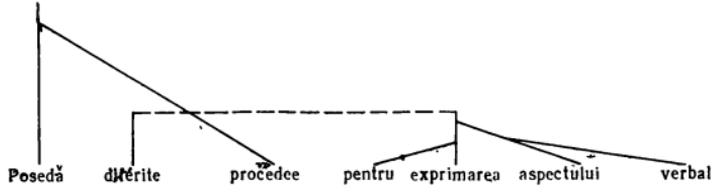
В схеме предикатной микроструктуры французского имеется большее количество косых малых линий. Это объясняется тем, что артикль относится также к детерминанту имени и *le, même, et de la communication* являются детерминантами *cadre*.

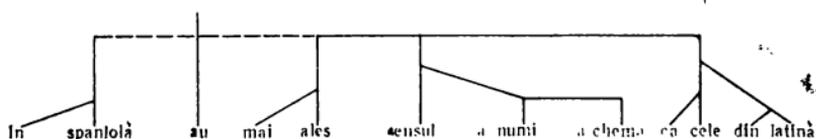
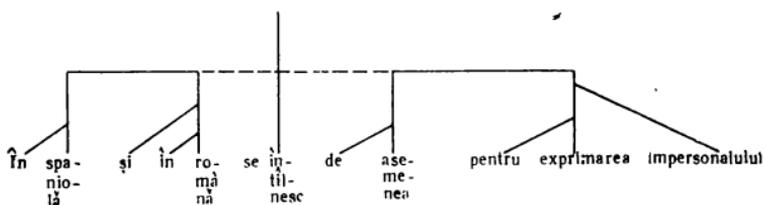
Выделив глагольно-именные синтагмы, можно подчеркнуть, что формулы структуры те же, что и в молдавском и русском: $V + S - ne\ saurait\ revêtir\ l'allure,\ est\ d'interpréter\ le\ choix$ и $V + P + S - est\ réglée\ par\ le\ cadre,\ n'est\ pas\ provoquée\ par\ la\ solidité$. К этим двум формулам добавляется характерная для французского языка $V + Inf.: l'on\ pourrait\ être\ tenter\ de\ ne\ considerer,$ имеющаяся и в молдавском и русском языках.

Соотношение структуры и выражаемого отношения также идентично русскому и молдавскому, за исключением обязательного присутствия артикля при объектном отношении, в то время как в молдавском артикль может отсутствовать. Можно заметить также большую развернутость структуры текста французского языка.

Для более широкого анализа рассмотрим также предикатные микроструктуры румынского текста, образованные на базе глагольной предикации.

Сложная схема предикатной микроструктуры румынского текста говорит о широкой системе детерминации внутриглагольных детерминативов, а наличие пунктиров в схеме подчеркивает более циркулярный характер структуры.

Помимо общих замечаний по структуре и выражаемых ею отношений в выделенных предложениях четырех текстов, которые наглядно вытекают из предложенных схем, выявляются глагольно-именные синтагмы, простые и развернутые, и их языковая формула.

Молдавский язык

au apărut pe la ынчепутул секолулуй XX V+P+S
се окупэ де етимоложия ачестор препозиций
е легатэ де резолваря унуй шир ынтрег
де проблеме де граматикэ
с'а букурат ын черчетэрилe ултериоаре
с'а букурат де о деосебитэ атенцие
сынт абордате ын лукрэрилe апэруте ын
ултимий ань
рэмын ын урмэ
пынэ ын презент
ну епуизязэ комплексул де проблеме легате де V+S
студиеря препозицией

Русский язык

*Можно рассматривать в аспекте
Речь идет в этой книге о сочетаниях
грамматической природы
отношении
закономерностях
приемах*

V+P+S

*связан со вторым аспектом
направлена на осуществление
состоит из частей
можно рассматривать в аспекте
рассматриваются в первой из них
не получил освещения
решения*

V+S

*рассматриваются вопросы
посвящена анализу
описанию*

Французский язык

*n'est pas par la solidité
provoquée par la vigueur
le dynamisme
est réglée par le cadre*

V+P+S

*ne saurait
revêtir l'allure
est d'interpréter le choix*

V+S

*pourrait être
tenté de ne considérer*

V + P + Inf.

Румынский язык

*se realizează în ambele limbi
prin mijloace
fac parte dintre acestea
se exprimă în română
vorbirea familiară
prin imperativul singular
se întîlnesc în română
pentru exprimarea*

V + P + S

nu sînt }
 moștenite } din latină
 au fost }
 atrași } de problema

se realizează diferite valori
 ne propunem aspecte
 să relevăm probleme
 posedă procedee

V+S

Если рассмотреть формулы структуры глагольно-именной синтагмы каждого языка, то можно заметить, что имеются два инварианта: V + S и V + P + S. Во французском языке имеются те же инварианты с предложным вариантом: V + P + Inf, который наличествует и в молдавском и русском.

Таким образом, во всех четырех языках имеются те же формулы инвариантов. Вместе с тем те же формулы реализуются в каждом языке как общими, так и специфическими средствами.

Рассмотрим их в каждом языке, исключая повторяющиеся структуры.

Инвариант V+P+S (предложный)

Молд.	Рус.	Франц.	Рум.
<i>Се окупэ</i>	<i>Речь идет</i>	n'est pas pro-	se realizează
<i>де етимоло-</i>	<i>в книге</i>	voquée	în ambele
<i>жие</i>		par la solidité	limbi
<i>е легатэ</i>	<i>Речь идет</i>	est réglée	se realizează
<i>де резолваря</i>	<i>о сочетаниях</i>	par le cadre	prin mijloace
<i>с'а букурат</i>	<i>связан</i>		fac parte
<i>де о деосеби-</i>	<i>с аспектом</i>		dintre acestea
<i>тэ</i>	<i>рассматри-</i>		se exprimă
<i>атенције</i>	<i>ваются</i>		în romîină
<i>с'а букурат</i>	<i>в первой</i>		se exprimă
<i>ын черчетэ-</i>	<i>состоит</i>		prin impera-
<i>риле</i>	<i>из частей</i>		tiv
<i>сынт абор-</i>	<i>можно</i>		se întălnesc
<i>дате</i>	<i>рассматри-</i>		în romîină
<i>ын лукрэриле</i>	<i>вать</i>		au fost atrași
<i>ау апэрут</i>	<i>в аспекте</i>		de problema
<i>пе ла ынчеп-</i>			nu sînt moș-

утул
рэмын ын
урмэ
пынэ ын
презент

tenite
din latină

Инвариант V+S (беспредложный)

Молд.	Рус.	Франц.	Рум.
ну епуизязэ комплексул	рассматри- ваются вопросы посвящена анализу	ne saurait revetir l'all- ure est d'inter- preter le choix	se realizează valori au sensul ne propunem să relevăm aspecte, pro- bleme posedă pro- cedee

Поскольку с точки зрения структуры синтагмы в предложном инварианте дифференциальным признаком является предлог, необходимо рассмотрение его семантико-грамматической роли.

Исходя из положения о том, что синтагма представляет собой определенное синтагматическое единство, т. е. разряды слов — ее компоненты — не просто механически выстроены в речевой цепи, а взаимосвязаны и взаимодействуют, рассмотрим предлог в составе синтагмы.

Молд.	Рус.	Франц.	Рум.
де	в	par	în, din
се окупэ	речь идет	n'est pas pro- voquée	se realizează
де етимоло- жия	в книге	par la solidi- té	în limbi
е легатэ	рассматрива- ются	est réglée	se exprimă
де резолваря с'а букурат	в первой можно рас- сматривать	par le cadre	în romînă nu sînt mo- ștenite
де атенцие	в аспекте		din latină

Молд. ын	Рус. о	Франц.	Рум. <i>dintre</i>
<i>с'а</i> <i>букурат</i>	<i>Речь идет</i>		<i>fac parte</i>
<i>ын черчетэр-иле</i>	<i>о сочетаниях</i>		<i>dintreacestea</i>
<i>сынт абордате</i>	<i>с</i>		<i>de</i>
<i>ын лукрэриле</i>	<i>связан</i>		<i>au fost atrași</i>
<i>пе ла</i>	<i>с аспектом</i>		<i>de problema</i>
<i>ау апэрут</i>	<i>из</i>		<i>prin</i>
<i>пе ла ынчепутул</i>	<i>состоит</i>		<i>se realizează</i>
<i>пынэ ын</i>	<i>из частей</i>		<i>prin mijloace</i>
<i>рэмынынурмэ</i>			<i>se exprimă</i>
<i>пынэ ын превент</i>			<i>prin</i>
			<i>împérativ</i>

<i>де, ын</i>	<i>в, о, с, из</i>	<i>par</i>	<i>în, din, dintre</i>
<i>пе ла, пынэ ын</i>			<i>de, prin</i>

Безусловно, это одни из возможных предлогов как способ связи внутри синтагмы. Необходимо заметить, что локативные предлоги (*ын, в, în, din*) придают всей синтагме отношение локативного характера (*ын черчетэриле, ын лукрэриле, в книге, в первой, în limbă, în romînă, din latină*), одновременно в отдельных синтагмах локативный предлог десемантизируется и выражает модальное отношение (*в аспекте*). Это же явление наблюдается и в молдавском языке, несмотря на то, что для модального отношения специализировался предлог *prin* (образован на базе того же *ын — пре + ын*): *prin mijloace, prin императив*. Французский предлог *par* выражает субъектное отношение, для которого в молдавском используется предлог *де* (*ау fost atrași де проблема*). Остальные выделенные предлоги (*о, с, из, dintre*) выражают отношение косвенного дополнения, составные предлоги *пе ла, пынэ ын* сохраняют локативный характер своих основных компонентов *ла, ын*. Таким образом, представляется возможным отметить, что предложный инвариант глагольно-

именной синтагмы выражает в основном обстоятельственное отношение и отношение косвенного дополнения.

Для рассмотрения структуры второго инварианта, в качестве дифференциального признака выдвигается способ выражения имени. Вначале выявлены имена в составе глагольно-именной синтагмы, представляющей инвариант V + S.

Молд.	Рус.	Франц.	Рум.	
артиклъ	флексия	артиклъ	артиклъ	нулевая связь
<i>комплексул</i>	<i>вопросы</i> <i>анализу</i>	<i>l'allure</i> <i>le choix</i>	<i>sensul</i>	<i>valori</i> <i>aspecte</i> <i>procedee</i>

В отличие от русского языка в молдавском, французском и румынском структурным способом выражения отношения является артиклъ, который во французском представляет собой доминантный признак, в то время как в молдавском возможно простое примыкание глагола и существительного.

Одновременно в молдавском языке, так же как и в русском, в качестве способа связи используется флексия. Таким образом, специфическим для молдавского языка являются три возможности связи в инварианте V + S глагольно-именной синтагмы: артиклъ, флексия и нулевая связь, в то время как в русском имеется только один — флексия, и во французском также один — артиклъ.

Реализация структур инвариантов осуществляется также позиционно. На базе критерия позиции компонентов внутри синтагмы выделяются два типа: пре- и постпозиция от узлового центра — глагола. Обе позиции реализуются одновременно в синтагмах, выражающих различные отношения (типа *ын лимба молдовеняскэ авем доуэ казурь*) или однородные отношения обстоятельственного характера (типа *ын лимба молдовеняскэ казуриле се експримэ прин флексие*).

При исследовании выделенных инвариантов с точки зрения выражаемых отношений выясняется, что во всех четырех языках предложный инвариант в основном используется для обозначения обстоятельственных отноше-

ний, для беспредложного инварианта доминантным является отношение объектного дополнения. Одновременно в процессе развития внутривидовых отношений путем десемантизации предлога инвариант $V + P + S$ приобретает возможность выражения не только тех аспектов обстоятельственного дополнения, которые вытекают из семантического значения предлога, но и для обозначения отношения объектного дополнения, как, например, в стихотворении «Епигоний» М. Еминеску: *Моартя сукчеде виеций, вияца сукчеде ла моарте.*

Известно, что структурные особенности языка на синтаксическом уровне определяются возможными вариантами элементов структуры в целом, так как инвариант может наличествовать во многих языках. Вместе с тем, как отмечалось выше, имеются особые черты структуры беспредложного инварианта в четырех языках, т. е. та же формула $V + S$ реализуется разными средствами.

Варианты глагольно-именных синтагм выражены формулами $V + P + Sa$, $V + P + Sf$ и $V + Sa$, $V + Sf$ для молдавского, румынского и русского языков и формулой $V + P + Inf.$, характерной для французского, но которая имеется и в молдавском и румынском языках.

Рассмотрим синтагмы по формуле $V + Sa$: рус. *не получили решения*, молд. *н'ау примит резолваря (о резолваре)*; рус. *посвящена описанию*, молд. *есте ынкинате дескриерий.*

Способом связи в синтагмах русского языка остается ф л е к с и я, так же как и в инварианте, в молдавском языке, помимо артикля, как в инварианте, используется также ф л е к с и я. Причем структура с артиклем выражает отношение объектного дополнения, структура, в которой способом связи является флексия, используется для выражения обстоятельственного отношения.

Таким образом, одной и той же беспредложной структурой можно выразить различные аспекты отношения.

Синтагмы, структурная формула которых выражена $V + P + Sa$: рус. *направлена на осуществление*, молд. *есте ындрептате ла реализаре (а)*; молд. *се ынтылнеспентру резолваре (а)*, рус. *встречаются для решения*, выражают в основном так же, как и соответствующий предложный инвариант, отношение обстоятельственного дополнения.

Инфинитивный вариант предложной структуры французского языка *pourrait être tenté de ne considerer пере-*

дается в молдавском также инфинитивной конструкцией (*ар пътя фи тентат де а ну консидера*)⁶⁸ или ее грамматическим синонимом в глагольных синтагмах — конъюнктивном (*ар пътя фи тентат сэ ну консидере*); в русском языке соответствующая инфинитивная конструкция является беспредложной: *не считать*.

Этот вариант представляет собой глагольную синтагму, выражая отношение объектного дополнения.

Таким образом, несмотря на то, что глагольно-именная синтагма рассматривается на базе небольшого фактического материала, представляется возможным выделить ее основные черты структуры и внутривидовых отношений. Поскольку идет речь о глагольно-именных синтагмах, в которых глагол является узловым центром, можно заметить, что отдельные глаголы обладают особыми возможностями порождать синтагмы; этот синтаксический факт находится в прямой зависимости от их семантического содержания. В связи с данным замечанием можно подчеркнуть, что синтагма в целом, будь то именная или глагольно-именная, представляет собой структуру, в которой встречаются два языковых плана — с и н т а г м а т и к а и с е м а н т и к а. По замечанию Л. Теньера, никогда не бывает структурной связи без связи семантической⁶⁹. Одна и та же структура в синтагматическом плане, например V + S, с тем же узловым центром может выражать различные отношения в детерминативном плане, а также приобретать различительные черты в семантическом плане.

В дальнейшем представим возможные синтагмы на базе определенных глаголов, которые обладают способностью образования N — количества глагольно-именных синтагм и образуют определенные клише в синтагматико-семантическом плане. Некоторые синтагмы, относящиеся к языку Некулче, Конаки, Александри, зафиксированы в словаре Х. Тиктина⁷⁰, что говорит о том, что они пред-

⁶⁸ Ср. у И. Некулче: *ау лэсат де а о май бате; ау ынчепут а фужи а-й гони...*, *с'ау апукат де ау фэкут, ау ажунс де ау фост; де ау ажунс; нусе де служе*.

⁶⁹ L. Tesnière. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, стр. 44 («il n'existe jamais de connexion structurale sans connexion sémantique»).

⁷⁰ H. Tiktin. *Romänisch-deutsches etymologisches Wörterbuch*. Bukarest, Leipzig, 1895—1925.— Каждое слово s. v. соответствует глаголу.

ставляют собой общезыковой факт. Они носят соответствующие пометки (Нек.— И. Некулче, Кон.— К. Конаки Алекс.— В. Александри). Остальные отображают структуры современного языка.

Синтагмы даются согласно их языковой формуле.

V + S	V + Sa	V+P+S	V+P+Sa
<i>a да сама</i> (Нек.) <i>a да вое</i>	<i>a да читире</i>		<i>a да ын експлоатаре</i>
<i>a да довадэ</i> <i>a да посибилитате</i> <i>a да публичитэций</i> <i>a дескиде уша</i> <i>a дескиде</i> <i>посибилитатя</i>	<i>a да штире</i> (Нек.)		<i>a фи ын супэ-раре</i> (Нек.) <i>a фи ын трупоменире</i> (Нек.)
<i>a фаче касэ</i>	<i>a фаче штире</i> (Нек.) Урик.) ⁷¹		
<i>a авя о карте</i>	<i>a авя штире</i> (Урик.)		
<i>a авя атитудине</i>	<i>a авя тречере</i> (Нек.) <i>a авя оштире</i> (рэзбой — Нек.)		<i>a авя ын ведере</i> <i>a авя спре ын деплинире</i> (Кон.)
		<i>a ынтрапе ушэ</i> <i>a ынтра ын вигоаре</i>	<i>a ынтра ын функциуне</i>
<i>a гэси минжя</i>	<i>a гэси оглиндире</i>		

⁷¹ Uricariu, v. I, ed. II. Yassy, 1873.

V+S

V+Sa

V + P + S

V+P+Sa

*а лукра
пынэ'н
ноапте*

*а дуче ла
вынзаре*

*а адуче пеуре
(Нек.)*

*а адуче ла
кондицие*

*а дуче ла ым-
бунэтэцире
а се гэти де
оштире (рээ-
бой — Нек.)*

*а пурта де
грижэ
а се курэци
де грижэ
(Нек.)*

*а прими лови-
риле (Алекс.)*

*а принде ла
путере(Кон.)
а тинде спре
пречизаре*

*а луа о карте
а луа атитуди-
не*

*а се луа ла
харцэ
(Нек.)*

*а луа ын
примире
а луа ын
консидерацие*

*а-шь луа анга-
жаментул
а пуне пробле-
ма
а депуне форце*

*а-шь луа гын-
диря (Алекс.)*

*а транспу-
не (традуче)
ын вяцэ*

*а пуне ын
функциуне
а пуне ын
дискуцие
а пуне ын
мишкаре
а пуне ла
пэстраре*

*а асигура кон-
диций
а асигура либер-
тата*

*а асигура реа-
лизаря
а асигура
партичипаря*

V+S

*а организа
одихна*

а ынчепе лукрул

*а кончентра
форцеле*

*а кончентра
атенция*

*а интерзиче
фуматул*

*а ажута мама
(мамей)*

а креште cadre

а ста локулуй

*а адопта ун
проект
а десфэшура
о мункэ*

V+Sa

*а организа
читиря
а организа
колектаря*

*а дезволта
колабораря*

*а ынчепе сту-
диеря
а ынчепе ап-
ровизионаря*

*а интерзиче
екстиндеря*

*а фавориза
ымбунэтэци-
ря*

*а адопта о
хотэрыре
а десфэшура
о прегэтире*

V+P+S

*а се ынкад-
ра ын лук-
ру*

*а креште
ын мункэ
а ста ла
гындуурь
(Нек.)*

V+P+Sa

*а се спечиами-
за ын креш-
тере (а)*

*а партичина
ла админист-
раре
а партичина
ла консфэту-
ире*

*а ажута
ла активиза-
ре (а)*

*а ста ын не-
лукраре
(Нек.)*

V+S

V+Sa

V+P+S

V+P+Sa

*а фолоси тех-
ника*

*а рупе теория
де практикэ*

*а фолоси
ын продук-
цие*

*а фолоси ла
конструире
(а)
а фолоси
пентру ым-
бунэтэцире
(а)*

Возможности образования глагольно-именных синтагм, как уже было отмечено, можно продлить до N-го количества; с точки зрения структуры во всех сохраняется вышеприведенная языковая формула, с точки зрения выражаемых отношений структура V + S выражает объектное дополнение, V + P + S — обстоятельственное.

С точки зрения выражаемого отношения глагольно-именные синтагмы представлены следующим образом:

1. Объектное

*а чере
о ынгрижире
а десфэшура
о прегэтире
а асигура
реализаря
а фавориза
ымбунэтэциря
а адмите
репетаря*

2. Обстоятельственное

*а партичипа
ла сэрбэторире
а пуне
ла пэстраре
а презента
спре апробаре*

Предикатные микроструктуры могут содержать также синтагмы, выражающие и объектное, и обстоятельственное дополнение; с позиционной точки зрения обычно после глагола следует синтагма объектная, затем обстоятельственная, так же как в русском языке.

1. *Ей вор фолоси
о маре парте дин ве-
нитурь
пентру спориря про-
дукцией
алиментаре*

1. *Они используют
большую часть дохо-
дов
для увеличения пищевой
продукции*

2. *С'а ынчепут студийера комплексэ а рьулуй Нистру ын скопу елаборэрий унор мэсурь...*

3. *Се вор концентра форцеле ла дезволтаря културий*

2. *Началось комплексное изучение реки Днестра в целях разработки мероприятий...*

3. *Будут сконцентрированы силы на развитие культуры*

Одновременно следует заметить, что позиционно синтагмы не ограничиваются. Способность образования глагольно-именных синтагм на базе имени действия дает широкие стилистические возможности, они используются во всех жанрах художественной литературы.

В связи с вышесказанным можно привести следующие строки из стихотворения «Кувьнтул луй Ленин» Л. Делеану:

*Ел ку пеница са некруцэтоаре
А пус ын слове веря 'нтрэжий цэрь.*

Предложная синтагма *а пус ын слове* «вложил в слова» является общезыковой структурой, в то время как *а пус веря* «вложил волю» представляет собой образование как будто необычное, но вместе с тем возможное на базе имеющейся формулы $V + Sa$, а в данном контексте наилучшим образом выражающее мысль автора.

В ряду глагольно-именных синтагм наблюдаются синтагмы, одним из компонентов которых является прилагательное, образованное по формуле $V + Adj$. Данные типы синтагм требуют особого исследования, но не входят в задачу настоящей работы. Вместе с тем следует обратить внимание на один из ярких примеров синтагм — строки из стихотворения «Ильич ши слова» И. Балцана.

*Ел вэ доря пречисе ши'аскуците
Ел вэ доря чинстите, комбативе.*

Если их разложить по той же схеме А. Фрея на базе узлового центра — глагола *доря*, то они предстанут следующим образом.

Не случайно в предложенном примере синтагма образована на базе глагола желания — *доря*. Продуктивностью глагольно-адъективных синтагм отличается, по сути, этот семантический разряд глаголов. К нему примыкает также разряд глаголов видения: *те вэд войникэ, супусэ* и т. д.

Рассмотренные в настоящей главе именные и глагольно-именные синтагмы в сопоставительном плане дают возможность подчеркнуть общетеоретическое положение о том, что межъязыковые контакты и взаимодействие в системе синтаксиса можно исследовать не только в периферийных аспектах языка (в говорах или в языках, территориально изолированных от основного массива) или в периферийных явлениях, но и, что представляется особенно важным, в литературных языках и на базе основных структур синтаксиса — именных и глагольно-именных синтагм.

Одновременно аргументируется также общетеоретическое положение о том, что структурное развитие синтагм современного языка основывается на наличии типологических схождений с контактирующим языком и на тесном взаимодействии семантики и синтагматики.

Говоря о молдавском языке, следует отметить, что в результате развития именных и глагольно-именных синтагм, структура высказывания приобретает циркулярный характер, специфичный для русского языка; французский язык, который также имеет тенденцию нарушения линейности высказывания, сохраняет этот свой основной характер.

В заключение необходимо подчеркнуть, что одна из целей настоящей работы состояла в том, чтобы на основании рассмотрения узловых вопросов языковых контактов и взаимодействия национальных языков показать, что для аргументации влияния русского языка на молдавский в его элементах синтаксиса необходимы объективные, точные приемы исследования; роль языковых контактов становится нагляднее, очевиднее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковые контакты представляют собой сложный процесс, весьма разнообразный как по своему проявлению (в процессе речевого общения, в процессе перевода ¹ и др.), так и по результатам, отражающимся на различных уровнях языка (семантическом, синтаксическом и др.), каждый из которых требует детального изучения. В своем исследовании мы обратили внимание на некоторые вопросы взаимодействия в системе синтаксиса молдавского, как одного из национальных языков, контактирующих с русским языком во всех вышеназванных основных проявлениях (и в процессе речевого общения, и в процессе перевода) и в том, что является характерным для всех национальных языков нашей страны, — в общественно-функциональном процессе.

На основании рассмотренного фактического материала развития синтаксиса молдавского языка делается попытка обосновать значение процесса языковых контактов для молдавского языка в частности и для языка вообще.

В процессе развития языка происходят постоянные изменения в отношениях между его системами, подсистемами и элементами систем, а также между системой языка в целом и обозначаемой действительностью, изменения, на основе которых происходит качественное обогащение языковой системы в целом.

Вопрос о том, что является движущей силой развития, ставился не раз, но до настоящего времени он продолжает

¹ В. Ю. Розенцвейг. Языковая практика и лингвистическая теория. — ВЯ, 1966, № 2.

оставаться открытым, так как обычно даются взаимоисключающие ответы, причем иногда категорично отвергаются противоположные суждения.

Известно, что любая система существует не сама по себе, а выполняет определенные функции, а система языка со всеми ее сложными отношениями и оппозициями также существует и развивается для и при выполнении определенных функций, в первую очередь социальных. На этом основании можно предположить, что одной из движущих сил развития языка являются его социальные функции.

Данное предположение базируется на следующей, можно сказать, аксиоме. Если функции языка ограничиваются лишь домашней коммуникацией, общением внутрисемейным, необходимость и возможность выражения административных, философских, юридических и других понятий минимальна или вовсе отсутствует. Обычно носители языка с ограниченными функциями пользуются вторым языком. В условиях развития социалистических наций и народностей многие языки, в прошлом лишь обиходные, а некоторые и бесписьменные, расширив свои функции, развились в языки, обслуживающие все сферы деятельности. Некоторые же остались в состоянии обиходных языков небольшого количества людей. Дальнейшая судьба таких языков сводится в основном к постепенному их отмиранию.

Вместе с тем в истории известны языки большой древности, обслуживающие небольшое количество людей, служащие для обиходной коммуникации и все же сохранившиеся еще с доисторических времен. Таким, например, является баскский язык, живучесть которого объясняется социальным самосознанием говорящих, основанным на наличии определенной общности.

Социальное самосознание также можно выделить в качестве движущей силы функционирования и развития языка. Эти факторы представляют собой категории вневелингвистического плана. Одновременно структуры каждого языка содержат потенциальные возможности изменений, которые могут получить определенное развитие в отдельных стилях, а затем распространиться на язык в целом.

Поскольку в настоящей работе обращается внимание в основном на отдельные факты синтаксиса, служащие фактологической платформой аргументации роли языко-

вых контактов, выявляется также актуальная необходимость всестороннего исследования процесса развития всех элементов синтаксической системы. Рассмотренные процессы синтаксического уровня позволяют подчеркнуть значимость синтаксических изменений на современном этапе развития языка.

При рассмотрении различных типов синтагм обращается внимание на то, что в процессе их развития принимают участие внутрискруктурные грамматические и семантические явления. Внутрискруктурные грамматические явления относятся к морфологическому (падежная флексия, артикль) и синтаксическому уравнениям (способ связи, позиция, управление) языка. Семантические изменения основаны на акцентуации одной из лексических единиц, выделяемой в качестве потенциального родоначальника N-го количества вариантов синтагм. Процесс расширения типов моделей синтагм характерен и для других национальных языков. Но в некоторых он ограничивается семантическим уровнем заимствования соответствующих моделей русского языка. В молдавском языке на базе имеющихся структурных сходжений образуются и структурные аналоги.

Следовательно, в процессе развития именных и глагольно-именных синтагм молдавского языка внутрискруктурные возможности стимулируются наличием моделей контактирующего русского языка. Это является одним из оснований того, что рассмотренный внутрискруктурный процесс представлен в качестве одного из проявлений роли языковых контактов в развитии языков.

Именные синтагмы, так же как и глагольно-именные, служат средством передачи двух реалий: конкретной действительности и конкретных отношений — путем выражения различных новых понятий или приобретения новых качеств старыми в связи с новыми социально-политическими условиями (типа: *политика марксист-лениниста, табла де оноаре, тренул приетенией, кувинт-акциуне*).

Глагольно-именные синтагмы развиваются главным образом для выражения конкретных отношений посредством составных наречий, составных предлогов (типа: *прин мижлочиря, ын скопул*).

Таким образом, происходит не простое численное добавление к имеющимся языковым возможностям, а развитие старых и появление новых продуктивных моделей.

Рассматривая вопросы калькирования в современном румынском языке, И. Ризеску выделяет глагольные синтагмы, выражающие отношение объектного дополнения, развивающие новую структурную модель по типу V + S, в которой именной компонент приобретает форму дательного падежа; это происходит главным образом в тех сочетаниях, в которых глагольное ядро выражено глаголами *a ajuta* «помогать», *a servi*, *a sluji* «служить» (ср. *servește cauzei* «служит делу», *ajută dezvoltării* «помогает развитию»).

Одновременно он считает, что подобные сочетания «необходимо избегать», поскольку датив не имеет синтаксической функции². Вместе с тем приводятся примеры употребления объектного дополнения в дативе, «но в других условиях» (*îi ajut cuiva la prășit*, *îi servesc drept îndrumător*)³.

Представляется, что наличие в языке идентичных структур дает указанным сочетаниям внутрискруктурную основу, стимулированную влиянием соответствующих моделей русского языка. Появление в румынском языке именных синтаксических калек по моделям соответствующих структур русского языка, таких, как *practicienii producției* (*practicienii din producție*), *condițiile intensificării* (*condițiile de intensificare*), И. Ризеску объясняет наличием в языке идентичных конструкций типа *oamenii muncii* (*muncitorii*)⁴, представляющих собой, между прочим, тоже аналог соответствующей конструкции русского языка *люди труда — трудящиеся*.

Одновременно необходимо заметить, что поскольку структурно идентичные конструкции не всегда являются носителями идентичных отношений, в трех вышеприведенных идентичных по структуре сочетаниях выражены различные отношения. Можно считать, что модель отношения и модель структуры, которая для румынского языка является лишь калькой, которую «следует избегать», весьма продуктивна в молдавском, находящемся в непосредственном контакте с русским языком, и вошла в общенародный язык.

Во французском языке при исследовании развития языка от народной латыни к древнефранцузскому (VI—

² I. R i z e s c u. Contribuții la studiul calcului lingvistic. București, 1958, стр. 41.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 14.

X вв.) В. Вартбург отмечает в качестве одного из основных синтаксических явлений древнефранцузского языка позицию глагола на втором месте в составе предложения, причем это явление отличает французский от других романских языков, а появление его объясняется трехвековым билингвизмом северной Галлии с франками⁵.

В классическую эпоху древнефранцузского языка (XII—XIII вв.), когда благодаря большой свободе составления предложения возможны шесть сочетаний элементов — субъект (s), предикат (v), управление (r), выделенных В. Вартбургом (svr, sgv, rsv, rvs, vsr, vrs), глагол в основном сохраняет свое главное место, а глагольное содержание является доминирующим. Данное положение В. Вартбург объясняет тем, что в средние века человек жил больше в действии, чем в мышлении, что находит свое подтверждение и в других языках эпохи средневековья, в частности, в средневерхненемецком⁶.

Общим представлением действия объясняется и предпочтение к паратаксису (относительные и гипотетические предложения редки в древнефранцузском), короткие предложения, характерные для народноразговорного языка, вообще избыточны, главным образом в прозе. Каждое предложение представляет «небольшую частицу действительности»⁷.

В период перехода от древнефранцузского к среднефранцузскому (XIII—XV вв.) основной характерной чертой синтаксиса является потеря свободы слова в предложении, неразличение подлежащего и управления (в связи с полной потерей флексии) и начало развития гипотаксиса, что получает свое дальнейшее развитие в XVI—XVII вв.

Современный период, главным образом со второй половины XIX в., характеризуется заменой глагола именем (вместо *l'ennemi sent qu'il a trop peu de force* — *l'ennemi sent l'insuffisance de ses forces*) или ослаблением силы глагола при помощи употребления глагольного существительного с аукилиаром (*il y a des coups d'oeil de joie*).

⁵ W. v. W a r t b u r g. Evolution et structure..., стр. 65—66.

⁶ Там же, стр. 103—104.

⁷ W. v. W a r t b u r g. Указ. соч., стр. 105 (*Les phrases sont jetées au hasard, au petit bonheur, chacune évoquant une petite parcelle de la réalité*).

Существительное вторгается также в область прилагательного (*Des femmes penchées sur la fugitivité de l'eau*)⁸.

В настоящее время предложение французского языка характеризуется определенными дифференциальными признаками: линейностью, сохраненной с XVIII в. (т. е. слова выстраиваются по прямой линии *j'écris le lettre à mon ami*); в немецком линия не прямая, а циркулярная (*hat beschrieben*) раздваивается и отделяется. В последнее время появляется тенденция глагола и позиции на первое место (*vint le jour où*) или наречия перед глаголом (*de se jour date sa haine*), что делает возможной инверсию.

Вторым дифференциальным признаком является сегментация (*c'est stupide, cette idee*), но и в этой позиции выделенный элемент как бы возвращается на свое место при помощи местоимения. С интонационной точки зрения имеются ритмические группы *crescendo* и *descrescendo*, которые хорошо соотносятся с математической структурой.

Акцентуация элементов предложения во французском языке производится лексическим способом, методом перифразы (в немецком предложении, не меняя места слов, можно при помощи интонации выразить столько различных акцентов, сколько имеется компонентов)⁹.

В настоящее время имеется тенденция модерации линейного типа фразы и появления нового типа — полулинейного (*mi-lineaire*), фраза может принять большие пропорции¹⁰.

Для выявления дифференциальных признаков структуры высказывания молдавского языка необходимо ее всестороннее исследование в диахроническом плане.

На основании развития рассмотренных синтагм имеется возможность выделить лишь один признак, на который уже обращалось внимание — ее пол у ц и р к у л я р н ы й характер. То, что для французского языка определяется В. Вартбургом как тенденция (полулинейный характер структуры), для молдавского стало закономерностью в результате взаимодействия внутривидового и межъязыкового планов развития.

На X Международном конгрессе лингвистов в Бухаресте (1967 г.) в докладе Э. Петровича¹¹ отмечалось, что

⁸ Там же, стр. 240—242.

⁹ W. v. W a r t b u r g. Указ. соч., стр. 257—262.

¹⁰ Там же, стр. 273.

¹¹ E m i l P e t r o v i c i. *Interpénétration des systèmes linguistiques*. București, 1967.

явление взаимодействия языков универсально (если можно так выразиться), поэтому на всех конгрессах и конференциях, общезыковых и специальных (славистов, романистов, по вопросам диалектологии, балканистики и др.), обращалось внимание на различные аспекты языковых контактов на основании новых фактических материалов или переосмысления старых. Одновременно внимание языковедов обращено на периферийные явления, отображающиеся в говорах, в специальной лексике или в языке общностей изолированных от основного массива посетителей соответствующего языка (примеры венгерских говоров, греческих говоров у Э. Петровича).

Фактический материал национальных языков Советского Союза, в частности молдавского языка, дает возможность рассмотреть языковые контакты во всех аспектах и в различных проявлениях, причем одним из основных представляется внутривидовое взаимодействие на уровне синтаксиса л и т е р а т у р н о г о языка, на которое и обращается внимание в настоящей работе.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Характерные сянтагмы языка XVIII — XIX вв.

Ла патимь ку плекаре (Кон.)¹

ау фост де ау ажюнс (Нек.)

ау ажунс де ау фост (Нек.)

с'ау апукат де ау фэкут (Нек.)

пуня... де фэчя (Дос.)

пусе де служи

с'ау зымбит а рыде (Нек.)

ау ынчепут а фужи (Нек.)

ау ынчепут а-й гони (Нек.)

ау ынчепут а-й бэтя (Нек.)

ера ын маре супэраре (Нек.)

(холделе) сынт де сечере (Варл.)

Нич ын гынд ну-й ера (Нек.)

Ту ешьт сосинд, еу ын плекаре (Алекс.)

а да ын гынд

ну ста ын нелукраре (Нек.) «в бездельи»

сэ поарте де грижэ (Нек.)

с'а курэцит де грижэ (Нек.)

¹ Принятые сокращения: Нек.— И. Некулче; Дос.— Дософтей; Алекс.— В. Александри; Урик.— Урикариул; Тикт.— Тиктин; Варл.— Варлаам; Кон.— К. Конаки.

се луау ла харцэ (Нек.)

— — — — —
аре деприндера версурипор

авусесе греутате (Нек.)

авя бунэ нэдежде (Нек.)

аве оштире (туркул ку нямцул... Нек.)

неавынд штире (Урик.)

авынд тречере ши чинсте (Нек.)

н'ау леже а цинеря (Нек.)

ста гата (Нек.)

траже нэдежда (Нек.)

ал домнулуй е пэмынтул ши плениря луй (лат. plenitudo,

Тикт.)

ва хи бируирия ши букурия крештинэтэций (Нек.)

дэм читире (Урик.)

ау дат штире (Нек.)

а дат сама (Нек.)

плэнуя ынфийнцаря (уней конфедераций) — (Тикт.)

вэдзынд аша милэ и немэрире (Нек.)

взусэ тэрия москалулуй (Нек.)

ау пэскут прилежул (Нек.)

а-шь луа гындирия

(де ла каре ной) ам луат ынфийнцаре (Тикт.)

адук пеире (Нек.)

ей фечерэ сфат (Нек.)

фэкусэ кувынт (Нек.)

ау фэкут штире (Нек.)

ау фэкут весте (Нек.)

фэкусе гэтире (маре де ошть) — (Нек.)

й-а трекут велятул (й-а трекут тимпул)

а прими ловириле (Алекс.)

сэ сусцинэ континуитатя

— — — — —
скрупулошь ын привиря кипулуй...

ын куржере де 8 zile

ын привиря унуй лукру

в статье *привире* (Тикт.)

ку привире ла

— — — — —
Генерал-баталие

Генерал-квартира

Путеря Советелор
 кынтаре Молдовеи
 студияря тезелор
 резолваря проблемей
 апэраря интереселор
 реализаря ангажаментелор
 реализаря планулуй
 прокламаря индепенденцей
 механизаря прочеселор
 аутоматизаря прочеселор
 организаря мунчий
 ынтэриря солидаритэций
 реколтаря спикоаселор
 експлоатаря петролулуй
 ымбунэтэциря продукцией
 дезволтаря механизэрий
 транспортаря роадей
 филосиря тимпулуй
 интерзичеря експериенцелор
 келтуиря материалелор
 нимичиря инсектелор
 ынсуширя профэсией
 депунеря короанелор
 реынтоарчеря делегацией
 перфекционаря методелор
 проблема организэрий
 сарчина перфекционэрий
 нечеситатя ымбунэтэцирий
 каса ынвэцэторулуй
 тренул приетений

— — — — —
 скимб де пэрерь
 програмул де черчетаре
 пропунере де фолосире
 чентрул де координаре
 организацие де конструкций
 пункт де ведере
 пункт де вынзаре

¹ В приложениях В и С даются характерные синтагмы (простые и развернутые) современного языка, образовавшие определенные клише.

пункт де дифузаре
пунктул де ориептаре
стадиу де финисаре
посибилитатя де дезволтаре
индустрия де конструире а апарателор
индустрия де конструире а трактоарелор
пыргие де акчелераре а дезволтэрий продукцияй
планул де реконструире а орашулуй
планул де дезволтаре
кадреле де кондучере
форца де пэтрундере
системул де ридикаре а квалификэрий
сезонул де консерваре (а фруктелор)
мижлок (импортант) де атражере (а мунчиторилор ла
лукру)
модул де репартизаре а венитурилор
модалитатя де интерпретаре
ансамблул де кынтече ши дансурь
ынсэрчинаря де партид

— — — — —
лупта пентру ымбунэтэциря продукцияй
лупта пентру консолидаря пэчий
мэсуриле пентру ынтэриря (континуэ) а релациилор
мэсуриле пентру перфекционаря кондучерий
ынсемнэтатя (организацциилор) ын фолосиря (дряптэ) а
фондурилор
ролул (школий) ын резолваря проблемей...
инициатива... ын резолваря...
дрептуриле... ын фолосиря...
читиря ын колектив

— — — — —
консфэтуиря унионалэ привинд организаря мунчий
калкулеле привинд дезволтаря ын перспективэ а господэ-
рией
рекомандэрь (конкрете ши пречисе) ку привире ла спе-
циализаре.
(с'а экзаминат) кестиуня ку привире ла мунка политикэ
де масэ
мэсуриле (пропусе) ку привире ла ымбунэтэциря органи-
зэрий
мэсурь (практиче) ын ведеря реализэрий (ачестей сарчинь)
мэтодэ ын ведеря студийерий
инсуфичиенцэ де машинь

Мэрфурь де ларг консум
карактар де лунгэ дуратэ
таблэ де оноаре
касэ де културэ
нивел де вяцэ
Советул де депутаць
кале де луптэ ши бируинць
кале де луптэ ши конструкцие
кале де луптэ ши реализэрь
паркул де трактоаре
стацие де трактоаре
дсташамент де трактоаре
фондул де кэрць
форца де резистенцэ
форцэ де шок
спирит де обсервацие
пазэ де нэдежде
аришэ де шкоалэ
плануриле де келтусль

— — — — —
ом ку експериенцэ
ом ку жудеката сэнэтоасэ
ом ку ынцележере (пентру интереселе цэрий)

С. Глагольно-именные слитакмы

а дуче ла фынтынэ	а дуче ла ымбунэтэцире
а дуче ла вынзаре	
а партичина ла сэрбэтоа- ре	а партичина ла организа- ре
а ажута ла косит	а ажута ла активизаре
а традуче ын русеште	а традуче ын вяцэ
	а трече ку ведеря
а ынтра ын касэ	а ынтра ын функциуне
	а ынтра ын вигоаре
а авя ын мынэ	а авя ын ведере
а авя грижэ	а авя атитудине
а пуне о кэлдаре	а пуне проблема
	а пуне ын практикэ
	а пуне ын функциуне
	а пуне ын мишкаре
	а пуне ын дискуцие
а пуне ын дулап	а пуне ын жок
а пурта кушмэ	а пурта рэспундере

а да ажутор
а да довадэ
а да ын гынд
а се специализа ын агри-
културэ

а луа ын браце

а креште ын лунжиге
а креште флорь

а импуне о идее

а асигура фамилия

а пропуне апэ

а дескиде уша
а гэси о карте
а фаче о касэ

а рупе о фрунзэ
а чере апэ

а ынчепе лукрул
а депуне флорь
а депуне (тоате) форцеле
а елабора ун план
а серви каузей (кауза) де
консолидаре
а адопта о хотэрыре
а адопта о резолюцие
а десфэшуре о прегэтире

а да публичитэций
а ла ын експлоатаре

а се специализа ын креш-
теря

(културилор де кымп)

а се ынкадра ын лукру

а луа ын консидерацие

а луа ын примире

а луа атитудине

а-шь луа ангажаментул

а креште ын мункэ

а креште кад্রে

а импуне семнаря

а ну адмите репетаря

а асигура реализаря

а асигура о партичипаре
ларгэ

а пропуне конвокаря

а пропуне о ректификаре

а дескиде посибилитатя

а гэси оглиндире

а фаче импресие

а фаче о дескоперире

а ынфэптуи кондучеря

а рупе теория де практикэ

а чере ынгрижире

а чере интерзичеря (ар-
мей атомиче)

а чере ындеплиниря ор-
динелор

а ынчепе прегэтиря

а-шь концентра форцеле

а интерзиче екстиндеря

(армей нуклеаре)

а фавориза ымбунэтэциря

а тинде спре пречизаре

а контрибуи ла ридикаря
(културий)

а се лимита ла констата-
ря (фантелор)

а адуче ла кондицие

ИЗ БИБЛИОГРАФИИ¹

- А в р о р и н В. А. Ленинская национальная политика и развитие литературных языков народов СССР.— ВЯ, 1960, № 4.
- А г а п о в Н. Я. Синонимика предложных словосочетаний в современном французском языке. «Труды Горьковского гос. пед. ин-та ин. яз.», вып. XIX, 1961.
- А д м о н и В. Г. О некоторых закономерностях развития синтаксического строя. «Доклады и сообщения ин-та языкознания АН СССР», вып. 5, 1953.
- А д м о н и В. Г. Развитие синтаксической теории на западе в XX в. и структурализм.— ВЯ, 1956, № 6.
- А д м о н и В. Г. Развитие структуры предложения в период формирования немецкого национального языка. Л., 1966.
- А к у л е н к о В. В. Об интернациональных словах в современном русском языке. «Труды филол. фак. Харківск. держ. ун-ту», т. VI, 1958.
- А л е к с е е в М. П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия. «Труды юбил. научн. сессии. Секция филол. наук». Л., 1940.
- А н т о н о в а Т. И. О номинативных предложениях. «Уч. зап. Магнитогорского гос. пед. ин-та», 1958, вып. 7.
- А р у т ю н о в А. Р. Ядерные конструкции с отношением двойной предикации в современном немецком языке. «НДВШ. Филол. науки», 1965, № 3.
- А р у т ю н о в а Н. Д., В о л ь ф Е. М., К а р у л и н Ю. А., Л у х т Л. И. О сопоставительном синтаксисе романских языков. «Вопросы романского языкознания». Кишинев, 1963.
- А х м а н о в а О. С., М и к а э л я н Г. Б. Современные синтаксические теории. М., 1963.
- А х м а н о в а О. С. О психолингвистике. М., 1957.
- Б а л л и Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Б а р х у д а р о в Л. С. О некоторых проблемах трансформационной грамматики (на мат. англ. яз.). «НДВШ. Филол. науки», 1965, № 3.

¹ Сюда не включены все исследования, на которые делаются ссылки в работе.

- Бархударов Л. С. Проблемы синтаксиса простого предложения современного английского языка. М., 1965.
- Бернштейн С. Б. Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. М.—Л., 1948.
- Бернштейн С. Б. Очерки сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бернштейн С. Б. К вопросу об источниках славянской письменности в Валахии, «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1947, т. IV, вып. 2.
- Бернштейн С. Б. К вопросу о периодизации истории болгарского языка. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1950, т. IX, вып. 2.
- Білодід І. К. Розвиток мов соціалістичних націй СРСР. Київ, 1963.
- Бодуэн де Куртене И. А. Об общих причинах языковых изменений (1889). «Избр. труды по общему языкознанию», т. I. М., 1963.
- Бодуэн де Куртене И. А. О смешанном характере всех языков. «Избр. труды по общему языкознанию», т. I. М., 1963.
- Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Изд. 5. М.—Л., 1935.
- Будагов Р. А. Фердинанд де Соссюр и современное языкознание (к 50-летию «Курса общей лингвистики»). «Русский язык в школе», 1966, № 3.
- Будагов Р. А. Этюды по синтаксису румынского языка, М., 1958.
- Будагов Р. А. Проблемы развития языка. М.—Л., 1965.
- Будагов Р. А. Некоторые проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса романских языков.— ВЯ, 1955, № 3, Рец. Dănilă N.— LR, București, 1956, № 6.
- Будагов Р. А. К критике релятивистических теорий слова. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961.
- Будагов Р. А. Введение в науку о языке. М., 1958.
- Будагов Р. А. Проблемы изучения романских литературных языков. М., 1961.
- Будагов Р. А. Славянское влияние на румынский язык. «Вестник ЛГУ», 1947, № 2.
- Булаховский Л. А. Введение в языкознание, II. М., 1953.
- Бурсье Э. Основы романского языкознания. М., 1952.
- Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
- Веденина Л. Г. К вопросу об одночленности и двучленности предложения в современном французском языке. «НДВШ. филол. науки», 1961, № 4.
- Виноградов В. В. Проблемы изучения синтаксических групп.— ВЯ, 1954, № 3.
- Виноградов В. В. Основные вопросы изучения современных славянских языков. «Вестник Московского ун-та», 1949, № 7.
- Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950.
- Вольф Е. М. К методике сопоставительного анализа морфологии. «Тезисы докладов и сообщений координационного совещания по сравнительному и типологическому изучению романских языков». Л., 1964.

- В о л ь ф Е. М. Сопоставительное изучение синонимических рядов. «НДВШ. Филол. науки», 1963, № 1.
- В о с т р и к о в А. В. Классики марксизма-ленинизма о связи языка и мышления. «Вопросы философии», 1952, № 3.
- В р а б и е Э. Место славянских говоров на территории РНР в системе славянских языков и их значение для славянской диалектологии. «Romanoslavica», IX. Bucureşti, 1963.
- Г а б и н с к и й М. Проблема лексического заимствования и единый критерий (опыт использования понятия диаглоссы). «Анале штинцифиче». Институтул де лимбэ ши литературэ, вол. X, Кишинэу, 1961.
- Г а к В. Г. Некоторые общие семантические особенности французского слова в сравнении с русским и вопросы лексикографии. «Лексикографический сборник», 1960, № 4.
- Г а к В. Г., Р о й з е н б л и т Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., 1965.
- Г а л к и н а - Ф е д о р у к. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1957.
- Г е о р г и е в В. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Г е р о в с к и й Г. П. О специфике литературного двуязычия у восточных славян.— ВЯ, 1959, № 3.
- Г р и г о р ь е в В. П., И с а е в М. П. О некоторых проблемах исследования закономерностей развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1962, т. XXI, вып. 6.
- Г у р ы ч е в а М. С. О некоторых тенденциях синтаксического развития французского языка. «Вопросы романского языкознания». Кишинев, 1963.
- Г у р ы ч е в а М. С. Очерки по синтаксису новофранцузского языка. М., 1965.
- Г у р ы ч е в а М. С. Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков (итало-романская подгруппа). М., 1965.
- Д а у р о в а Л. X. Двуязычие, его виды и этапы развития. «Статьи и исследования по русскому языку». М., 1964.
- Д е г т е р е в а Т. А. О некоторых историко-познавательных моментах в изучении языковых контактов. «Процессы развития в языке». М., 1959.
- Д е ш е р и е в Ю. Д. Развитие младописьменных языков народов СССР. М., 1958.
- Д е ш е р и е в Ю. Д. Баббийский язык. М., 1953.
- Д е ш е р и е в Ю. Д. О развитии языков народов СССР. «Вопросы строительства коммунизма в СССР». М., 1959.
- Д е ш е р и е в Ю. Д. Роль русского языка в развитии словарного состава языков народов СССР. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1959.
- Д ж у ц у с о в М. С., И с а е в М. П. Социологические вопросы развития национальных языков. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1965, № 5.
- Е с п е р с е н О. Философия грамматики. М., 1958.
- Ж и р м у н с к и й В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.
- Ж и р м у н с к и й В. М. О синхронии и диахронии в языкознании.— ВЯ, 1958, № 5.
- Ж л у к т е н к о Ю. О. Мовні контакти. Київ, 1966.

- Ж о в т о б р ю х М. А. Мова української преси. Київ, 1963.
- Ж у р а в с к и й А. И. Некоторые особенности взаимодействия древнеславянского и белорусского литературных языков. «Советское славяноведение», 1965, № 2.
- З а й м о в И. За наченките на аналитизма в българския език. «Известия на Института за български език», кн. II, 1952.
- З в е г и н ц е в В. А. Очерки по общему языкознанию. М., 1962.
- И в а н о в Вяч. Вс. Типология и сравнительно-историческое языкознание.— ВЯ, 1958, № 5.
- И в а н о в В. В., Т о п о р о в В. Н. К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков. М., 1958.
- И в а н и ц к а я Е. Н. Некоторые синтаксические особенности северных говоров. «Статьи и исследования по русскому языку». М., 1962.
- И л ь я ш е н к о Т. П. Форме жерундиале ыш лимба молдовеняскэ. «Исследования в области латинского и романского языкознания». Кишинев, 1961.
- И л ь я ш е н к о Т. П. О взаимодействии языков. «Вопросы романского языкознания». Кишинев, 1963.
- И л ь я ш е н к о Т. П. Ноте привиди проблема контактулуй лингвистик. «Лимба ши литература молдовеняскэ», Кишинэу, 1964, № 3.
- И л ь я ш е н к о Т. П. Унеле проблеме але интеракциуний лингвистиче. «Лимба ши литература молдовеняскэ», Кишинэу, 1965, № 3.
- И л ь я ш е н к о Т. П. Некоторые вопросы сопоставительного изучения языков. «Восточнославяно-молдавские языковые взаимоотношения». Кишинев, 1967.
- И с а ч е н к о А. В. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения.— ВЯ, 1963, № 2.
- И с а ч е н к о А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, т. 1, 1954; т. 2, 1960. Рец. Р. R ü ž i c k а. «Zeitschrift für Slavistik», Bd VII, Heft 3, Berlin, 1962.
- И с а ч е н к о А. В. Какова специфика литературного двуязычия в истории славянских народов? «Материалы к IV Международному съезду славистов».— ВЯ, 1958, № 3.
- И с т р и н а В. И. Типы письма и язык.— ВЯ, 1953, № 4.
- К а м м а р и М. Строительство коммунизма и развитие национальных языков. «Политическое самообразование», 1960, № 4.
- К а м м а р и М. Строительство коммунизма и дальнейшее сближение наций в СССР. «Вопросы философии», 1961, № 9.
- К а р ц е в с к и й С. И. Повторительный курс русского языка. М.—Л., 1928.
- К а ц н е л ь с о н С. Д. К генезису номинативного предложения. М.—Л., 1936.
- К а у ф м а н С. И. Об именовом характере технического стиля.— ВЯ, 1961, № 5.
- К л ю е в а В. Н. Об основах сопоставительной методики. «Русский язык для студентов-иностранцев». М., 1960.
- К о с т о м а р о в В. Г. Программа КПСС о русском языке. М., 1963.
- К о ш а н с к и й Г. В. Логика и структура языка. М., 1965.
- К о ш а н с к и й Г. В. К вопросу о семантическом инварианте при

- трансформации предложений.— «НДВШ. Филол. науки», 1965, № 2.
- К о э н М. Современная лингвистика и идеализм.— ВЯ, 1952, № 2.
- К р у ш е л ь н и ц к а я К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., 1961.
- К у з ь м и н а И. Б., Н е м ч е н к о Е. В. О синтаксических различиях русских говоров. «Slavia», XXXI, 1, 1962.
- Л а ф а р г П. Язык и революция. М., 1930.
- Л е н и н В. И. Философские тетради. М., 1947.
- Л е о н т ь е в А. А. Языкознание и психология. М., 1966.
- Л е о н т ь е в А. А. Психолингвистика и проблема функциональных единиц речи. «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961.
- Л е ш к а О. Актуальность лингвистического наследия И. А. Бодуэна де Куртене. «Ceskoslovenska rusistika», Praha, 1965, № 4.
- Л о м т е в Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956. Р е ц. Т и м о ф е е в а К. Д. «Русский язык в школе», 1957, № 6.
- Л ь ю б с Г., П е д е р с е н К. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954.
- М а к а е в Э. А. К вопросу об изоморфизме.— ВЯ, 1961, № 5.
- М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Сочинения. Т. V. М., 1933.
- М а р к с К. и Э н г е л ь с Ф. Избранные письма. М., 1948.
- М а р т и н е А. Принципы экономии в фонетических изменениях. М., 1960.
- М а р т ы н о в. Славяно-германское лексическое взаимодействие. Минск, 1963.
- М е й е А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
- М е й е А. Общеславянский язык. М., 1951.
- М е л ь н и ч у к А. С. Понятие предложения в советском языкознании. Киев, 1952.
- М е л ь н и ч у к А. С. Порядок слов и синтагматическое членение предложения в славянских языках. Киев, 1958.
- М е щ а н и н о в И. И. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945.
- М и к у ш Р. Структуральный синтаксис Теньера и синтагматический структурализм.— ВЯ, 1960, № 5.
- М и н к о в М. За аналитизма в английски и български език. «Езиковедски изследвания в чест на акад. С. Младенов». София, 1957.
- М и р ч е в К. Историческа граматика на българския език. София, 1958.
- М п т и н М. Б. Проблемы философии и социологии в свете решений XXIII съезда КПСС. «Вопросы философии», 1966, № 8.
- М и х а и л э Г. Слова древнеславянского происхождения в румынском языке. М., 1957.
- М о л о ш н а я Т. Н. Некоторые вопросы синтаксиса в связи с машинным переводом с английского языка на русский.— ВЯ, 1957, № 4.
- М у с т ы ц а П. Про мову румын у ранний период їх исторії. «Мовознавство», 1936, № 7.
- Н и к о л и ч И. Синтаксис русского языка, составленный сравнительно с языком немецким. Ревель, 1910.

- О л ь д е р о ж Д. А. Современное состояние и проблемы изучения языков Африки.— ВЯ, 1961, № 4.
- П а н о в М. В. О развитии русского языка в советском обществе.— ВЯ, 1962, № 11.
- П а п Ф. К построению одной структурной модели системы словосочетаний современного русского языка. «Studia slavica», 1963, IX, 1—4.
- П а у л ь Г. Принципы истории языка. М., 1960.
- П и г и н М. И. Две формы сказуемости в языке: атрибутивноименная и глагольная. «Уч. зап. Петрозаводского ун-та», 1963, т. 10, вып. 3.
- П и о т р о в с к и й Р. Г. Славянские элементы в румынском языке. «Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена», 1954, т. 93.
- П о л л е р В. И. Система причастий русского и немецкого языков «Иностранный язык в школе», 1950, № 5.
- П о л и в а н о в Е. Д. Русская грамматика в сопоставлении с узбекским языком. Ташкент, 1933.
- П о л и в а й о в Е. Д. О литературном (стандартном) языке современности. «Родной язык в школе», 1927, № 2.
- П о л и в а н о в Е. Д. За марксистское языкознание. М., 1931.
- П о п о в П. С. Суждение и предложение. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1963.
- П о п о в П. С. Суждение и его строение. «Философские зап. Ин-та философии АН СССР», т. VI, 1953.
- П о п о в А. С. Номинативные предложения и сходные с ними по форме синтаксические конструкции в современном русском литературном языке. Автореф. канд. дисс. М., 1960.
- П о п о в А. С. Некоторые вопросы теории предложения в современном русском языке. «Вопросы русского языка и методики его преподавания». Курск, 1960.
- П о п о в К. За аналитичния характер на българския език. «Изв. на института за български език», кн. II, 1952.
- П о п о в К. Русско-болгарские синтаксические параллели. «Otázky Slovanské syntaxe». Praha, 1962.
- П о т е б я А. Мысль и язык. Харьков, 1913.
- П р о к о п о в и ч Н. Н. Словосочетание в современном русском литературном языке. М., 1966.
- П р ж е м ы с л Ад. К вопросу о синтаксической парадигматике. «Československa rusistika», 1966, XI.
- Р е в з и н И. И. Модели языка. М., 1962.
- Р е з ь к о в Н. А. Очерки сравнительной грамматики русского и чувашского языков. Чебоксары, 1954.
- Р е ф о р м а т с к и й А. А. Введение в языкознание. М., 1955.
- Р о з е н ц в е й г В. Ю. О языковых контактах.— ВЯ, 1963, № 1.
- С а н ж е е в Г. Д. Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965.
- С е л и щ е в А. М. Славянское население в Албании. София, 1931.
- С е л и щ е в А. М. Язык революционной эпохи. М., 1928.
- С е л и щ е в А. М. Старославянский язык. М., 1951.
- С е р г и е в с к и й М. В. Введение в романское языкознание. М., 1952.
- С е р г и е в с к и й М. В. Молдаво-славянские этюды. М., 1959.

- Сергиевский М. В. К истории создания литературного языка в Румынии. «Уч. зап. ИФЛИ», т. III, 1928.
- Серебряников Б. А. О взаимодействии языков. — ВЯ, 1955, № 1.
- Сизова И. А. Что такое синтаксис. М., 1966.
- Скаличка А. О переносных значениях в грамматике. «Языковедские исследования в честь акад. Ст. Младенов». София, 1957.
- Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957.
- Смирницкий А. И. Об особенностях обозначения направления движения в отдельных языках. «Иностранные языки в школе», 1953, № 3.
- Смирницкий А. И. Объективность существования языка. М., 1954.
- Соболевский А. И. Румыны среди славянских народов. Пг., 1917.
- Соколова М. А. Очерки по языку деловых памятников XVI в. Л., 1957.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1938.
- Станишева Д. С. К вопросу о вариантах синтаксических единиц. — «НДВШ, Филол. науки», 1964, № 1.
- Степанов Г. В. Испанский язык Америки в системе единого испанского языка. Автореф. докт. дисс. Л., 1966.
- Степанов Ю. Французская стилистика. М., 1965.
- Сухотин В. П. Синтаксическая синонимия в современном русском литературном языке. М., 1960.
- Сятковский С. И. Некоторые вопросы типологического и сравнительно-исторического синтаксиса. — ВЯ, 1963, № 6.
- Успенский Б. А. Принципы структурной типологии. М., 1962.
- Филиппова В. М. Вариантные глагольно-именные словосочетания в русском литературном языке XIX в. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. IV. М., 1957.
- Фодор Ек. Русские и советские ученые о славяно-румынских языковых связях. «Румыно-славянский институт. Бюллетень научной информации. Общественные науки», I., Бухарест, 1962.
- Ханазаров К. Х. Сближение наций и национальных языков в СССР. Ташкент, 1963.
- Хомский Н. Синтаксические структуры. «Новое в лингвистике». М., 1962.
- Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. М., 1953.
- Шаровольский И. Румунски запозичені слова в українській мові. «Збірник законодавства». Київ, 1929.
- Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Шаумян С. К. Философские идеи В. И. Ленина и развитие современной лингвистики. «Краткие сообщения Ин-та славяноведения», 1961, № 31.
- Швейцер А. Д. Очерк современного английского языка в США. М., 1963.
- Шор Р. Язык и общество. М., 1926.
- Шерба Л. В. Избранные работы. М., 1957.
- Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1953.

- Щ е р б а Л. В. Опыт общей теории лексикографии. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1946, № 3.
- Ц и в ъ я н Т. В. Имя существительное в балканских языках. М., 1965.
- Э н г е л ь с Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950.
- Я к о б с о н Р. О. К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931.
- Я к у б н и с к и й Л. П. Образование народностей и их языков. «Вестник ЛГУ», 1947, № 1.
- Я к у б н и с к и й Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.
- Я к у б н и с к и й Л. П. О диалогической речи. «Русская речь». Л., 1923.
- Я р ц е в а В. Н. О сопоставительном методе изучения языков «НДВШ. Филол. науки», 1960, № 1.
- Я р ц е в а В. Н. Основной характер словосочетания в английском языке. «Изв. АН СССР. ОЛЯ», 1947, т. V, вып. 6.
- Я р ц е в а В. Н. Проблема формы и содержания синтаксических единиц в трактовке дескриптивистов и «менталистов». «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике». М., 1961.
- Я ц и м и р с к и й А. И. Из славяно-румынских семасиологических наблюдений. «Изв. ОРЯС», 1904, т. IX.
- Я ц и м и р с к и й А. И. Книжное влияние славянского языка на румынский.— РФВ, Пб., 1903.
- Я ц и м и р с к и й А. И. Значение румынской филологии для славистики и романских исследований.— ЖМНП, 1908.
- Я ц и м и р с к и й А. И. Из истории славянской письменности в Молдавии и Валахии в XV—XVIII вв. Пб., 1906.

- A l b a l a t A. Comment il ne faut pas écrire. Les ravages du style contemporain. Paris, 1921.
- A n d r i e s c u Al. Numirea acțiunilor prin infinitive lungi substantive în terminologia științifică și tehnică.— LR, 1954, № 3.
- A r v i n t e V. Un caz de bilingvism slavo-român. «Studii și cercetări lingvistice», 1958, № 1.
- A v r a m A. Despre neutralizarea opozițiilor lingvistice.— LR, 1962, № 4.
- B a c k v i s C. Quelques remarques sur le bilingvisme latino-polonais dans la Pologne du seizième siècle. Bruxelles, 1958.
- B a c i n s k i I. L'infinitiv et les moyens de son remplacement. Etude de syntaxe historique et comparée. Bucarest, 1946.
- B a l l y Ch. Traité de stylistique française. Paris, 1921.
- B a l l y Ch. Stilistique comparée du français et de l'allemand. Paris, 1960.
- B a l l y Ch. Linguistique générale et linguistique française. Berne, 1944.
- B a l l y Ch. Le langage et la vie. 3-e éd. Zürich, 1935.
- B a r b u N. I. Sintaxa limbii române după metoda istorico-stilistică. București, 1941.
- B ă r b u l e s c u I. Individualitatea limbii române. Iași, 1929.
- B a r t o l i M. Saggi de lingvistica spaziale. Torino, 1945.
- B a r t o l i M. Das Dalmatische. Wien, 1906.

- Basell C. E. Syntactic relations and linguistic typology. «Cahiers F. de Saussure», 8, 1949.
- Batisti Carlo Incontri fra lingue nazionali e minoranze alloglotte. «Lingua nostra», v. XX, f. 3. Sansoni-Firenze, 1959.
- Beau, Albin Edward. Sobre el bilingüismo en Gil Vicente «Studia philologica». Homenaje ofrecido a Dámaso Alonso por sus amigos y discipulos con ocasión de su 60° aniversario». Madrid, 1960.
- Benveniste E. La phrase nominale. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», XLVI, fasc. I, 1950.
- Benveniste E. Le langage et l'expérience humaine.
- Berthelot Chr. L'expression du haut degré en français contemporain. Essai de syntaxe affective. «Romanica — Helvetica», vol. 50, 1955. Berne.
- Bertoni G. Italia Dialettale. Milano, 1916.
- Bierwisch M. Ein Modell für die syntaktische Struktur deutscher Nominalgruppen. «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», XIV, 1961 (1962).
- Boas F. Race, language and culture. New York, 1940.
- Boer C. de. Syntaxe du français moderne. Leiden, 1947.
- Bogrea V. Semantism românesc și semantism balcanic. 1927.
- Bonfante G. Il concetto di «lega linguistica» e la sua applicazione all'Indoeuropeo. «Indoeuropeo i protoistoria». Milano, 1961.
- Bonfante G. La place du roumain parmi les langues romanes «Revue des études roumaines». Paris, VII—VIII, 1959—1960.
- Borman A. Grundzüge der Interlingvistik Sprachform. «Zeitschrift für angewandte Sprachwissenschaft». Münster Köln. III, 1958.
- Böström Ing. Les noms abstraits accompagnés d'un infinitif. Lund, 1957.
- Brandt G. Etude de syntaxe historique française. Lund — Copenhague, 1944.
- Brinkmann. Syntax des Französischen und Englischen in vergleichender Darstellung. Braunschweig, 1885.
- Brøndal V. Le français — langue abstraite. Copenhague, 1936.
- Brøndal V. Substrat et emprunt en roman et en germanique. Copenhague — Bukarest, 1948.
- Bruneau Ch. Petite histoire de la langue française. 2-e éd. t. I. Des origines à la Révolution t. 2, De la Révolution à nos jours.
- Brunot F. La pensée et la langue. Méthode, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français. Paris, 1922.
- Capidan Th. Romanitatea balcanică. București, 1936.
- Capidan Th. Elementul slav în dialectul aromân. București, 1924.
- Cazacu B. Istoria limbii române literare și problemele studierii ei «Viața românească». București, 1957, № 7.
- Cazacu B. In jurul unei controverse lingvistice. «SCL», 1959, 1.
- Chomsky N. Syntactic structures. S-Grovenhage, 1957. Рец. Падучевой Е. В.— ВЯ, 1959, № 1.
- Cohen Marcel. Structures sociales et structure linguistique. «Diogène», 1956, № 15.
- Cohen Marcel. Pour une sociologie du langage. Paris, Albin Michel, 1956.

- Cohen Marcel. Grammaire et style. Paris, 1954.
- Collinder B. L'affinité linguistique et le calcul des probabilités. «Språkvetenskapliga Sällskapets Förhandlingar, Uppsala Universiteta Årsskrift, 1948.
- Collinder B. Distant linguistic affinity. «Ancient Indo-European Dialects». University of California Press, 1966.
- Condeescu N. N. Limba și societatea în perioada clasică a istoriei limbii franceze. «Revista de filologie romanică și germanică». București, 1959.
- Copceaș D. Paralele slavo-române în sintaxa prepozițiilor. «SCL», 1963, № 1.
- Coseriu E. Sincronia, diacronia e historia. El problema del cambio linguistico. Montevideo, 1958.
- Coteanu I. Epocile de evoluție a limbii române.— SCL, 1958, IX.
- Coteanu I. À propos des langues mixtes (sur l'istro-roumain). «Mélanges linguistiques», București, 1957.
- Coteanu I. Cum dispăre o limbă. București, 1957.
- Coteanu I. Și totuși istro-româna este limbă.— SCL, 1958, III.
- Coteanu I. Criteriile de stabilire a dialectelor limbii române.— SCL, 1959, I.
- Cressot M. Le style et ses techniques. Paris, 1963.
- Criado de Val M. Fisionomía del idioma español. Sus características comparados con las francés, italiano, portugués, inglés y alemán. Madrid, 1957.
- Dante Alighieri. De vulgari eloquentia. Firenze, 1948.
- Darovec M. К проблематике публицистического стиля. «Языковедне štúdie», VII. Bratislava, 1963.
- Dauzat Al. Le génie de la langue française. Paris, 1947.
- Dauzat Al. Grammaire raisonnée de la langue française. Paris, 1947.
- Deanović Mirko. Perché è spinoso il problema dei conflitti linguistici? «Orbis», № 2, 1953, Louvain.
- Derooy Louis. L'emprunt linguistique. «Bibl. de la Fac. de Philosophie et Lettres de l'Univ. de Liege», XII. Paris, 1956.
- Deutschbein M. System der neuenglischen Syntax. 2 Aufl, Leipzig, 1928.
- Devoto G. Civiltà di parole. Firenze, 1965.
- Devoto G. Profilo di storia linguistica italiana. Firenze, 1951.
- Diebold R. Incipient bilingualism. «Language», 1961, XXXVII, 1.
- Dimitrescu Florica. Note asupra interferenței dintre limbi în cursul achiziției unei limbi noi.— SCL, 1960, XI.
- Drăganu N. Românii în veacurile IX—XIV pe baza toponimiei și a onomasticii. București, 1933.
- Dubois J. Le vocabulaire politique et social en France de 1869 à 1872. A travers les oeuvres des écrivains, les revues et les journaux. Peç. S. a. n. d. a. R. e. i. n. h. e. i. m. e. r. «Revue roumaine de linguistique», 1966, t. XI, № 1.
- Ettmayer K. V. Vorträge zur Charakteristik des Altfranzösisch. Freiburg, 1910.
- Fausel Erich. Die Deutschbrasilianische Sprachmischung. Probleme, Vorgang und Wortbestand. Berlin, 1959.

- Fishman J. A. Bilingualism, intelligence and language learning. «Modern language journal», Milwaukee, 1965, vol. 49, № 4.
- Frei H. Modes de réduction des syntagmes. «Cahiers Ferdinand de Saussure», 22, 1966, Genève.
- Frei H. Livre de deux mille phrases. Genève, 1953.
- Frei H. La grammaire des fautes. Paris, Genève, Leipzig, 1929.
- Fries C. h. The Structure of English. New York, 1952.
- Fries C. h. Meaning and linguistic analysis. «Language», 1954, v. 30.
- Gallis A. Zur vergleichende Syntax der indoeuropäischen Präpositionen, «For Roman Jakobson».
- Galliot M. Essai sur la langue de la réclame contemporaine. Toulouse, 1955.
- Galmés de Fuentes Alvaro. Influencias sintácticas e estilísticas del árabe en la prosa medieval castellana. Madrid, 1966.
- Gamillscheg E. Historische französische Syntax. Tübingen, 1957.
- Garvin P. Delimitation of syntactic units. «Language», 1954, № 4.
- Geltzer H. Beiträge zum Dalmatischen und Albanesischen. «Zeitschrift für romanische Philologie», XXXII.
- Glässer E. d. Die Kongruenz als syntaktisches Mittel der europäischen Sprachen. «Der Deutschunterricht Beiträge zu seiner Praxis und wissenschaftlichen Grundlegung», Stuttgart, 1958, X, № 4.
- Goldiş A. De quelques modifications du vocabulaire de la langue française actuelle. «Revue de linguistique», Bucaresti, 1962, № 2.
- Graur A. La romanité du roumain. Bucaresti, 1965. Peç. O. N a n d r i ş. «Le français moderne», 1966, № 4.
- Graur A. Legile limbii. «Omăgiu lui Iorgu Iordan». Bucaresti, 1958.
- Graur A. Caracterul sistematic al limbii. «Viața Românească», 1958, № 6.
- Graur A. Aspecte ale luptei între vechi și nou în limbă. «Probleme de lingvistică generală», vol. II. Bucaresti, 1960.
- Graur A. De ce și cum se schimbă limba.— SCL, 1943, III.
- Graur A. Dialectele limbii române. LR, 1954, № 4.
- Graur A. Caracterul obiectiv al faptelor de limbă. «Viața Românească», 1957, № 4.
- Graur A. Fondul principal de cuvinte al limbii române. Bucaresti, 1957.
- Grieve-Schumacher Madeleine. Die Nominalkomposition im Französischen: Diss. Zürich; Winterthur, Keller, 1960.
- Guillaume G. Langage et science du langage. Paris, 1964.
- Guiraud P. La syntaxe du français. Paris, 1963.
- Guiraud P. Les caractères statistiques du vocabulaire. Paris, 1951.
- Guiraud P. Les locutions françaises. Paris, 1962.
- Gumperz John J. Types of linguistic communities. «Anthropological Linguistics», Bloomington, 1962, IV, № 1.
- Hachten O. Die Vorherrschaft Substantivischer Konstruktionen im modernen französischen Prosastil. «Romanische Studien» herausgeg. v. E. Ebering, XII. Berlin, 1912.

- H a k e s D. I. Psychological aspects of bilingualism. «Modern language journal», Milwaukee, 1965, v. 49, № 4.
- H a l l R. A. Idealism in Romance linguistics. New York, 1963.
- H a n i ș M. Aperçu sociologique sur le bilinguisme en Afrique Noire. «Notes africaines», Dakar, 1962, oct. № 96.
- H a r w o o d F. Axiomatic Syntax. «Language», v. 31, 1955.
- H a ș d e u B. P. Strat și substrat. Genealogia popoarelor balcanice. București, 1892.
- H a u g e n E i n a r. Language contact. Report: Proceedings of the Eighth International Congress of Linguists. (Oslo, 1957), Oslo, 1958.
- H a u g e n E i n a r. The analysis of linguistic Borrowing. «Language», vol. 26, № 2, 1950.
- H a u g e n E i n a r. Bilingualism in the Americas: a bibliography and Research Guide. Publ. of the Amer. Dial. Soc., № 26; University Ala., 1956.
- H a v e r s W. Handbuch der erklärenden Syntax. Heidelberg, 1931.
- H e i t m a n n K. Die Bemühungen um der Literatursprache in Rumänien. «Romanische Forschungen». Frankfurt am Mein, 1956, Bd. 68, Hf. 3—4.
- H j e l m s l e v L. Etudes sur la notion de parenté linguistique. «Revue des études Indo-Européennes». Bukarest — Paris, 1, 1938.
- H j e l m s l e v L. Prolegomena to a theory of language. Baltimore, 1953.
- H o e n i g s w a l d H e n r y M. Language change and linguistic reconstruction. Chicago, 1960. Peç. W a l l a c e L. C h a f e «Language», 1961, vol. 37, № 1.
- I o r d a n I o r g u. Quelques parallèles syntaxiques romans. «Recueil d'études romanes».
- I o r d a n I o r g u. Le suffixe roumain *-iv*. «Revue de linguistique romane», t. XXIV. Paris, 1960.
- I o r d a n I o r g u. Influențe rusești asupra limbii române. București, 1949. «Analele Academiei RPR», seria C, tomul I, mem. 4.
- I o r d a n I o r g u. Stilistica morfologică, Iași, 1941.
- I o r d a n I o r g u. Quelques problèmes de la langue littéraire. «Revue de linguistique roumaine», 1957, № 1.
- I o r d a n I o r g u. Limbă și societate. «Cum vorbim», 1949, № 1.
- I r o a i e P. Eminescu și dialectele Italiei meridionale. «Bulet. Mihai Eminescu», 1939, X.
- I s a č e n k o A. Tense and auxiliary verbs with special references to slavic languages. «Language», 19'6, 16.
- I s a č e n k o A. La structure sémantique des temps du russe. «Bulletin de la Soc. de ling. de Paris», 1960, fasc. 1.
- I s t r a t e G. Dialectele limbii române în concepția lui Al. Philipide.—LR, 1959, № 3.
- I v ă n e s c u G. Problemele capitale ale vechii române literare. Iași, 1948.
- J a c q u i e r H. Noțiunea de «limbă analitică» și problema valorii tipurilor de limbi. «Buletinul Universității din Cluj». Ser. șt. Soc. 1956, v. 1, № 1—2.
- J a e g g i A. Le rôle de la préposition et de la locution prépositive. Berne, 1956.

- J a k o b s o n R. Rémarques sur l'évolution phonologique du russe comparée à celle des autres langues slaves.— TCLP, 1929, 2.
- J a k o b s o n R. and H a l l e M. Fundamentals of language. Hague, 1956.
- J u r e t A. Les idées et les mots. Essai de philosophie linguistique. Paris, 1960.
- K a i n z Fr. Psychologie der Sprache. Vergleichend-genetische Sprachpsychologie. 2 aufl. Stuttgart, 1960.
- K a h a n e H. Principles of comparative syntax. «Orbis», 1954, № 2.
- K a r c e v z k i j S. Système du verbe russe. Prague, 1927.
- K a r c e v z k i j S. Phrase et proposition. «Mélanges de linguistique et de philologie offerts à J. van Ginneken». Paris, 1937.
- K i e l s k i B. Struktura języków francuskiego i polskiego w świetle analizy porównawczej, Łódź, t. 1, 1957, t. II, 1960.
- K l u g e Th. Über den Zusammenhang zwischen Sprache und Rasse. «Orbis», 1960, IX.
- K ř e p i n s k y M. La naissance des langues romanes et l'existence d'une période de leur évolution commune (latin vulgaire, période romane) «Romanica», Praha, 1958, II.
- K u r y l o w i c z J e r z y. Esquisses linguistiques. Polska Akad. Nauk. Komitet językoznawczy. «Prace językoznawcze» 19; Wrocław & Kraków, Zakład im Ossolinskich, 1960.
- L a m b e r t W. E. Behavioral evidence for contrasting forms of bilingualism. «Monograph series on Languages and Linguistics», IV. Georgetown University, Washington, 1961.
- L a n l y A. Le français d'Afrique du Nord. Etude linguistique. Presses universitaires de France. Paris, 1962.
- L a r o c h e t t e J. Les deux oppositions verbo-nominales. «Journal de psychologie», 1950, XLIII.
- L a y c o c k D. C. Language and Society: Twenty Years after: «Lingua», Amsterdam, 1960, IX. A critique of Alf S o m m e r f e l t's book «La langue et la société». Oslo, 1938.
- L e g r a n d E. Stylistique française. Paris, 1924. 13-e éd — Paris, 1953.
- L e e s R o b e r t B. The Grammar of English Nominalizations. Third Printing. Mouton et Co, 1964. Peç. V i n t u I l e a n a, «RR de linguistique», 1966, № 1.
- L e j a y P. Le progrès de l'analyse dans la syntaxe latine. «Mélanges Louis Havet».
- L e j a y P. Lingvistica rusă și sovietică despre limba română. LR, 1954.
- L e r o y M a u r i c e. Les langues du monde et la typologie linguistique. «Mémoires et Publ. de la Soc. des Sciences, des Arts et de Lettres du Hainaut», LXXIV, 1960.
- L e r o y M a u r i c e. Tendances individualistes dans la linguistique. «Diogène», 1965, № 51.
- L e w i s M. Language in Society. London, 1947.
- L o e y A. V a n. Les problèmes du bilinguisme en Belgique. «Etudes Germaniques», Lyon et Paris, 1958, XIII.
- L o m b a r d A l f. La lingua letteraria romanza meno fissata: il rumeno. Comunicazione letta all'VIII Congresso di studi romanzi (Firenze, 1956).

- L o m b a r d A l f. Les constructions nominales dans e français moderne. Stockholm — Uppsala, 1930.
- L o m b a r d A l f. L'infinifif de narration dans les langues romanes. Uppsala, 1936.
- M a c r e a D. Probleme de lingvistică română. București, 1961.
- M a c r e a D. Despre dialectele limbii române.— LR, 1956, 1.
- M a c r e a D. Cîteva precizări în legătură cu problema dialectelor limbii române.— LR, 1956, 4.
- M a c r e a D. Despre originea și structura limbii române.— LR, 1954, III, № 4.
- M a c r e a D. Contribuție la studiul fondului principal de cuvinte al limbii române.— SCL, 1954, № 1—2.
- M a l b l a n c A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. Paris, 1961.
- M a l l o J e r ó n i m o. La invasion del anglicismo en la lengua española de America. «Cuadernos Americanos». XVIII (105), 1959.
- M a l m b e r g B e r t i l. Tradicion hispanica e influencia indígena en la fonetica hispano-americana. «Presente e futuro de la lengua española». Madrid, 1964, II.
- M a l m b e r g B e r t i l. Factores internos y externos en la fonetica judeo-española. «Bolletin de Filologia», Chile, 1963, XII.
- M a r o u z e a u J. L'ordre des mots en latin. Paris, 1953.
- M a r o u z e a u J. Traité de stylistique latine. 2-e éd. Paris, 19'6.
- M a r o u z e a u J. Précis de stylistique française. Paris, 1959.
- M a r t i n e t A. Economie des changements phonétiques. Traité de phonologie diacronique. Berne, 1955.
- M a r t i n e t A. Eléments de linguistique générale. Paris, 1961.
- M e i l l e t A. Linguistique historique et linguistique générale, II. Paris, 1952.
- M e i l l e t A. La phrase nominale en indo-européen. «Mémoires de la Société de Linguistique de Paris», 1906, XIV.
- M e i l l e t A. Rémarques sur la théorie de la phrase. «Journal de psychologie», 1921, XVIII.
- M e i l l e t A. Les langues dans l'Europe nouvelle. Paris, 1928.
- M e i l l e t A. et S a u v a g e o t A. Le bilinguisme des hommes cultivés. «Revue des Cours et Conférences». Paris, 15 dec. 1934.
- M e o Z i l i o G. Una serie di morfemi italiani con funzione stilistica nello spagnola nell'Uruguay. «Lingua nostra», vol. XX, fasc. 2, Firenze, 1959.
- M e y e r - L ü b k e W. Italienische Grammatik. Leipzig, 1890.
- M e y e r - L ü b k e W. Grammatik der romanischen Sprachen, II. Leipzig, 1890.
- M i c l o s i c h F r. Die slavischen Elemente im rumänischen. Wien 1861.
- M i g l i o r i n i B r u n o. Storia della lingua italiana. 2-da ed. Firenze, 1960.
- M i g l i o r i n i B r u n o. Convergences linguistiques en Europe. «Synthèses», 1956, IV.
- M i g l i o r i n i B r u n o. Saggi linguistici, Firenze, 1957.
- M i h ă i l ă G. Imprumuturi vechi sud-slave în limba română. București, 1960.
- M l a d e n o v S. Geschichte der bulgarischen Sprache. Berlin — Leipzig, 1929.

- Monteuil V. Le probleme linguistique en Afrique noire. «Esprit», 1962, Nov. № 311.
- Mounerot-Dumaine M. Précis d'interlinguistique générale et spéciale. Paris, 1960.
- Nedioglu G. Propoziția verbală și propoziția nominală.—LR, 1955, № 5.
- Nyrop K r. Grammaire historique de la langue française, vol. III.
- Olschi L. Struttura spirituale e linguistica del mondo neolatino. Bari, 1935. Peç. Pușcariu S., «DR», 1936, 8.
- Ortiz R. Sull'importanza della dominazione fanariota in Romania come determinatrice dei contatti linguistici e letterari italo-romeni attraverso la lingua e la letteratura neoclenica. «Actes du V-e Congrès International des Etudes byzantines». Roma, 1931.
- Osthoff H. Das Verbum in der Nominalcomposition im Deutschen, Griechischen, Slavischen und Romanischen. Jena, 1878.
- Otto F. Der Gebrauch des Substantivums an Stelle anderer Konstruktionen im Französischen. (diss. inaug.) Göttingen, Hannover, 1903.
- Papadopol D. Raporturile dintre logică și gramatică. «Limba și literatura», 1956, II.
- Paude Govind C. Vie et mort de langues. «Diogenè», 1965, № 51.
- Pavlovič M. Principe de corrélation et typologie linguistique. «Зборник за филологију и лингвистику», I. Нови Сад, 1957.
- Peruzzi E. Saggi di linguistica europea. Salamanca, 1958.
- Petkanov I. Slavjanski vlijania v romanskite ezici i dialekti (do XVI v). «Годишник на Софийские университет». Филол. фак. София, 53, 1959, I.
- Petrovici E m. Influența slavă asupra sistemului fonemelor limbii române. București, 1956.
- Pisani V. L'elemento razza nella evolutione linguistica.—REIE, 1947, IV.
- Pisani V. Glottologia e antropologia. «Paideia» V, 1950, Genua.
- Pisani V. Geolinguistica ed Indoeuropeo. Roma, 1940.
- Pisani V. Allgemeine und vérgleichende Sprachwissenschaft. 1953.
- Pollak W. Die deutsche Sprache im Spiegel der Französischen. Wien, 1955.
- Popovič Ivan. Geschichte der Serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960. Peç. Horace G. «Language», vol. 37, № 3, 1961.
- Pradel P. La langue française en Haiti. Maçon, 1961.
- Pulgram E. Spoken and Written Latin. «Language», 1950, № 4.
- Pușcariu S. Eine Rekonstruktion des Urrumänischen. «Beihefte zur Zeitschrift für romanische Philologie», 26.
- Reichstein Ruth. Etude des variations sociales et géographiques des faits linguistiques. «Word», vol. 16, № 1, New York, 1960.
- Ries J. Was ist syntax? Marburg, 1894.
- Rizescu I. Rolul factorilor interni și al factorilor externi în dezvoltarea limbii. «Probleme de lingvistică generală». București, 1961.
- Rizescu I. Contribuții la studiul calcului lingvistic. București, 1958.

- R o h l f s G. Syntactica und stilistica. «Festschrift für E. Gamillscheg».
- R o h l f s G. Historische Grammatik der italienischen Sprache, Bd III, 1954 (Syntax und Wortbildung).
- R o n g a g l i a A. Bilinguismo esterno e plurilinguismo interno nelle Glosse di Kassel. VIII Congresso internazionale di studi romanzi (Firenze, 1956) Atti vol. II, Comunicazioni, 1 & 2/3, Firenze, 1959.
- R o s a m a n i E. Vocabolario giuliano dei dialetti parlati nella regione giuliano-dalmata. Bologna, 1958.
- R o s e t t i A. Considerații asupra «Uniunii lingvistice balcanice.— SCL, 1958, IX.
- R o s e t t i A. Son-type et phonème. «Linguistica». Haga, 1965.
- R o s e t t i A. Limba română în secolul al XVI-lea. București, 1931.
- R o s e t t i A. Limbă sau dialect? — SCL, 1958, 1.
- R o s e t t i A. Limbă sau dialect (II).— SCL, 1958, 3.
- R u ž i č k a R. Studien zur Theorie der russischen Syntax. Berlin, 1966.
- R ü m e l i n G. Ueber die neuere deutsche Prosa. «Deutsche Rundschau», LIX, 1889.
- S a l a M a r i u s. Organizarea unei norme noi spaniole în judec-spaniolă. «Studii și cercetări lingvistice», București, 1966, № 4.
- S a n d f e l d K r. Linguistique balcanique. Paris, 1930.
- S a n d f e l d K r. J e n s e n. Die nichtlateinischen Bestandteile im Rumänischen. «Grundriss der rom. ph. I. ed. II», Strassburg, 1904.
- S a n d f e l d K r. Syntaxe du français contemporain, vol. 3. Genève, Paris, 1928—1943.
- S a p i r E d. Le langage. Introduction à l'étude de la parole. Paris, 1953.
- S a u v a g e o t A. La langue et la société. «Vie et langage», Paris, Juin 1956.
- S a u v a g e o t A. Structures sociales et structure linguistique. «Diogène», juillet 1956.
- S a u v a g e o t A. Français écrit, français parlé. La langue vivante. Paris, 1962.
- S c h a f f A d a m. Problèmes de l'ethnolinguistique. «Diogène», 1964, № 46.
- S c h a f f A d a m. Langage et réalité. «Diogène», 1965, № 51.
- S c h l o c k e r G. Equilibre et symetrie dans la phrase française moderne. Paris, 1957.
- S c h m i d t W. Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde. Heidelberg, 1926.
- S c h ö n f e l d e r K. Probleme der Völker — und Sprachmischung. Halle, 1956.
- S c h u c h a r d t H. Slawo-deutsches und slawo italienisches. «Dem Herrn Franz von Miklosich zum 20 November 1883». Graz, 1884.
- S c h u c h a r d t H. Sprachverwandschaft. «Sitzungsberichte der Königlichpreussischen Akademie der Wissenschaften», 1917.
- S c h u l t e - H e r b r ü g g e n H. El lenguaje y la vision del mundo. Santiago (Universidad de Chile), 1963.
- S e c h e h a y A. Les deux types de la phrase. «Mélanges offerts à M. Bernard Bouvier». Genève, 1920.

- Seche Luiza și Mircea. Adaptarea neologismelor în limba română literară.— LR, 1965, № 6.
- Seidel E. Studien zur Sprachtypologie; rumäno-russische Kriterien. «Bul. Ling. de fac. des Lettres de Bukarest», 1945.
- Seidel E. Elemente sintactice slave în limba română. București, 1958. Peș. Bolocan Gh. «Limba română», VII, 1958, № 5 și Mihăilă G.— SCL, 1958, IX.
- Skok Peter. De l'importance de listes toponomastiques de Procope pour la connaissance de la latinité balcanique. «Revue internationale des études balcaniques», vol. III. Beograd, 1937.
- Skok Peter. Zum Balkanlatein. «Zeitschrift für romanische Philologie», vol. XLVIII.
- Sommerfelt Alf. Tendences récentes de la linguistique. «Diogène», 1953, № 1.
- Sommerfelt Alf. Structures linguistiques et structures des groupes sociaux. «Diogène», 1965, № 51.
- Sommerfelt Alf. La langue et la société. Caractères sociaux d'une langue de type archaïque. Oslo, 1938.
- Sommerfelt Alf. Language, Society and Culture, 1954.
- Spitzer Leo. Aufsätze für romanische Syntax und Stilistik. Halle, 1918.
- Spitzer Leo. Stilstudien. München, 1928.
- Stich Alexandr. Ke Konfrontačnimu studiu publicistickeho stylu v čestine a v ruštine. «Ceskoslovenská rusistika», 1965, № 2.
- Stang Chr. S. Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
- Stefanini J. Le système et les faits en linguistique. «Le français moderne», Paris, 1959, № 1.
- Stengers J. La formation de la frontière linguistique en Belgique. Bruxelles, 1959.
- Stieber Z. Existe-t-il de lois concernant les contacts entre les langues? «Biuletin Polskiego t-wa jezykoznawczego». Wrocław — Warszawa — Krakow, 1965, 23.
- Strohmeier F. Der Stil der französischen Sprache. 2-e éd. Berlin, 1924.
- Ullmann S. Précis de sémantique française. Copyright, 1952.
- Unbegaun B. Le calque dans les langues slaves littéraires. «Revue des études slaves», 1932.
- Tagliavini Carlo. Le origini delle lingue neolatine. Introduzione alla filologia romanza. 4-e ed. Bologna, 1964.
- Taillon L. Diversité des langues et bilinguisme. 2-e éd. Montreal, 1959.
- Terracini Benvenuto. Conflitti di lingue e di cultura. Venezia, 1957.
- Tesnière Lucien. Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959.
- Tesnière Lucien. Phonologie et mélange de langues.— TCLP, 8.
- Thévenin A. Un enseignement fondé sur le bilinguisme: le Lycée Français de Montevideo. «Le français dans le monde», 1965, № 33.
- Tiktin H. Studien zur rumänische philologie. Leipzig, 1884.
- Trubetzkoy N. S. Gedanken über Indogermanenproblem. «Acta linguistica», 1939, v. I, fasc. 2.

- Trubetzkoy N. S. La phonologie actuelle. Psychologie du langage. Paris, 1933.
- Trubetzkoy N. S. Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini. «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally». Genève, 1939.
- Valkhoff M. Prolegomènes à une carte de la frontière linguistique franco-néerlandaise. «Mélanges de linguistique offerts à Albert Dauzat». Paris, 1951.
- Vasiliu M. Limbă, vorbire, stratificare. «Studii și cercetări lingvistice». București, 1959, № 3.
- Vendryès J. La comparaison en linguistique. «Bulletin de la Société Linguistique de Paris», 1945, fasc. 1.
- Vendryès J. Le mot dans la phrase. «Le Français moderne», XXI, 1953.
- Verlinden Ch. Les origines de la frontière linguistique en Belgique et la colonisation franque. Bruxelles, 1955.
- Vidos B. E. Le bilinguisme et le mécanisme de l'emprunt.
- Vildomec V. Multilingualism. Leyden, 1963.
- Vinay J. P., Darbelenet J. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Paris, 1958. «Bibliothèque de stylistique comparée» sous la direction de A. Malblanc. Рец. В. Г. Гака — ВЯ, 1961, № 3.
- Wandruszka M. Der Geist der französischen Sprache. Hamburg, 1959.
- Wartburg W. von. Evolution et structure de la langue française ed. 5. Paris, 1958.
- Weiss Andreas V. Hauptprobleme der Zweisprachigkeit. Heidelberg, Winter, 1959.
- Zawadowski L. Les dialectes d'origine différente en contact «Orbis», Louvain, 1961, t. 10, № 2.
- Zawadowski L. Fundamental relations in language contact. BPTY, 1961, XX.
- Zawadowski L. Correspondence de lexique et identités grammaticales. «Bulletin de Société Polonaise de linguistique», 1953, XII.
- Zawadowski L. Constructions grammaticales et formes périphrastiques. Kraków, 1959.

СБОРНИКИ

- Вопросы теории и истории языка. М., 1962.
- Вопросы синтаксиса романо-германских языков. Л., 1961.
- Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
- Вопросы языка и литературы, вып. II. М., 1960.
- Езыковедски изследовання в чест на акад. С. Младенов. София, 1957.
- Исследования по структурной типологии. М., 1963.
- Материалы дискуссии IV Международного съезда славистов, т. II, М., 1962.
- Мышление и язык. М., 1957.

- Новое в лингвистике, т. II. М., 1962.
 Памяти акад. Л. В. Щербы. Л., 1951.
 Проблемы структурной лингвистики. М., 1962.
 Проблемы современной филологии. М., 1965.
 Проблема значения в лингвистике и логике. М., 1963.
 Русская речь, вып. 3. Л., 1928.
 Структурно-типологические исследования. М., 1962.
 Труды Томского госуниверситета им. В. В. Куйбышева. Лингвистический сборник, 1961.
 Acta linguistica. Academiae scientiarum hungaricae, t. XVI, 1966.
 Actes du sixième Congrès international des linguistes (19—24 juin, 1948). Paris, 1949.
 Actes du quatrième Congrès international des linguistes tenu à Copenhague du 27 Août au 1-er Septembre 1936; Copenhague, 1938.
 V-me Congrès International des Linguistes. Bruxelles, 28 Août — 2 Septembre 1939. Rapports. Brüggé, 1939.
 Archivio Glottologico italiano. Turin. 22/23, 1929; 42, 1957; 29, 1937; 33, 1941.
 A Bulletin of Bilingual studies. Published by the Bilingualism Committee of the University of Wales. 1936, 1938, 1939.
 Balcania-Archiv. Band IV. Leipzig, 1928.
 Balcania. București, 1944, VII, 2; VIII, 1955.
 Cahiers Ferdinand de Saussure, v. 1—21. Genève, 1941—1965.
 Dacoromania, XI. București, 1948.
 Europäische Schlüsselwörter.
 I. Humor und Witz, 1963;
 II. Kurzmonographien: Wörter im geistigen und sozialen Raum, 1964, ed. Max Hueber.
 Festgabe Ernst Gamillscheg. Tübingen, 1952.
 Festschrift für Ph. Aug. Becker. Hauptfragen der Romanistik. Heidelberg, 1922.
 Germanisch-romanische Monatschrift. Heidelberg, XII, 1925.
 Italia Dialettale. XIX. Pisa, 1943.
 Insemnări sociologice. Revista prof. Tr. Brăileanu din Cernăuți. Anul III, 1937, № 5, 6, 7.
 Language. Journal of the linguistic Society of America, v. 42, 1966, Baltimore.
 Le lingue del monde. Anno XXX, № 7, Luglio 1965, № 5, Maggio, Firenze.
 La linguistique. Revue internationale de linguistique générale. Paris, № 1, 1965.
 Mélanges de linguistique offerts à Albert Dauzat. Paris, 1951.
 Mélanges de linguistique offerts à Ch. Bally. Genève, 1939.
 Mélanges de linguistique française offerts à M. Ch. Bruneau. Genève, 1954.
 Miscelanea homenaje à André Martinet. Estructuralismo e historia, v. II. La Laguna, 1958.
 Orbis, 1960, t. IX, № 1, 2. Louvain.
 Philologica Pragensia, III. Praga, 1960.
 Psychologie du langage. Paris, 1933.
 Psycholinguistics. A book of readings, ed. by S. Saporta. New York, 1961. Рец.— ВЯ, 1964, № 4.
 Revue de linguistique romane, t. 25, 1961.

- Revue Belge de philologie de d'histoire, t. XXXIII. Bruxelles, 1955
- Revue des études roumaines. Paris, 1954, t. 2; 1961.
- Revue des études slaves, t. XII.
- Revue des études indo-européennes, 1. Bukarest, Paris, 1938.
- Ricerche slavistiche. Roma, 1952, 1961.
- Romance philology. University of California Press, 1966, v. XIX, № 3.
- The romanian review. Columbia University Press, 1966, v. LVII, № 2.
- Romanische Philologie, t. 1. Heidelberg, 1950.
- Romanische Forschungen. LX. Berlin, 1947.
- Romanoslavica, v. 1—3, București, 1958.
- Universals of language. Cambridge, 1963.
- Slavia, 1958, № 3; 1965, № 34.
- Studia slavica, t. IV, 1958.
- Studia lingvistica in honorem Thaddei Lehr. Spławinski. Krakow, 1963.
- Syntactica und stilistica. Festschrift für Ernst Gamillscheg.
- Vox romanica, 1963, № 1.
- Zeichen und System der Sprache, t. II. Berlin, 1962.
- Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikation-forschung. Bd. 14, Heft 2, Berlin, 1961.
- Zeitschrift für romanische Philologie. Halle, Bd XLIX, Heft 4, 5, 1929; Bd L, Heft 4, 5, 1930.
- Zeitschrift für slavische Philologie. hgg. von Max Vasmer. Leipzig, 1923.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава первая.	
ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ	11
Языковые контакты и билингвизм	22
Языковое взаимодействие	29
Вопросы интерференции	43
Глава вторая.	
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ	55
Славяно-молдавские языковые отношения на различных хронологических срезах	77
Развитие молдавского языка на современном этапе	94
Глава третья.	
ЯЗЫКОВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В СИСТЕМЕ СИНТАКСИСА	102
Развитие именных синтагм	113
Глагольно-именные синтагмы	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	172
ПРИЛОЖЕНИЕ	179
А. Характерные синтагмы языка XVIII—XIX вв.	179
В. Именные синтагмы	181
С. Глагольно-именные синтагмы	183
ИЗ БИБЛИОГРАФИИ	185

Татьяна Павловна Ильяшенко
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ
(на материале славяно-молдавских отношений)

Утверждено к печати
Институтом языка и литературы АН МССР

Редактор издательства **В. К. Романов**
Технический редактор **Н. П. Кузнецова**

Сдано в набор 8/VIII 1969 г.
Подписано к печати 11/II 1970 г.
Формат 84×108 1/3. Бумага № 2.
Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 11.1.
Тираж 1⁰⁰⁰. Т.п. зак. 2718. Цена 85 коп.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
Москва Г-99, Шубинский пер., 10

В магазинах «Академкнига»
имеются в продаже книги
по языкознанию

Атлас болгарских говоров

Ч. 1. Вступительные статьи. Комментарии к картам. 1958.
84 стр.

Ч. 2. Карты. 1958. 109 стр. 1 р. за обе части.

Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию. 1825—1880.

Вып. 3. 1955. 255 стр. 1 р. 02 к.

Вып. 4. История русского литературного языка. Стилистика и культура речи. 1956. 583 стр. 1 р. 66 к.

Вып. 5. Памятники русского языка. 1957. 680 стр. 1 р. 80 к.

Вып. 6. Учебники и методическая литература. 1957. 290 стр. 85 к.

Выс. 7. Украинский и белорусский языки. Сравнительное языкознание. Историография русского языкознания. 1958. 554 стр. 50 к.

Вып. 8. Алфавитный указатель к выпускам 1—7. 1954, 444 стр. 1 р. 75 к.

Вопросы диалектологии восточнославянских языков

1964, 208 стр. 80 к.

Вопросы славянского языкознания.

Вып. 2. 1957. 175 стр. 20 к.

Вып. 3. 1958. 171 стр. 20 к.

Исследования по чешскому языку. Вопросы словообразования и грамматики.

1963. 190 стр. 1 р. 07 к.

Карский Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам.

1962. 712 стр. 3 р. 40 к.

Материалы и исследования по истории русского литературного языка. т. 5.

1962. 223 стр. 1 р. 30 к.

Материалы и исследования по общеславянскому лингвистическому атласу.

1968. 240 стр. 97 к.

Орлова В. Г. История аффрикат в русском языке в связи с образованием русских народных говоров.

1959. 211 стр. 1 р. 66 к.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного.

1964, 599 стр. 2 р. 65 к.

Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в системе словосочетаний.

1964. 304 стр. 1 р. 41 к.

Если Вы хотите приобрести эти книги, направляйте Ваши заказы по адресу Москва В — 463, Мичуринский проспект 12, магазин «Книга-почтой» Центральной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига».

Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97

Баку, ул. Джапаридзе, 13

Душанбе, пр. Ленина, 95

Иркутск, 33, ул. Лермонтова, 303

Киев, ул. Ленина, 42

Куйбышев, пр. Ленина, 2

Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57

Москва, ул. Горького, 8

Москва, ул. Вавилова, 55/5

Новосибирск, ул. Мамина-Сибиряка, 137

Ташкент, ул. Маркса, 28

Ташкент, ул. Шота Руставели, 43

Уфа, Коммунистическая ул., 49

Уфа, пр. Октября, 129

Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42

Харьков, Уфимский пер., 4/6.
